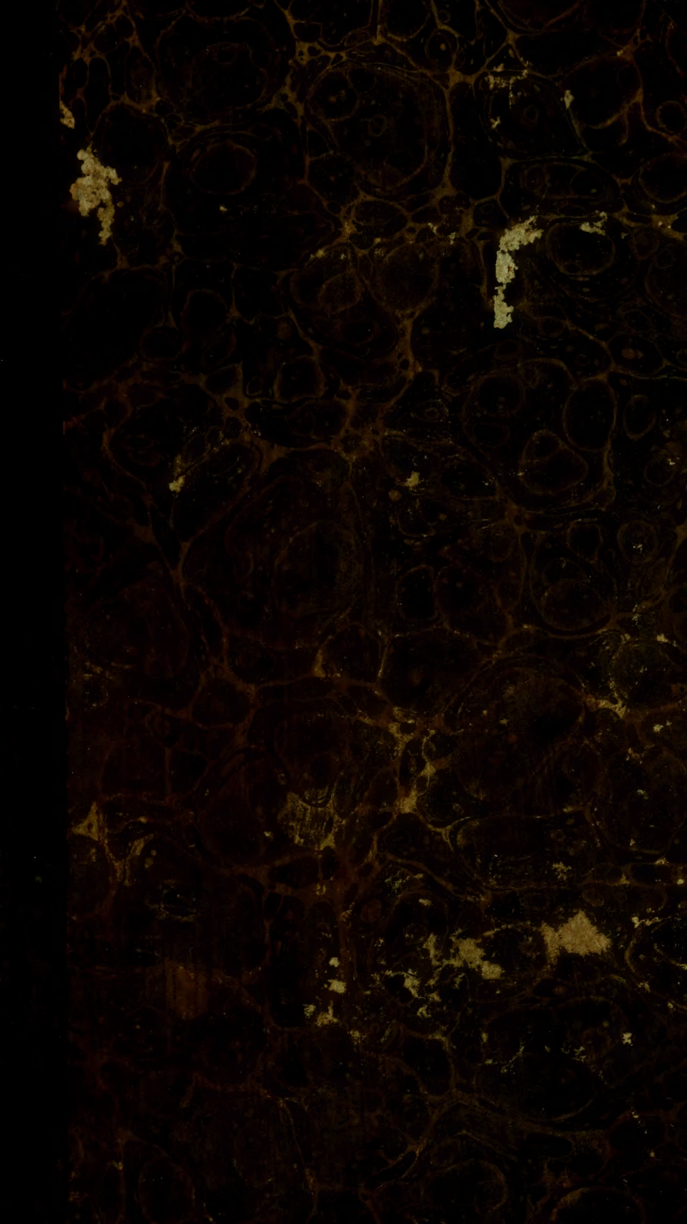

3150

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

БЫЛИ И ПОВѢСТИ,

сочиненныя

Николаемъ Полевымъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марта 26 дня 1834 года.

Ценсоръ Н. Лазаревъ.

ЭММА.

Look on a love which knows not to despair,
But all unquench'd is still my better part,
Dwelling deep in my schut and silent heart
As dwells the gather'd lightning in its cloud,
Encompass'd with its dark and rolling shroud,
Till struck,—forth flies the all-ethereal dart!

Посмотри на любовь, незнающую отчаянія: она все еще горитъ не потухая, и составляетъ лучшую часть самого меня, глубоко заключенная въ моемъ недоступномъ и молчаливомъ сердцѣ, какъ заключена бываетъ яркая молнія въ тучахъ, обвитая ихъ темнымъ, извивистымъ саваномъ, пока не блеснетъ она и не пробѣжитъ по небесамъ огненною стрѣлою.

Байронъ.

I.

Въ отдаленной части Москвы, именно въ *Нѣмецкой слободѣ*, до нашествія Наполеонова было много милыхъ, веселыхъ домиковъ и большихъ Боярскихъ домовъ. Теперь это измѣнилось: Нѣмецкая слобода застроена фабриками, заводами, казенными училищами; только раз-

валины, обгорѣлыя въ 1812-мъ году, видны отъ большей части прежнихъ Боярскихъ домовъ, и вывѣски пансіоновъ застилаютъ собою стѣны обширныхъ палатъ вельможескихъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара двѣнадцатаго года, или возобновленныхъ послѣ него. Прихоть перенесла обиталища знатныхъ людей въ другія части Москвы. Но когда все это было не такъ, до 1812-го года, говорю я вамъ, въ Нѣмецкой слободѣ, изъ числа великолѣпныхъ домовъ вельможескихъ великолѣпнѣе другихъ былъ домъ Князя С***. Тѣнью своею застилалъ онъ всю улицу; обширный садъ, окруженный каменною стѣною, съ чугунными, фигурными столбиками по тротуару, помощеному чугунными плитами, и съ желѣзными цѣпями отъ столбика къ столбику,

примыкалъ къ нему съ одной стороны. Огромныя старыя деревья видны были изъ за садовой стѣны, и гордо шумѣли вершины ихъ, равныя съ вторымъ этажемъ Княжескихъ палатъ. Съ другой стороны дома, похожаго видомъ на старинный фигурный коммодъ, съ раковинами на полукруглыхъ окнахъ, и съ обширнымъ балкономъ, окруженнымъ фигурною рѣшеткою, были исполинскія ворота. Сквозь ихъ желѣзныя, всегда растворенныя рѣшетки, открывался обширный мощеный дворъ, съ флигелями, гдѣ помѣщалось ста три дворовыхъ людей, бывшихъ для услуги при Князѣ и Княгинѣ, женъ ихъ и дѣтей. Дворъ этотъ, вдали оканчивался чугунною рѣшеткою, и опять желѣзными, симметрическими воротами, ведущими въ регулярный, стри-

женый садъ. Объ обширности сада судите потому, что Яуза текла черезъ него.

Таковъ былъ домъ Князя С***. Подлѣ этого обширнаго, построеннаго во времена Императрицы Елисаветы дома, рядомъ находился домикъ, деревянный, обитый тесомъ, выкрашенный сѣрою краскою; и — если-бы счастію надобно было выбирать себѣ жилище по сердцу, не знаю, едва-ли не этотъ домикъ выбрало-бы оно себѣ, и едва-ли не предпочло-бы его огромному сосѣду, великолѣпному Княжескому дому. Идя поутру мимо сѣраго домика, рѣдкій прохожій не останавливался, видя сквозь свѣтлыя стекла его, въ небольшой залѣ, прелестную картину, въ родѣ картинъ Августа Лафонтена: каждое утро, за большимъ столомъ, сидѣ-

ли тутъ трое милыхъ дѣтей—настоящія Грёзовы головки. Дѣти сидѣли и учились; въ сторонѣ, подъ окномъ, всегда сиживалъ тутъ-же, въ большихъ креслахъ, старикъ съ дымящеюся трубкою, и съ книгою, или съ газетами въ рукахъ. Его не умѣлъ-бы написать Грёзъ, потому что онъ не умѣлъ писать этихъ добрыхъ Нѣмецкихъ лицъ, этихъ длинныхъ, сѣдыхъ волосовъ, внушающихъ какую-то невольную почтительность. Грёзъ не могъ-бы написать и еще двухъ лицъ, которыя можно было всегда замѣтить сквозь свѣтлыя окна сѣраго домика: старушки въ огромномъ чепчикѣ, съ очками на глазахъ, заботливо занятой вязаньемъ или штопаньемъ чулковъ — истиннаго изображенія доброй Нѣмецкой хозяйки; и молодой дѣвушки, кото-

рая учила дѣтей, сидя съ ними за большимъ учебнымъ столомъ ихъ.

Люблю я эти готическія лица Нѣмецкихъ стариковъ и старушекъ, съ молода краснощекія, прикрытыя русыми, кудрявыми волосами, украшенныя голубыми глазами, и тихо, постепенно перешедшія къ сѣдымъ волосамъ, морщинамъ, и выраженію доброты, откровенно высказывающей вамъ всю жизнь, за которую едва-ли не всякій день благодарили они Бога! Иногда и на этихъ лицахъ увидите неправильную морщину — слѣдъ печали, горести, сердечной потери, но такая морщина пришлецъ между другими собратіями, показывающими, что жизнь постепенно накладывала ихъ на лица добрыхъ людей, какъ часовая стрѣлка постепенно переходитъ отъ одной минуты къ дру-

гой, отъ одного часа къ другому, пока укажетъ полдень, вечеръ, наконецъ — *полночь*, добрую ночь! — Да, смотря на такое лицо старушки, я готовъ сказать вамъ, что жизнь ея прошла, какъ ясный весенній день; что было для нея время учиться и помогать матери въ хозяйствѣ; потомъ время любить, любить тихо, весело, при самомъ началѣ любви думая о подвѣнечномъ платьѣ и заведеніи своего маленькаго хозяйства, и переходѣ, для этого хозяйства, изъ кухни матери въ кухню мужа, съ которымъ совѣстно не быть счастливою: такъ онъ добръ, такъ онъ заботливъ, такъ онъ любитъ тихо, кротко, нѣжно. Печаль и горе въ жизни такихъ людей — это облачки, разсѣянныя на ясномъ небѣ. Они, эти люди, по каплѣ пьютъ,

столь горькое для многихъ питье, которое судьба подаетъ каждому изъ насъ при рожденіи — *жизнь*, и допивая его при дверяхъ гроба, среди добрыхъ, милыхъ имъ людей, съ сожалѣніемъ заглядываютъ въ бокалъ, ими осушаемый, и жалѣютъ, что въ немъ остается допить только нѣсколько капель.

Старикъ съ газетами и старушка съ чулкомъ, обитатели сѣраго домика, прожили жизнь свою такъ: это видно было изъ всего— изъ ихъ взоровъ, часто съ благодарностію обращавшихся къ небу, изъ тихаго пожатія руки, каждый разъ, когда старушка проходила мимо старика; изъ ихъ ясныхъ, добрыхъ лицъ; изъ того, какъ они смотрѣли на малютокъ дѣтей; изъ того, какъ эти малютки обнимали ихъ и доводили до слезъ сво-

ими ласками. Онъ и она изображали собою прекрасный вечеръ прекраснаго дня.

Но дѣвушка? Правда, по ея бѣленькому, всегда опрятному платьицу, розовымъ щечкамъ, голубымъ глазамъ, зеленому передничку, стройной ножкѣ, тоненькой таліи, можно было видѣть, что это молоденькая Нѣмка, милое, доброе созданіе, утро дня жизни, яснаго и тихаго; но, и не бывши Нострадамомъ, не умѣя составлять гороскоповъ, можно было задуматься, глядя на нее, подумать, что едва-ли ей предоставляла судьба участь, подобную участи ея дѣда и бабушки (старикъ и старушка, жившіе съ нею, были ея дѣдушка и бабушка). Изъ чего можно было такъ заключать? Она была такъ скромна, такъ проста,

такъ мила; отъ учебнаго стола братьевъ весело переходила она къ хозяйству, отъ хозяйства къ своему форшепіано, отъ форшепіано къ своему Sammlung gottesdienstlicher Lieder (*), и съ такимъ полнымъ радости сердцемъ пѣла, вмѣстѣ съ дѣдомъ своимъ: Deines Gottes freue dich, dank ihm, meine Seele! Sorget er nicht väterlich, dass kein Gut dir ſehle (*)?

Все такъ. Но всматриваясь въ нее, въ эту дѣвушку, вы замѣтили-бы какую-то невольную за-

---

(*) *Собраніе духовныхъ пѣсенъ*, которыя поютъ въ Лютеранской церкви, во время Божественной службы, и нерѣдко дома въ благочестивыхъ семействахъ.

(*) *Возрадуйся о Господѣ, и благослови его, душе моя! Не Онъ-ли, яко отецъ, помышляетъ о тебѣ, да ни единое благо прейдетъ мимо тебѣ?*

думчивость, когда ей вовсе не о чемъ было задумываться; увидѣли-бы иногда въ глазахъ ея навернувшіяся слезы—не радости и не печали, а чего-то тайнаго, грустнаго: она закрывала тогда глаза своею ручкою, и потомъ подымала ихъ къ небу; и тогда можно было замѣтить, что у нея глаза не просто будущей Нѣмецкой хозяйки, голубые, но какіе-то свѣтлые, яркіе, почти лазуревые, способные сверкать чуднымъ огнемъ. У дѣвушки, которую судьба предназначаетъ просто быть доброю хозяйкою, и размѣрять жизнь свою опредѣленными шагами отъ колыбели дитяти до кухни, никогда не подымается грудь отъ такого тяжелаго вздоха, никогда щеки не пышатъ такимъ неопредѣленнымъ румянцемъ, и этотъ румянецъ не

смѣняется потомъ вдругъ такою блѣдностію. Вглядитесь въ нее: и волосы ея не просто русые — они отливаютъ какимъ-то особеннымъ, блѣдно-золотистымъ цвѣтомъ; и эта бѣлизна лица не просто бѣлизна всякой молодой дѣвушки въ семнадцать, восьмнадцать лѣтъ: это какой-то особенный поэтическій цвѣтъ, о которомъ пѣвали Нѣмецкіе Миннезингеры, какая-то прозрачность тѣла, о которой говоритъ современный намъ Данте: à travers ton beau corps mon âme voit ton âme (*сквозь твое прекрасное тѣло, душа моя видитъ твою душу*). Вы видите эту дѣвушку за рукодѣльемъ, за учебнымъ столомъ, подлѣ дѣда, бабушки; она тиха, тиха, безмолвна; глаза ея опущены, вокругъ нея пустота души и сердца; ни одна страсть не смѣетъ

приступить къ ней ; близъ нея не слышно пламеннаго дыханія юноши, который угадалъ-бы ея душу, не слышно и біенія сильнаго сердца, отъ котораго страшными звуками отзывалось-бы ея сердце, какъ струна сама собою вторитъ струнѣ, на одинъ ладъ съ нею настроенной. Да, эта дѣвушка можетъ умереть, сама не сознавши души своей; ея небесная гостья можетъ безмолвно протосковать всю жизнь въ ея прекрасномъ тѣлѣ; дѣвушка эта можетъ наконецъ задохнуться сердцемъ и душею въ объятіяхъ молодаго, благопристойно-красиваго, ласковаго, благоразумно любящаго супруга, и жизнь ея тогда пройдетъ такъ-же тихо и весело, какъ тихо и весело танцуется Нѣмецкій вальсъ, оканчиваемый гроссъ-фатеромъ, какъ протекла жизнь ея бабушки... Но

что̀ будетъ съ нею, если злобный демонъ страстей зажжетъ ея бытіе сильными страстями? Кстати: на учебномъ ея столикѣ, подлѣ тетрадокъ, лежитъ какая-то маленькая книжка: это Шиллеръ, сумасбродъ Шиллеръ, напечатанный въ маленькій форматъ, по Нѣмецкому обычаю на сѣрой бумагѣ; и глаза ея задумчиво устремлены на стихи:

Empfange meinen Vollmachtbrief zum
Glücke!
Ich bring' ihn unerbrochen dir zurücke
Ich weiss nichts von Glückseligkeit (*)...

И кажется, что старики вовсе не замѣчаютъ этого проклятаго

(*) Возьми мою довѣренность на земное счастіе—возьми! Я отдаю тебѣ ее обратно, нераспечатанную: я не зналъ наслажденія счастіемъ!...

Шиллера; не видятъ, какъ читаютъ его украдкою, когда добрые старики думаютъ, что внучка разбираетъ грамматическій смыслъ какой нибудь фразы въ дѣтскомъ Lesebuch. Милое созданіе! брось, ради Бога, брось этого Шиллера! Возьми лучше съ стариннаго туалета бабушки твоей Livländisches Kochbuch, и читай въ ней какъ готовятъ пикули и дѣлаютъ сою....

Но я разсказываю вамъ столько подробностей о дѣвушкѣ, обитательницѣ сѣраго домика, а не сказалъ вамъ еще ни имени ея, ни кто такіе старикъ и старушка, съ нею живущіе, ни что это за дѣти, которыя живутъ съ нею и съ ними. Объяснить такія семейныя подробности — если онѣ вамъ надобны — не долго: дѣвушка, о которой я разсказывалъ — *Эмма*. Ста-

рикъ—это уже вамъ извѣстно—ея дѣдъ; старушка—ея бабушка; трое мальчиковъ — ея маленькіе братья; и всѣ они и она составляли доброе, счастливое семейство, которое до 1812 года обитало въ маленькомъ, красивомъ домикѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, подлѣ огромнаго дома Князя С***.

Біографія старика была очень проста и не велика. Отецъ его былъ Нѣмецъ; пріѣхалъ въ Россію, когда вызвали изъ Германіи знающихъ людей для устройства въ Россіи Почтамтовъ. Опредѣлясь въ Москвѣ, онъ прожилъ въ ней всю жизнь; лѣтъ двадцать просидѣлъ подлѣ Почтамтскаго окошечка, ежедневно, *кромѣ воскресныхъ дней*, принимая письма; но при томъ онъ успѣлъ выполнить почти все, что Стернъ почиталъ необходимою обязанно-

стію каждаго честнаго человѣка, то есть: женился, построилъ домъ, насадилъ садъ (только не написалъ ни одной книги, и едва-ли читалъ что нибудь, кромѣ Нѣмецкихъ газетъ и дѣловыхъ бумагъ); потомъ передалъ и домикъ, и садикъ, и небольшое нажитое имъ имѣніе сыну, который, не имѣя охоты сидѣть въ Почтамтѣ, сдѣлался учителемъ Нѣмецкаго языка въ Москвѣ, женился въ свою очередь, на старости лѣтъ перестатъ учить Нѣмецкому языку, и спокойно доживалъ вѣкъ свой въ отцовскомъ домикѣ, который перестроилъ онъ и выкрасилъ сѣрою краскою. Дѣтей у него не было. Услышавъ, что племянникъ его, служившій въ Петербургѣ, умеръ, оставивъ дочь и трехъ сыновей, старикъ, въ первый разъ въ жизни, оставилъ Мо-

скву, поѣхалъ въ Петербургъ, обнялъ тамъ со слезами сиротъ племянника, маленькую Эмму и братьевъ ея, поклялся замѣнить имъ отца, и привезъ ихъ въ Москву, гдѣ въ доброй старушкѣ, женѣ его, Эмма и братья ея точно увидѣли вторую мать, а въ старикѣ дѣдѣ втораго отца. Уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ поѣздки старика въ Петербургъ. Эммѣ было уже 17, 18-ть лѣтъ; но благодарная молитва къ Богу все еще означала для нея каждый вечеръ, когда день оканчивался, и Эмма, удалясь въ свою комнату, надѣвъ на свою головку спальный чепчикъ, размышляла нѣсколько минутъ о томъ, что происходило съ нею въ этотъ минувшій день, и не согрѣшила-ли она передъ Богомъ чѣмъ нибудь? Не огорчила-ли чѣмъ нибудь папеньку

и маменьку (такъ называла она дѣда и бабушку)? Потомъ—и то не всегда—она задумывалась, думала нѣсколько минутъ—сама не зная о чемъ... «Нѣтъ ничего опаснѣе такихъ неопредѣленныхъ думъ!» скажете вы. Можетъ быть; только увѣряю васъ, что Эмма послѣ того каждый вечеръ засыпала тихо и спокойно, и никакое дневное событіе не перерождалось для нея въ привидѣнія ночи: она не видала никакихъ сновъ, этихъ зловѣщихъ вороновъ нашей дѣйствительной жизни!

II.

— Дома-ли Эмма, дядинька? — спросила веселая дѣвушка, поспѣшно входя въ залу сѣраго домика.— «Дома, дома!» отвѣчалъ старикъ.

— Гдѣ она? — «Въ саду.» — Бѣгу къ ней! — «Погоди, вѣтреница! Дай поцѣловать себя!» — Нѣкогда! Мнѣ надобно пересказать ей тысячу новостей! — отвѣчала дѣвушка, мимоходомъ прижимая ротикъ свой къ рукѣ старика, пока онъ цѣловалъ ее въ лобъ и щеки. — «Тысячу новостей! Онѣ всѣ, я думаю, сойдутъ на одну: ты вѣрно получила письмо отъ своего Теобальда?» — Вы угадали! — «Что онъ пишетъ?» — Онъ скоро сюда будетъ; да не задерживайте меня: мнѣ надобно все, все пересказать моей Эммѣ! — И бросивъ свою соломенную шляпку на столикъ, гостья побѣжала въ садъ.

Этотъ садъ можно было назвать небольшимъ, красивымъ цвѣтникомъ, чѣмъ-то похожимъ на шитье дамскихъ шемизетокъ, гдѣ въ строй-

номъ порядкѣ, нитками, вышиты глупые цвѣточки и листочки. Но, скажите: кто изъ насъ не любовался этими нитяными цвѣточками на груди какой нибудь милой дѣвушки? Такъ и эти садики. Они малы, однообразны, пошлы; деревянная клѣтка, выкрашенная зеленою краскою, обложенная тощими акаціями, и нѣсколько кустовъ малины и смородины, вытянутыхъ по веревкѣ, замѣняютъ въ нихъ тѣнистыя аллеи; кривыя дорожки, по которымъ тѣсно идти втроемъ, и извилины которыхъ разсмотрите вы съ перваго взгляда, какъ обманъ дитяти угадываете съ перваго слова — вотъ вамъ изображеніе того, что при маленькихъ домикахъ въ Москвѣ громко называется — *садъ*. Обыкновенно по срединѣ бываетъ еще въ этихъ садахъ цвѣтникъ,

гдѣ хозяева ставятъ иногда алебастровыхъ богинь,которыхъ разнощики таскаютъ по Москвѣ на лоткахъ вмѣстѣ съ статуйками Наполеона, изображеніями Езопа, Милосердія, Лаокоона, Надежды и Любви, Купидонами, и кошками съ подвижною головкою и съ мышью въ зубахъ; или садятъ тутъ рѣдкія Американскія растенія, продаваемыя въ каждой цвѣточной лавочкѣ. Если у хозяина есть еще дюжина чахлыхъ деревьевъ — онъ гордится своимъ садомъ. « У васъ прекрасная тѣнь, » говорятъ ему. — « Мы тутъ пьемъ чай по вечерамъ, » говоритъ хозяйка.— Какъ пріятно пить чай вечеромъ на открытомъ воздухѣ — прибавляетъ гость: какъ будто этотъ ящикъ безъ крышки въ самомъ дѣлѣ *садъ* и *открытый воздухъ!* Но когда такая цвѣточная шемизетка бываетъ на-

дѣта на грудь счастія жизни — знаете-ли, какъ милы, очаровательны кажутся тогда и клѣтка съ акаціями, и дорожки, и цвѣтникъ! Все зависитъ отъ лучей души: свѣти они радостью — все мило и радостно! Капля росы на листочкѣ, что̀ это такое? Капля воды; но лучъ солнца освѣтитъ ее, и она загорится алмазомъ.

Такой садикъ, о какихъ мы говорили, былъ при сѣромъ домикѣ; въ этотъ садикъ побѣжала гостья искать Эмму, увидѣла ее въ углу садика, подлѣ бесѣдки, и издали закричала ей: Bon jour, mon amie! Эмма стояла, низко наклонившись къ цвѣточной грядкѣ, и что-то внимательно разсматривала. Она не слыхала привѣтствія веселой своей гостьи, не слыхала шума ша-

говъ ея, когда эта гостья бѣжала къ ней по дорожкамъ, и тогда только замѣтила ее, когда гостья подбѣжала къ ней, и зажала ей глаза руками.

«Ахъ, Фанни» — сказала Эмма (гостью звали *Ѳедосьею;* но это неблагозвучное имя, еще въ дѣтствѣ ея было передѣлано въ *Фанни*) — «шалунья! пусти меня!»

— Что за задумчивость? Не слыхать моего голоса, не видѣть меня! —

«Я смотрѣла, вотъ на этотъ милый мой цвѣточекъ: погляди — онъ оживаетъ; я думала, что онъ совсѣмъ пропалъ, и какъ это меня печалило, Фанни! Я ходила за нимъ, какъ за больнымъ братомъ; посмотри: онъ оживаетъ теперь!

— Что за цвѣтокъ? Какой вздоръ! Простые васильки!

« Васильки! Богъ и имъ велѣлъ жить; и не жалко-ли, если они гибнутъ не разцвѣтая, не насладившись своею жизнью! А и всего-то имъ жить одно лѣто....

Эмма опять наклонилась къ кусту васильковъ, и выправляла ихъ около тычинки, къ которой былъ привязанъ кустикъ ихъ.

« Что за ребячество, Эмма! Брось твои васильки; пойдемъ ходить по саду; я тебѣ перескажу — ахъ! милый другъ! я тебѣ все перескажу! *Онъ* пишетъ, *онъ* скоро пріѣдетъ! Уйдемъ въ бесѣдку, Эмма! я тебѣ прочитаю! — Фанни выняла изъ за-шнуровки своей маленькое письмецо, крѣпко поцѣловала его, и издали показала Эммѣ.

— Пойдемъ въ бесѣдку! сказала она. Дѣвушки обнялись, сѣли на лавку въ бесѣдкѣ; рука Фанни об-

вилась вокругъ шеи Эммы; голова Эммы склонилась на плечо Фанни, и разговоръ — смѣсь Французскихъ и Русскихъ словъ—начался въ полголоса.

Пока Эмма и Фанни переговорятъ о всякомъ вздорѣ — а онъ въ дѣвичьихъ разговорахъ занимаетъ важное мѣсто — да и въ чьихъ разговорахъ не такъ? — я успѣю сказать вамъ, когда вы сами еще не догадались, что Фанни была подруга Эммы — молодая дѣвушка, дочь сосѣда, Нѣмца, чиновника, какой-то дальней родни, который женился на Русской дворянкѣ, отъ чего въ именахъ дѣтей его вышла страшная путаница Русскихъ именъ и Нѣмецкихъ прозваній: Ѳедосья Готлибовна, Филиппъ Готлибовичъ, и проч. — Говорили, будто такая-же путаница вышла въ его хозяй-

ствѣ и воспитаніи дѣтей. Фанни была подруга Эммы: вы знаете, что̀ такое значитъ: *подруга дѣвушки?* Меньше нежели ничто; Французская эпиграмма на дружбу; переводъ Шекспирова Сонета съ Французской прозы въ Русскіе стихи! Всего чаще, подружество дѣвичье начинается въ пансіонахъ; иногда на балахъ и танцовальныхъ вечерахъ. Въ пансіонахъ оно доказывается тѣмъ, что подруги подсказываютъ другъ другу уроки и дѣлятся конфектами; на балахъ тѣмъ, что онѣ садятся рядомъ въ мазуркѣ, и ходятъ обнявшись, пока музыканты отдыхаютъ, сто разъ повторивши одно и тоже. Иногда это подружество продолжается годы, и кончится тѣмъ, что одна подруга выходитъ за мужъ; счастливецъ вытѣсняетъ изъ сердца

ея бѣдную подругу, какъ первый лучъ солнца заставляетъ блѣднѣть бѣдную луну. Иногда подруги надоѣдаютъ другъ другу, ссорятся и разстаются; иногда свѣтъ разрываетъ нѣжную дружбу ихъ за порогомъ пансіона, гдѣ одну подругу ждетъ лакей облитой золотомъ, съ словами: « За Вашимъ Сіятельствомъ маменька изволила прислать карету, » когда другой въ тоже время говоритъ беззубая нянька, или старая кухарка: « Маменька велѣла мнѣ проводить васъ, барышня, домой. » Старыя дѣвушки рѣдко бываютъ подругами: злыя на все, онѣ искусали-бы другъ друга, искусавъ всю надежду свою на счастіе въ жизни. Но едва-ли сыщете хоть одну молодую дѣвушку въ мірѣ безъ подруги. Онѣ читаютъ вмѣстѣ азбуку любви, на за-

рѣ жизни, когда душѣ дѣвушки все такъ чуждо и знакомо, близко и далеко, и все такъ непонятно и понятно, безъ отчета головѣ и сердцу. Въ маленькомъ мірѣ ея бываетъ такъ темно: сердце еще не освѣщаетъ пустоты идей, а сквозь душу, какъ сквозь стеклянную призму разцвѣчивается между тѣмъ все семью небесными цвѣтами, безъ жара, но и безъ тѣни. Подъ эту призму становится обыкновенно подруга дѣвушки, и — Боже мой! сколько тутъ является важныхъ открытій ни чего, тайныхъ разговоровъ ни о чемъ, писемъ и записокъ, стиховъ и альбомовъ, узоровъ по канвѣ и пересылки нотъ, гдѣ стихи Жуковскаго и Пушкина, понятные только перегорѣвшей душѣ, поются на голосъ романса Королевы Гортензіи, и Фрейшицъ

передѣланъ въ вальсы и кадрили безбожными врагами Музыки! Кто не смѣется, найдя въ альбомѣ дѣвушки: je vous souhaite de tout mon coeur — toutes sortes de bonheur; либо выписки изъ Делиля и Сенъ-Ламбера? Но мнѣ также бываетъ смѣшно, когда я нахожу въ немъ:

If that high world, which lies beyond
 Our own, surviving love endears;
If there the cherish'd heart de fond,
 The cye the same, except in tears —
How welcome those untrodden spheres!
 How swect this very hour to die!
To soar from eart, and find all fears
 Lost in thy light — Eternity!

It must be so: 't is not for self
 That we so tremble on the brink;
And striving to o'erleap the gulf,
 Yet cling to being's severing link.
Oh! in that future let us think
 To hold each heart the heart that shares,

With them the immortal waters drink,
And soul in soul grow deatless theirs (*)!

И это переписываютъ въ альбомъ подругѣ, по складамъ, дѣтскими каракульками? Сколько смѣшнаго въ мірѣ!

«Спѣшу увѣдомить васъ, милая Фан-
«ни, что, слава Богу, всѣ дѣла мои въ

(*) «Если въ этомъ мірѣ, возвышенномъ надъ нашимъ міромъ, переживаетъ насъ любовь наша; если тамъ переживутъ насъ любящее сердце и очи любви, уже не знающія слезъ — какъ радостно перейдти въ эти безвѣстныя небеса, какъ весело умереть въ сей самый часъ, улетѣть съ земли, и увидѣть всѣ опасенія исчезнувшими въ свѣтѣ твоемъ, о Вѣчность!

«Такъ должно быть: не за самихъ себя трепещемъ мы стоя на берегу, и, порываемые желаніемъ переплыть бездну, остаемся прикованные тяжкою цѣпью. Ахъ! оставьте намъ думу, что въ неизвѣстной будущности сердце соединится съ любящимъ его сердцемъ, упьется съ нимъ водами безсмертія, и душа съ душею будутъ жить вмѣстѣ, неумирающія!»

« Саратовѣ кончились, и я вчера еще
« выѣхалъ-бы отсюда, если-бы не
« простудился, и если-бы Докторъ
« не посовѣтовалъ мнѣ не пускать-
« ся въ дорогу съ моимъ кашлемъ.
« Зная чувства ваши, и судя о
« нихъ по своимъ, прошу васъ не
« безпокоиться обо мнѣ, и увѣряю,
« что болѣзнь моя совершенно ни-
« чтожна. Вы можете вообразить,
« съ какимъ нетерпѣніемъ желалъ-
« бы я поспѣшить къ вамъ въ Мо-
« скву, гдѣ ожидаютъ меня любовь
« и счастіе. Завидую этому письму,
« которое увидитъ васъ прежде
« меня. Мысль о васъ никогда не
« оставляетъ меня, и не рѣдко да-
« же благотворный сонъ представ-
« ляетъ мнѣ вашъ прелестный об-
« разъ. Недавно былъ я у дядиньки
« Богдана Богдановича. Онъ самъ,
« и милое семейство его, любятъ

« васъ заочно, какъ сестру и дочь,
« хотя еще и не знаютъ лично. Па-
« пенька и маменька препоручаютъ
« вамъ свидѣтельствовать ихъ по-
« чтеніе вашему дѣдушкѣ и бабу-
« шкѣ. »

Таково было письмо, которое прочитала Эммѣ подруга. Это было письмо отъ жениха ея, молодаго и *очень милаго человѣка*, который ходилъ къ ея отцу три года, наконецъ предложилъ Фанни руку, былъ сговоренъ, и уѣхалъ въ Саратовъ, испросить позволенія отцовскаго на свадьбу и устроить свои дѣла.

— Не правда-ли, какъ онъ мило пишетъ, какъ онъ меня любитъ?— вскричала Фанни.

Эмма молчала.

— Ты сегодня пренесносная — продолжала Фанни. — Радуешься

надъ дряннымъ цвѣткомъ, а не восхищаешься письмомъ моего жениха! Мило-ли оно?

«Нѣтъ!» отвѣчала Эмма, разсѣянно.

— Эмма! — вскричала ея подруга, сердито отодвигаясь отъ нея.

Эмма опомнилась, и спѣшила увѣрить подругу, что она сама не знаетъ, что говоритъ.

— Я вѣдь хорошо знаю тебя, Эмма: ты опять сегодня вздумала мечтать; опять начиталась своего Шиллера! —

«Нѣтъ! я недѣли двѣ не читала его, и едва-ли примусь за него скоро.

— Что-жь за причина твоей разсѣянности? Посмотри, что за прекрасный день! Какъ все цвѣтетъ, какъ все хорошо!

«Да!» отвѣчала Эмма, вздыхая.

— Мой Теобальдъ пріѣдетъ; мы будемъ танцовать, много танцовать!

« Я рада! » сказала Эмма, и слезы капнули изъ глазъ ея.

Фанни испугалась, бросилась къ подругѣ, обняла ее, просила простить, и клялась, что не хотѣла огорчить ея.

— Я и не грущу; право, я весела, и ты меня ничѣмъ не оскорбила, Фанни!

« Но я говорю о своемъ счастьи, когда ты печальна!

— Я не завидую *твоему* счастью, Фанни; клянусь Богомъ, не завидую! Мнѣ иногда даже бываетъ жаль тебя.

« Милый другъ! что̀ съ тобой сдѣлалось?

— Прости меня, Фанни! Я печалю тебя моими словами!

« Нѣтъ! но я тебя не понимаю: этого прежде не бывало. Я замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ я невѣста Теобальда, я вовсе не узнаю тебя! —

Повѣряшъ-ли: безпокойное чувство ревности, и вмѣстѣ самодовольства, блеснуло въ глазахъ Фанни; но, прибавимъ къ чести ея сердца — на одно мгновеніе.

Ничего этого не замѣчая, Эмма продолжала печально: — Не ты виновата въ этомъ, Фанни — увѣряю тебя, не ты. Это глупость, вздоръ — мечты самыя нелѣпыя....

« Ты мнѣ разскажешь ихъ?

— Ради Бога, не спрашивай! Я сама ихъ не понимаю, и не умѣю растолковать.

« Тебѣ скучно?

— Нѣтъ! не скучно и вовсе не грустно. Но мое чувство похо-

дитъ на состояніе человѣка, которагo посадили въ клѣтку, и котораго невидимая какая-то сила удерживаетъ между небомъ и землею. Онъ самъ не понимаетъ, гдѣ виситъ его клѣтка; вокругъ него пустота, и ей нѣтъ конца, ни края, этой пустотѣ, Фанни: пустыня совершенная! Иногда по ней пролетаетъ мимо его что-то милое такое, раздаются звуки такіе чудные — ахъ! какіе чудные.... И вдругъ все исчезаетъ; и являются и летятъ мимо привидѣнія, такія страшныя, что онъ отъ ужаса закрываетъ глаза....

Въ это время, гдѣ-то въ отдаленіи, по видимому у сосѣдей, раздались странные звуки: казалось, что они походятъ на клики отчаянія, на смертный стонъ, вырывающійся изъ груди человѣка, кото-

раго душитъ сильная рука. Звуки эти пронеслись въ воздухѣ и мгновенно исчезли. Эмма задрожала; Фанни также вздрогнула, осмотрѣлась кругомъ — все было тихо, радостно, свѣтло; она не посмѣла спросить у Эммы, прижавшей лицо свое къ ея груди, и начала опять разговоръ:

— Милая Эмма! ты будешь неблагодарна, если не согласишься, что тебя всѣ любятъ, обожаютъ; что ты составляешь радость и счастіе своего семейства; что я тебя люблю.... Неужели тебѣ этого не довольно? —

« Все знаю, все чувствую, и боюсь: не грѣхъ-ли мое несчастное чувство, не значитъ-ли оно неблагодарности къ моимъ роднымъ.... къ тебѣ, моя Фанни.... къ самому Богу....

— Эмма! ты любишь кого нибудь, и скрываешь отъ меня?

«О, нѣтъ! увѣряю тебя!» Эмма подняла голову свою, и прямо въ глаза смотрѣла своей подругѣ.

— Вѣрю теперь; но, что-же сокрушаетъ тебя?

«Не знаю. Когда дѣдушка ласкаетъ меня, мнѣ кажется, что это въ послѣдній разъ, что завтра Эмма останется одна, одна; когда братья весело прыгаютъ вокругъ меня, мнѣ думается: они скоро покинутъ тебя, и каждый изъ нихъ скоро и навсегда забудетъ объ Эммѣ.

— Зачѣмъ-же печалить себя такою грустною мыслью, Эмма? Милый другъ! у тебя будетъ свой *Теобальдъ!* Не повѣришь, какъ радостно теперь я думаю, что онъ любитъ меня; что мы съ нимъ бу-

демъ жить , такъ долго , долго , и все будемъ любить , и все будемъ счастливы !

« Ахъ , милый другъ ! я испугалась-бы такого чувства , и не понимаю , какъ можетъ оно тебя радовать ! Мужчины — я боюсь ихъ : они пугаютъ меня , всѣ, сколько ихъ ни видала ! Ихъ любовь — прости меня — любовь къ тебѣ Теобальда — избави Боже ! Нѣтъ , нѣтъ ! мнѣ не надобно такой любви. . . . .

— Ты сумасбродишь !

« Можетъ быть ; но въ душѣ моей я чувствую что-то непонятное мнѣ самой. Послушай : говорятъ , что цвѣты не живутъ полною жизнію , что они только *растутъ*. Я не вѣрю этому. Всякій разъ, когда я смотрю на мои цвѣты , когда запахомъ ихъ навѣваетъ ко мнѣ

вѣтерокъ, когда притомъ птичка такъ весело напѣваетъ мнѣ своимъ голоскомъ — тутъ отзывается душа какая-то, душа въ цвѣтахъ, въ звукахъ — говорю я самой себѣ. Шиллеръ зналъ эту душу цвѣтовъ и звуковъ. Онъ говорилъ о ней; а у людей я этого не вижу! Когда цвѣтокъ такъ нѣжно высказываетъ мнѣ жизнь свою; когда птичка такъ мило выпѣваетъ ее мнѣ — какъ-же должны-бы высказывать, выражать ее люди, когда имъ Богъ далъ глаза и слова! Какова-бы должна быть *любовь людей!* Мнѣ кажется иногда, что я создаю себѣ кого-то, какое-то привидѣніе, изъ всего, что очаровываетъ меня въ природѣ; я даю ему образъ человѣческій; передаю ему *свою душу* — онъ мнѣ больше нежели подруга — онъ *другъ* мой — нѣтъ!

еще больше: онъ такъ любитъ меня, что другъ такъ любить не можетъ... и я не знаю, какъ назвать его....

— И это привидѣніе, вѣрно, походитъ на мужчину, а не на подругу?

« Ахъ, да! Но, не смѣйся надо мною: оно не походитъ ни на одну подругу мою; увѣряю тебя, что оно не походитъ и ни на одного мужчину, какихъ я знаю. У него глаза свѣтятся небомъ; у него щеки алѣютъ, какъ заря; онъ *не говоритъ мнѣ ничего*, а я *все понимаю*.

— И мой Теобальдъ точно таковъ!

« Ахъ, нѣтъ! Онъ не таковъ! Твой Теобальдъ говоритъ тебѣ, какъ говорятъ другіе мужчины — *ты* не онъ, а онъ *не ты!* Мое

привидѣніе такое воздушное, что я дышу имъ, и если-бы надобно мнѣ было говорить съ нимъ, я называла-бы его *я*, а себя *ты!* Онъ жилъ-бы моею жизнью — онъ умеръ-бы, когда не видалъ-бы меня съ собою....» Эмма понизила голосъ: «Онъ не уѣхалъ-бы въ Саратовъ; не пожалѣлъ-бы своего кашля, и не писалъ-бы ко мнѣ: *вы!* Я разлюбила-бы его за все это, а безъ любви моей онъ не могъ-бы существовать. Его создала любовь моя, и съ смертью моей любви — умретъ онъ!»

Фанни невольно задумалась при словахъ подруги. «Милый другъ! ты мечтаешь!» сказала она. «Того, что создаешь ты себѣ въ воображеніи — нѣтъ въ мірѣ. Но любовь моего Теобальда прекрасна; она совершенно счастливитъ меня....

— Что́ это за любовь, Фанни, если ты могла существовать прежде, не зная любви своего Теобальда! Прости меня, Фанни — я люблю тебя, и не хотѣла огорчать; но ты сама спрашивала меня — я все сказала тебѣ. Видишь-ли, отъ чего письмо твоего жениха холодитъ меня, какъ кусокъ льду; отъ чего мнѣ такъ тяжело смотрѣть на людей, особливо на мужчинъ, съ ихъ дерзкими взорами, съ ихъ любовью, такою грубою.... Нѣтъ! мнѣ не надобно такой любви!

«Но тебя отдадутъ за мужъ, и, можетъ быть, за того молодаго гусара, который говорилъ съ нами, когда мы были на вечерѣ у М***. Онъ отъ тебя въ восторгѣ — онъ-же такой хорошенькій!

— Я никогда не отдамъ ему руки своей. Дѣдушка не станетъ при-

нуждать меня. Этотъ гусаръ надоѣлъ мнѣ ужасно: онъ всякій день ѣздитъ мимо насъ, и глядитъ къ намъ, прямо въ окна. Неужели онъ любитъ, когда можетъ глядѣть на меня, какъ будто на хорошенькую куклу, и еще прямо, разглаживая свои усы и щеголяя лорнетомъ? Уродъ! Нѣтъ! ваши люди, ваши мужчпны мнѣ не нравятся..... Если-бы можно было мнѣ отказаться вовсе отъ свѣта, когда не будетъ дѣдушки и бабушки, и если-бы я была Руская, я — пошла-бы можетъ быть въ монахини. Тамъ, святая вѣра наполнила-бы всю мою душу, такъ наполнила, что всѣ привидѣнія были-бы изъ нея вытѣснены.... Если-бы я могла полюбить здѣсь кого нибудь на землѣ — Фанни! я умерла-бы: кто пойметъ мою любовь, когда я сама ея

не понимаю? Фанни! я чувствую, что мнѣ не жить здѣсь долго; о счастьи я и думать не смѣю: люди не знаютъ счастья, и мнѣ кажется, что все шепчетъ мнѣ: Эмма! тебя ждутъ въ родной сторонѣ! Ты здѣсь пришелица! Не люби такъ, какъ любятъ люди! И небесный дождь, когда онъ падаетъ на землю, дѣлается грязью....

Тутъ снова послышались пронзительные звуки, какихъ прежде испугалась Фанни. Теперь можно было яснѣе разслушать, что это были отчаянные крики человѣческіе. Эмма снова задрожала.

— Что̀ это такое, Эмма? Уже въ другой разъ мнѣ это послышалось!

«А я всякій день слышу, и мнѣ кажется, что судьба моя откликается ими, когда я спрашиваю у

нея: есть-ли на землѣ счастье для Эммы?

— Растолкуй мнѣ, что̀ это такое?

«Это кричитъ сумасшедшій.

— Какой сумасшедшій?

«Развѣ ты не слыхала, что у сосѣда нашего, Князя С***, года два тому, сошелъ съ ума его сынъ?

— Да, такая жалость! Говорятъ, онъ былъ премилый молодой человѣкъ.

«Я его никогда не видала. Князь всегда живалъ въ Петербургѣ, и до пріѣзда въ Москву съ сумасшедшимъ сыномъ долго жилъ еще въ своей деревнѣ. Только прошедшею зимою поселился онъ у насъ по сосѣдству, въ своемъ домѣ. Сына его взялся лечить какой-то ученый Докторъ, выписанный изъ Берлина. Но успѣха нѣтъ. Молодаго Кня-

зя поселили съ самой весны въ садовомъ павильонѣ; говорятъ, онъ безпрестанно приходитъ въ бѣшенство и всегда прикованъ на цѣпи. Онъ кричитъ иногда такъ отчаянно, что у насъ, особливо по утру и въ вечеру, все бываетъ слышно.

— Какой ужасъ!

«Что̀ за ужасъ? Сначала я сама пугалась его крика, а теперь привыкла, хоть невольно содрагаюсь, каждый разъ, когда услышу этотъ ужасный крикъ. Мнѣ все кажется, что этого бѣднаго молодаго человѣка мучатъ, мучатъ за то, что онъ былъ лучше другихъ людей, и онъ проситъ пощады у безчеловѣчныхъ, а его не слушаютъ.

— Это разстроитъ меня на цѣлый день, Эмма — и твой разговоръ при томъ.... — Фанни задума-

лась и тихо промолвила: «Да, можно-бы любить иначе, нежели любитъ мой Теобальдъ.» Она соскочила съ скамьи. — «Пойдемъ въ комнаты!» сказала она, съ принужденною усмѣшкою, и потащила съ собою Эмму по садовой дорожкѣ.

III.

Прошло нѣсколько дней послѣ разговора двухъ подругъ, и опять задумчиво, съ неопредѣленною мечтою, Эмма гуляла въ садикѣ своего дѣдушки. Прекрасенъ былъ день, ясно было небо; любимцы Эммы, цвѣты, казалось хотѣли сказать ей: «Будь весела, наша милая Эмма! о чемъ ты грустишь? Посмотри: мы ожили твоимъ стараніемъ. Повеселѣй-же, наша Эмма!»

Но Эмма ничего не слыхала, ни

на что не смотрѣла; она сидѣла съ своею работою въ бесѣдкѣ, иногда устремляя взоръ на любимую свою грядку цвѣтовъ подлѣ бесѣдки, гдѣ великолѣпно цвѣлъ теперь василекъ, и, казалось, гордился между другими цвѣтами, какъ будто хотѣлъ сказать имъ: *меня любитъ Эмма!*

Вдругъ необыкновенный шумъ привлекъ вниманіе Эммы. Она глядитъ — нѣтъ! она не ошибается: среди яснаго полудня не являются привидѣнія! Но что-же это такое, если не привидѣніе? — Сверхъ каменной ограды, отдѣлявшей Княжескій садъ отъ садика дѣдушки Эммы, появилась растрепанная голова; рука чья-то уцѣпилась за верхъ ограды: это человѣкъ — онъ лѣзетъ на ограду; съ руки его перемахнулась въ садикъ желѣзная

цѣпь.... Другою рукою ухватился онъ за ограду — другая цѣпь повисла на оградѣ. Онъ останавливается; глядитъ назадъ; оборачивается въ садикъ; безчувственно глядитъ онъ потомъ на солнце, на небо, на деревья, на цвѣты....

Эмма хотѣла бѣжать — холодомъ обдало ее; ноги ея подкосились. Бѣги, Эмма! бѣги, моли своего ангела-хранителя спасти тебя! Нѣтъ! силы оставляютъ Эмму! Ужасъ лишаетъ ее возможности бѣжать; она не въ безчувствіи, но какъ будто гремучая змѣя глядитъ на нее, и очарованіемъ глазъ своихъ уничтожаетъ у нея даже самую мысль двинуться съ мѣста.

Внимательно, не понимая сама что̀ дѣлаетъ, Эмма устремляетъ взоры свои на незнакомца; не можетъ отвести отъ него глазъ

своихъ. Она видитъ ясно, что это какой-то молодой человѣкъ: онъ одѣтъ въ сюртукъ; глаза у него голубые, волосы русые; но — великій Боже! какое лицо — блѣдное, худое; какіе глаза — дикіе, мутные! Волосы его всклочены, падаютъ на плеча, нерасчесанные, въ безпорядкѣ; на рукахъ его цѣпи; платье его разорвано. Съ минуту держался онъ за заборъ и глядѣлъ назадъ, въ садъ Княжескій. Вдругъ въ саду Княжескомъ раздался голосъ: «Вотъ онъ! ловите его!» Лицо незнакомца обезобразилось судорогами. Держась одною рукою за ограду, онъ схватываетъ другою какую-то огромную палку, взмахиваетъ ее и кидаетъ въ садъ Княжескій. Въ одно время раздался въ саду пронзительный вопль и съ нимъ смѣшался безумный хохотъ

незнакомца! Быстро вскакиваетъ онъ на ограду, и съ крикомъ, съ дикимъ хохотомъ прыгаетъ въ садикъ дѣдушки Эммы, мгновенно поднимается, кричитъ, бѣжитъ изступленно, перепрыгиваетъ черезъ кусты, топчетъ грядки цвѣтовъ, и стремится прямо къ бесѣдкѣ, гдѣ сидитъ Эмма....

Послѣ перваго мгновенія безчувственнаго, безотчетнаго страха, Эмма поняла, что страшный незнакомецъ долженъ быть молодой сумасшедшій Князь С***; что, вѣроятно, онъ вырвался изъ рукъ своихъ смотрителей, и — пронзительный вопль, слышанный ею въ Княжескомъ саду, означалъ, можетъ быть, убійство приставленнаго къ нему человѣка; что онъ теперь бѣжитъ въ неистовствѣ, въ бѣшенствѣ — сумасшедшій, безум-

ный, убійца! Еще разъ мысль о спасеніи мелькнула въ головѣ Эммы; но она не въ силахъ пошевелиться съ мѣста....

И поздно! Съ безумнымъ воплемъ, онъ стремится прямо въ бесѣдку; нога его топчетъ и уничтожаетъ милые васильки, любимцы Эммы — цѣпи его глухо ударились о бесѣдку — бѣжать не льзя! Безумецъ загородилъ собою входъ — мутные глаза его пробѣжали по маленькому пространству бесѣдки и устремились прямо на Эмму. Еще мгновеніе — онъ растерзаетъ, задушитъ Эмму своими изсохшими руками. Видъ человѣка приводитъ его въ бѣшенство; онъ видитъ въ немъ своего врага, и безсмысленное выраженіе лица его переходитъ въ ярость — одно чувство, оставшееся ему отъ прежняго состоянія

человѣческаго. Злость человѣка и сила звѣря — удѣлъ безумія....

Мысль о смерти была первою мыслью Эммы; но — какую чудную перемѣну ощущаетъ она въ себѣ? Неужели послѣ того, когда человѣкъ вмѣститъ въ груди своей всеобъемлющую *мысль смерти*, все ничтожное, все земное, все, что дѣлало его братомъ червю земли — исчезаетъ въ немъ, и онъ, свободный, вольный въ ощущеніяхъ и поступкахъ, переходитъ къ тому, что носитъ на себѣ знаменіе неземнаго, только къ тому, что безконечно и необъятно, какъ небо, говоря землѣ, подобно Пери, улетающей въ растворенныя врата Рая: *Прости, земля?*

Эмма вдругъ теряетъ весь страхъ свой, все свое опасеніе: въ безумцѣ, который стоитъ передъ нею,

видѣнъ ей не сумасшедшій убійца, но бѣдный больной, страждущій, слабый человѣкъ, и сквозь его обезображенное болѣзнію и страданіями лицо свѣтлѣетъ для нея какой-то прекрасный юношескій образъ, не страшный, но какъ будто умоляющій ее о пощадѣ, о спасеніи: падшій ангелъ, еще не вовсе утратившій слѣды своего небеснаго происхожденія. Въ самой себѣ, она чувствуетъ необыкновенную, непонятную для нея перемѣну, какъ будто до нея коснулся волшебный прутикъ какого нибудь Просперо, и вмѣсто крови потекло по ея жиламъ что-то горящее, пламенное, и стало брызгать лучами свѣта и огня изъ глазъ ея — и глаза ея засвѣтились этимъ непобѣдимымъ свѣтомъ; и руки ея сдѣлались проводниками небесныхъ

огней, которыми гремятъ небеса; и эти молніи, тайно, невидимо отъ взоровъ людскихъ, ввились во всѣ сокровенные изгибы души Эммы; кровь ея быстро закипѣла по всѣмъ ея жиламъ и отразилась на щекахъ ея жаркимъ румянцемъ!

Смѣло поднялась Эмма съ скамейки, на которой сидѣла, протянула руку, и голосомъ, не похожимъ ни на повелѣніе, ни на просьбу, ни на гнѣвъ, скоро и громко произнесла: «*Кто вы? Что вамъ здѣсь надобно?*»

Какое непостижимое дѣйствіе произвели эти слова, этотъ голосъ на безумца! Казалось, что они сверкнули огнемъ, ударились прямо въ грудь его, причинили ему нестерпимую боль. Дикость выраженія въ лицѣ его исчезла, и замѣнилась болѣзненнымъ ощущеніемъ;

мутные глаза его почти закрылись вѣками, какъ будто онъ не въ состояніи былъ смотрѣть на Эмму, прежде, въ безуміи своемъ, смотрѣвши прямо на солнце. Онъ ухватился обѣими руками за грудь свою, и со стономъ произнесъ: «*Ахъ!*»

Теперь онъ уже не былъ тѣмъ страшнымъ незнакомцемъ, который вырвалъ изъ стѣны крѣпкія цѣпи свои, и взмахнувъ тяжелую палку одною рукою, убилъ своего приставника. Онъ несчастный, больной, слабый юноша, лишенный единственнаго дара Божія, которымъ человѣкъ отличенъ отъ животнаго; онъ меньше нежели звѣрь: онъ *сумасшедшій!*

Эмма видитъ измѣненіе лица его; непобѣдимое чувство состраданія заступаетъ въ ней мѣсто страха и ужаса, заступаетъ невольно, не

спрашиваясь ея разсудка. Болѣе: ей кажется, что этотъ бѣдный безумецъ, какъ будто знакомъ былъ ей давно; что она гдѣ-то знавала его, что вопли его, издавна слышанные ею, были призывнымъ кликомъ: Эмма! спаси меня! Онъ едва держится на ногахъ, и Эмма бросается къ нему, хочетъ поддержать его, говоря: «Что̀ съ вами сдѣлалось?» Но едва рука ея коснулась незнакомца, колѣна его дрожатъ; онъ падаетъ передъ Эммою, и, закрывая глаза руками, говоритъ жалобнымъ голосомъ: «Пощади меня; не мучь меня — я не виноватъ! Они терзали меня нестерпимо!»

Эмма не понимала, что̀ ей дѣлать? Она рѣшилась удалиться, сказать дѣдушкѣ, призвать людей, ибо вовсе не знала, какъ должно

обходиться съ сумасшедшими. Что она теперь одна въ саду, съ неизвѣстнымъ ей мужчиною — ей вовсе не приходило этого въ голову: она видѣла не мужчину, но какое-то жалкое существо человѣческое, покорное ей, просившее у нея пощады. Только мысль о томъ: какъ и чѣмъ пособить бѣдному страдальцу? заняла всю ея душу. Она рѣшилась однакожь идти изъ сада. Но едва Эмма сдѣлала одинъ шагъ, сумасшедшій сталъ передъ нею на колѣна, сложилъ руки на груди, тихо промолвилъ: «Не уходи, не уходи — побудь здѣсь!» И въ безсиліи упалъ онъ на траву.

Эмма испугалась, опять подошла къ нему, наклонилась и заботливо спрашивала: «Что̀ съ вами? Скажите, что̀ съ вами сдѣлалось?»

—Мнѣ больно—здѣсь (онъ указалъ

на грудь)—и здѣсь больно (онъ указалъ на голову)! Не уходи — безъ тебя они придутъ и возьмутъ меня....

« Нѣтъ ! они не придутъ ; скажите , что вамъ надобно ?

— Ничего , ничего ! Приложи руку твою къ моей головѣ ; слышишь-ли , какъ она болитъ у меня ? —

Эмма приложила руку свою къ головѣ безумца. Онъ дышалъ тяжело , но вдругъ открылъ глаза , и улыбка — можетъ быть , давно небывалый гость — оживила лицо его. Вдругъ онъ приподнялся , сѣлъ на травѣ и теръ глаза руками , говоря :

« Мошки , мошки ! Онѣ лѣзутъ мнѣ въ глаза , отгони ихъ ! »

Эмма стояла подлѣ него , и начала махать платкомъ , опасаясь

раздражить сумасшедшаго своимъ непослушаніемъ. « Нѣтъ! рукой, рукой » — говорилъ онъ — « сдѣлай милость, махни рукой, а не этой тряпицей: мнѣ отъ нея холодно; теперь стало тепло, тепло—ясно, ясно — ахъ! какъ хорошо: мошки улетѣли! »

Въ это время, шумъ нѣсколькихъ голосовъ раздался подлѣ садовой калитки. Эмма оборотила голову и увидѣла дѣдушку. Въ своемъ калпакѣ и халатѣ, старикъ спѣшилъ въ садикъ и бѣжалъ по дорожкѣ; за нимъ поспѣшно слѣдовали трое или четверо незнакомыхъ людей; одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ Княжеской ливреѣ. Эмма поняла, что Княжескіе слуги пришли за сумасшедшимъ, и испуганный дѣдушка бѣжитъ къ ней на спасеніе, услышавъ объ угрожающей ей опас-

ности. Мысль о спасеніи и страхъ снова взволновали всю душу Эммы, едва увидѣла она дѣдушку и Княжескихъ людей; она въ то-же мгновеніе почувствовала и то, какъ неприлично ей было оставаться въ саду одной, съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, и какъ опасно быть съ сумасшедшимъ.

Въ одно мгновеніе бросилась она отъ бѣднаго безумца, какъ молнія, достигла до своего дѣдушки и трепеща прижалась къ его груди.

— Охъ! милый другъ мой! — говорилъ старикъ едва не задыхаясь, и обнимая Эмму—какъ я испугался! Не испугалъ-ли онъ тебя? Какое несчастіе! Можно-ли было предвидѣть!

« Успокойтесь, милый дѣдушка! Я испугалась немного; но онъ та-

кой смирный; онъ ничего мнѣ не сдѣлалъ.

— Слава Богу! Его сей часъ возьмутъ Княжескіе люди! Пойдемъ скорѣе домой. Какъ ужаснули они меня своими разсказами: прибѣжали опрометью; говорятъ, что сумасшедшій убѣжалъ въ нашъ садикъ; что никогда еще не былъ онъ въ такомъ бѣшенствѣ—сорвался съ цѣпи, ушибъ своего приставника....

«А не убилъ, дѣдушка?»—Нѣтъ, только ушибъ больно: бросилъ въ него палкой съ размаха; другихъ людей на тотъ разъ не было при немъ.... — Старикъ спѣшилъ вести Эмму; но страшный крикъ остановилъ ихъ, и заставилъ оборотиться.

Едва удалилась Эмма отъ сумасшедшаго, онъ громко вскричалъ: «Гдѣ-же тотъ, кто былъ здѣсь со

мною? — Казавшись прежде слабымъ, изнеможеннымъ, онъ какъ будто вдругъ получилъ опять всю свою неистовую силу; глаза его помутились; волосы стали дыбомъ; онъ вскочилъ, и, увидя подходящихъ къ нему Княжескихъ слугъ, страшно заскрежеталъ зубами.

— Ваше Сіятельство — сказалъ одинъ изъ слугъ — пожалуйте домой.

Сумасшедшій смотрѣлъ на него молча.

— Не извольте противиться — сказалъ другой слуга. — Ихъ Сіятельства приказали вамъ пожаловать домой.

Сумасшедшій захохоталъ. По знаку, данному старшимъ изъ слугъ, трое вдругъ бросились на безумца и схватили его. Онъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ, и

не успѣли оглянуться, какъ двоихъ сшибъ онъ съ ногъ и отбросилъ отъ себя далеко; третьяго схватилъ онъ за горло, повернулъ черезъ себя, придавилъ его къ землѣ, и со смѣхомъ началъ душить. Старый управитель отчаянно завопилъ: «Ванюша, Ванюша! онъ задушитъ его! Помогите, помогите, ради Господа помогите!» Старикъ не смѣлъ броситься самъ, только кричалъ: «Люди, люди!» и совершенно потерялъ голову. Двое другихъ слугъ едва могли подняться, и не въ состояніи были помочь своему товарищу. Дѣдушка Эммы громко читалъ: Vater unser, и не зналъ, что̀ ему предпринять: бѣжать-ли, помогать-ли?

А Эмма? Весь страхъ, вся робость, какую чувствовала она, снова вдругъ исчезли. Она вырва-

лась изъ объятій дѣдушки; безотчетно бросилась прямо къ сумасшедшему, и вскричала: «Что вы дѣлаете, Князь?»

Непостижимое измѣненіе! Сумасшедшій оставилъ слугу, котораго душилъ руками, и робко поднялся съ земли, потупилъ глаза, сложилъ руки. Эмма казалась божествомъ, передъ которымъ уничтожаются его злость и сила. Дѣдушка, изумленный ея неожиданнымъ поступкомъ, признавался потомъ, что въ это время онъ не узналъ своей кроткой, тихой Эммы; что лицо ея засвѣтилось чѣмъ-то неестественнымъ; что оживленная чѣмъ-то непонятнымъ, она съ своимъ скромнымъ, нѣжнымъ лицомъ, своею легкою таліею, когда въ то-же время въ быстромъ порывѣ вѣтерокъ сорвалъ съ груди ея легонь-

кій платочекъ — походила на одного изъ Клопштоковыхъ безсмертныхъ духовъ. Старикъ любилъ читать *Мессіаду*, и очень любилъ свою Эмму: не удивляйтесь его уподобленію.

— Сядьте здѣсь и будьте спокойны! — продолжала Эмма, все еще сама не понимая, что говоритъ, но смѣло указывая сумасшедшему на дерновую скамейку. Онъ безмолвно повиновался.

— Можно-ли такъ безчеловѣчно поступать? Вы убили-бы этого бѣднаго человѣка!

« Убилъ? А что̀ такое: убилъ? Они били меня, они мучили меня!» — Сумасшедшій заплакалъ, какъ дитя. — « Я не стану драться » — продолжалъ онъ, смотря на Эмму — « если ты этого не хочешь—только не сердись. »

— Какъ можно хотѣть убивать людей! Но сидите-же спокойно.

«Но не уходи-же отъ меня,» сказалъ сумасшедшій, протягивая къ ней руки, «и не вели имъ меня трогать.»

— Будьте только смирны.

«У меня опять заболѣла голова. Дай мнѣ свою руку — вотъ здѣсь у меня болитъ!» Онъ протянулъ свою руку къ Эммѣ; она безтрепетно дала ему свою руку, и онъ приложилъ ее къ головѣ.

— Лучше-ли вамъ теперь?

«Лучше.»—Онъ отнялъ руку Эммы отъ головы своей, и съ улыбкою, внимательно, разсматривалъ эту милую, нѣжную ручку.

Въ изумленіи отъ всего происходившаго, стояли дѣдушка и слуги Княжескіе. Дѣдушка тихонько подошелъ къ Эммѣ и дернулъ ее

за платье. Эмма оглянулась. «Эмма! что ты дѣлаешь! Отойди отъ него; пойдемъ домой!» сказалъ дѣдушка.

— Какъ-же оставить его?—отвѣчала тихонько Эмма, печально улыбаясь. — Вы видите, что онъ только меня и слушается.

«По-Нѣмецки говоритъ!» сказалъ сумасшедшій, улыбаясь и указывая пальцомъ на старика.—Эмма отняла у него свою руку; управитель и слуги осмѣлились опять подойдти ближе. Эмма отступила.

— Ваше Сіятельство... произнесъ управитель.

Одной рукой сумасшедшій ухватился за бесѣдку, и она вся затрещала отъ его усилія выломить изъ нея палку. Въ ужасѣ отбѣжали слуги Княжескіе. Эмма снова произнесла: «Вы обѣщали быть спокой-

ны,» и сумасшедшій сѣлъ на скамью, будто послушливое дитя.

— Какъ-же мнѣ уйдти отсюда? —спросила Эмма у дѣдушки.

Слуги подошли къ старику. «Ваше Высокоблагородіе!» сказалъ ему тихо управитель—«позвольте мнѣ доложить объ этомъ Ихъ Сіятельствамъ. Я тутъ ничего не разумѣю, изволите видѣть. Надобно позвать нашего Доктора.»

Но Докторъ шелъ уже въ это время по садовой дорожкѣ. Одинъ изъ слугъ успѣлъ его обо всемъ увѣдомить. Докторъ былъ старый человѣкъ, въ синемъ старомодномъ фракѣ. Онъ отрекомендовался дѣдушкѣ Эммы, съ старинною Нѣмецкою оригинальностію.

— Извините, любезный сосѣдъ— сказалъ Докторъ — а, можетъ быть, когда узнаемъ другъ друга

поближе, и любезный другъ, извините, что васъ обезпокоилъ нашъ больной негодяй! Вы не повѣрите, какъ хитръ бываетъ человѣкъ, когда лишится употребленія разсудка. За два часа, я оставилъ его такого смирнаго; онъ пилъ лекарства и во всемъ меня слушался — а между тѣмъ, вообразите, что онъ напроказилъ послѣ того!

«Объясните мнѣ, господинъ Докторъ, что все это значитъ?» говорилъ дѣдушка, указывая на Эмму, стоящую подлѣ Князя, и на Князя, который смотрѣлъ на нее, улыбался, былъ тихъ, спокоенъ, и, казалось, съ жадностью глоталъ воздухъ, сдѣлавшійся для него цѣлебнымъ отъ присутствія Эммы.

Дѣдушка наскоро пересказалъ Доктору всѣ событія. Докторъ угрюмо задумался, долго качалъ

головою, долго чертилъ палкою по песку; наконецъ поднялъ голову и протяжно отвѣчалъ: «Изъяснить, любезный сосѣдъ, не откажусь; но прежде всего позвольте мнѣ, какъ честному человѣку, увѣрить васъ, что я не употреблю во зло вашей довѣренности, и потомъ спросить: сколько лѣтъ вашей внучкѣ?

— Я потерялъ дорогою, ѣхавши изъ Петербурга, или въ Петербургѣ гдѣ нибудь, календарь, въ которомъ былъ записанъ день ея рожденія.

«О днѣ ни слова, но годъ...

— То-то и года-то хорошо не знаю; должно быть ей 18 или 19 лѣтъ.

«Характеръ ея?

— Ангельскій.

«Это сказано неопредѣленно; судя по виду, должно думать, что

характеръ ея *холеро-меланхоличе-скій.*

— Она одно утѣшеніе наше со старухою.

«Хмъ! утѣшеніе! И одна внучка у васъ?

— У нея есть еще братья, маленькіе, премилые шалуны.

«Хмъ!» повторилъ опять Докторъ. «Она должна быть набожна, и, вѣрно, не любитъ общества мужчинъ?

— Не знаю: къ чему клонятся ваши странные вопросы, Г-нъ Докторъ? Мы еще такъ мало знакомы.

«Къ тому, сударь, къ тому — чортъ побери! Зачѣмъ вы давно не выдали за мужъ вашей внучки! Zum Teufel! На что держать дома этотъ гнилой товаръ!

— Г-нъ Докторъ! моя Эмма ан-

гелъ скромности, добродѣтели и невинности.

«Да, я лучше васъ самихъ могу сказать вамъ все это, сударь, я —ученикъ и другъ великаго Месмера (Докторъ приподнялъ свою шляпу)! Вы тутъ ничего не понимаете, а я понимаю (Докторъ утеръ слезу, выкатившуюся изъ его глаза). Чортъ побери! Вѣдь вы желаете счастья вашей внучкѣ? Такъ зачѣмъ-же вы давно не выдали ея за мужъ?

— Г-нъ Докторъ!

«Господинъ сосѣдъ! потому, что вы должны были уговорить ее выйдти за мужъ. Неба съ землей мѣшать не надобно. На землѣ надобно думать о землѣ, и если неземное мѣшается тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ, выходитъ дребедень

— вы этого не понимаете, а я понимаю. Лечить можно всякой всячиной: я вылечивалъ чахотку отъ любви пилюлями изъ ипекакуаны; tinctura regia, Перувіанскій бальзамъ и Боэргавовъ сахаръ спасли-бы дурака Вертера — и этого сумасшедшаго я вылечилъ-бы, да теперь все пропало! Теперь вѣдь ужь не льзя ихъ разлучить — онъ умретъ! Эхъ, сосѣдъ, сосѣдъ! какъ можно позволять дѣвчонкамъ гулять въ садахъ, подлѣ которыхъ содержатъ сумасшедшихъ!...

Докторъ съ досадой стукнулъ своею палкою въ землю, и подошелъ ближе къ сумасшедшему. Онъ пристально началъ глядѣть на сумасшедшаго и на Эмму. Эмма потупила глаза, и покраснѣла-бы, еслибы щеки ея, отъ солнца, отъ всего, что было, и отъ сильнаго вну-

шреннягo движенія, давно не горѣли, какъ полымя.

— Ну! шакъ! Всѣ признаки — точно шакъ.... сердишо произнесъ Докшоръ.

Сумасшедшій замѣшилъ Докшора. Эмма ошошла въ эшо время ошъ него. Взоръ безумца мрачился и шемнѣлъ.

— Вы опяшь принялись за ваши дурачесшва—сказалъ Докшоръ Князю — сшыдишесь, Князь, сшыдишесь!

Сумасшедшій сжалъ кулаки.

— Не нужно сжимашь кулаки — вскричалъ Докшоръ. — Я велю посадишь васъ въ узкій мѣшокъ и ка̀пашь вамъ водой на голову!

Сумасшедшій гошовъ былъ вскочишь съ скамейки.

— Можно-ли шакъ жесшоко обходишься съ нимъ?—сказала Эмма,

обратпвъ умоляющій взоръ на Доктора.

« Прошу покорно : жестоко обходиться! Ласкайте, ласкайте его; вы еще не знаете, что̀ значитъ человѣкъ сумасшедшій; а не сумасшедшій еще хуже, хуже во сто разъ, говорю я вамъ! Вы этого не понимаете, а я понимаю.

Глухое рыканіе послышалось въ груди сумасшедшаго. — «Теперь все мое леченіе пошло на вѣтеръ по вашей милости!» вскричалъ Докторъ.

Замѣтивъ желаніе сумасшедшаго броситься на Доктора, Эмма оборотилась къ нему, и напомнила обѣщаніе быть спокойнымъ.

— Позволь мнѣ убить только этого: — шепталъ ей сумасшедшій, робко указывая на Доктора. —Онъ всѣхъ больше меня мучитъ. Я

убью его такъ, что никто этого не увидитъ, и потомъ опять буду смиренъ, какъ тебѣ угодно.

Неужели только страхъ наказанія, или выдуманныя человѣкомъ приличія, заставляютъ несумасшедшихъ не говорить того вслухъ, что говоритъ человѣкъ въ безуміи? Или съ потерею ума, человѣкъ теряетъ божественную половину свою, и тогда только остальная половина его — *звѣрь*, остается въ немъ, и кровожадность тигра является въ человѣкѣ ничѣмъ неукротимая? Гнѣвъ не есть-ли сумасшествіе на минуту? Не знаю; но какъ часто человѣкъ съ умомъ мыслитъ то, что лишенный ума говоритъ онъ вслухъ! Загляните въ душу свою безъ свидѣтелей, и — вы содрогнетесь!

« Сударыня! велите ему остать-

ся спокойнымъ, и скажите, что вы пойдете уговаривать меня не мучить его; потомъ, пожалуйте, подойдите сюда, ко мнѣ. Безъ этого онъ тотчасъ убьетъ меня,» сказалъ хладнокровно Докторъ.

Докторъ говорилъ по-Нѣмецки; сумасшедшій тщательно вслушивался въ слова, не понималъ ихъ, и съ досадою потряхивалъ головой.

— Будьте-же спокойны; сидите здѣсь; я пойду уговорю его помириться съ вами; видите, какой онъ сердитый — сказала Эмма безумному.

«Ты уйдешь,» отвѣчалъ онъ, «и опять они возьмутъ меня. Ахъ! ты не знаешь, какъ они меня мучатъ! И все говорятъ мнѣ, что я сумасшедшій!» Онъ взялъ Эмму за руку; слезы наполнили глаза его. — «А я совсѣмъ не сумасшедшій. Ты

видишь, что мнѣ съ тобою хорошо; я стану дѣлать все, что ты мнѣ велишь, только не оставляй меня!» Онъ сталъ на колѣни и держалъ Эмму за руку.

Сердце дѣвушки замирало отъ ощущенiй, дотолѣ ей неизвѣстныхъ и теперь непонятныхъ. Она снова уговаривала безумца, и онъ остался неподвиженъ, на колѣняхъ, на своемъ мѣстѣ, глядя на удалявшуюся Эмму. Такъ глядѣлъ онъ на нее, какъ будто все существованiе, вся жизнь его заключались въ ней.

— Сударыня — сказалъ ей Докторъ—нѣтъ надобности изъяснять вамъ *какъ*, но, только одно скажу: вы прiобрѣли теперь полную власть надъ этимъ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ. Пользуйтесь своею властiю, и вы вылечите его

непремѣнно. Начинайте теперь-же ваше дѣло.

« Господинъ Докторъ! вы смѣетесь надо мною!» сказала Эмма. «Что я за лекарка!»

— Ну, ну! — вскричалъ Докторъ нетерпѣливо — я не умѣю по вашему изъясняться, и не стану говорить вамъ: будьте его ангеломъ-хранителемъ! Ангеловъ на землѣ нѣтъ; да, и какой вы ангелъ? Вы женщина, изъ костей, крови и мяса. . . .

« Господинъ Докторъ!

— Госпожа женщина, а совсѣмъ не ангелъ! прошу не сердиться! Угодно-ли вамъ лечить его?

« Если-бы я и могла, то надобна воля дѣдушки. . . .

— Дѣдушка вамъ тутъ значитъ меньше нуля, поставленнаго къ еди-

ницѣ съ лѣвой стороны. Надобна *ваша* воля.

«Я не понимаю.

— И не нужно понимать! Много надѣлали-бы люди, если-бы понимали все, что дѣлаютъ!

«Что-же мнѣ дѣлать?

— Пожелайте выздоровѣть ему, такъ пожелайте, какъ вы желаете себѣ царства небеснаго, какъ вы любите вашего дѣдушку.

«О! больше, больше, если надобно».... Эмма смѣшалась, когда невольно вырвались у нея эти слова. «Я буду молиться объ этомъ каждый день, мыслить каждый часъ!

— Доброе созданіе! — сказалъ Докторъ, крѣпко сжимая ей руку. — Воля человѣка въ молитвѣ непобѣдима. Это.... Но вы не поймете меня! Читали-ль вы Библію? Помните-ль слова Его, Того, Кто самъ

сходилъ на землю для страданія: aber ohne deinen Willen wollte ich nichts thun, auf dass dein Gutes nicht wäre genöthiget, sondern freiwillig (*безъ твоей воли ничтоже восхотѣлъ творити, да не аки по нуждѣ благое твое будетъ, но по волѣ*)?

«Ахъ! Г-нъ Докторъ! что̀ значитъ моя воля!

— То, чего никто въ мірѣ превозмочь не можетъ. Поведите меня къ нему; положите руки ваши ему на голову, и три раза проведите ими отъ головы до сердца — то есть, отъ перваго главнаго зла человѣческаго до другаго, еще худшаго. Потомъ скажите ему, что я желаю ему добра; смотрите ему прямо въ глаза; велите ему ѣхать домой и пожелайте здоровья.

« Я буду желать и молиться объ этомъ. —

Эмма исполнила слова Доктора. Сумасшедшій все еще стоялъ на колѣняхъ. Она подошла къ нему и положила руки на его голову.

Если только можетъ быть въ человѣкѣ чистая, святая воля на добро — въ это мгновеніе, молитва къ Богу, какую въ душѣ своей произнесла Эмма, молитва, въ которой, забывъ самое себя, она преобразилась въ одно небесное желаніе добра — эта молитва могла силою воли душевной сдвинуть горы и сбросить ихъ въ океанъ, какъ легкія песчинки! Будто непорочный Ангелъ коснулась Эмма – въ первый разъ въ жизни — сердца мужчины, и слышала подъ рукою своею его трепетаніе; но она не стыдилась и не краснѣла: она

не глядѣла тогда на мужчину, сердце котораго билось подъ ея рукою; взоры ея устремлены были на небо, гдѣ безконечная, свѣтлая лазурь, казалась ей лазурью ока Неизмѣримаго, предъ Коимъ пролетаютъ вѣка, какъ пыль, вѣтромъ свѣваемая, и вселенная ветшаетъ, какъ бѣдная риза, но оно вѣчно, и неподвижно устремлено на вѣка и на вселенную.

«Твои руки жгутъ меня,» прошепталъ сумасшедшій. «Но сожги, сожги меня — мнѣ такъ хорошо!»

Дикій взоръ его угасалъ постепенно; онъ поднялся съ земли и провелъ рукою по глазамъ, какъ будто снимая съ нихъ что нибудь.

«Вы должны любить этого человѣка и слушаться его» — сказала Эмма, указывая на Доктора. Сумасшедшій робко взглянулъ на него.

— Пойдемъ-те со мною — сказалъ ему Докторъ ласково — вамъ теперь и со мною будетъ хорошо.

Сумасшедшій взглянулъ на Эмму, какъ будто спрашивая: велишь-ли ты мнѣ идти съ нимъ? — Да, идите съ нимъ — промолвила Эмма тихо.

Докторъ взялъ безумца за руку, повелъ его и наткнулся на платочекъ, упавшій прежде съ груди Эммы. Онъ наклонился, поднялъ этотъ платочекъ и спросилъ у Эммы: «Вашъ-ли?»

— Ахъ, мой! — вскричала Эмма, смѣшавшись.

«Возьмите его въ руки, и потомъ повяжите его на лѣвой рукѣ больнаго. Да, не дурачьтесь-же: извольте дѣлать, что я говорю. — Неужели вамъ жаль этого дряннаго лоскутка, если вы не жалѣете

всей своей воли для его здоровья? Знаете-ли, чѣмъ вы, сударыня, жертвуете для него?»

Эмма не отвѣчала ни слова, и повязала платочекъ свой на руку сумасшедшаго. Докторъ повелъ его къ калиткѣ садика. Безумный не противился; но казалось, что онъ едва можетъ идти; голова его тяжелѣла, глаза закрывались, ноги едва двигались. У калитки садика уже стояла великолѣпная карета Княжеская; два высокіе лакея, въ богатой ливреѣ, растворили дверцы. Сумасшедшаго почти на рукахъ внесли въ карету. Докторъ сѣлъ съ нимъ, и садясь оглянулся на Эмму и на ея дѣдушку, неподвижно стоявшихъ въ садикѣ; онъ усмѣхнулся, ласково махнулъ рукою. Дверцы кареты захлопнули; лакей закричалъ: «*Пошелъ домой!*»

и карета загремѣла и быстро укатилась за ворота.

Эмма все еще стояла неподвижно. Что̀ она думала? Не знаю. — Дѣдушка подошелъ къ ней, ласково обнялъ ее, и заботливо спросилъ: «Ты вдругъ такъ поблѣднѣла, моя Эммочка; что съ тобою сдѣлалось? Ты вѣрно чувствуешь себя не хорошо? Пойдемъ, прими поскорѣй раковыхъ жерновокъ!»

Эмма прижалась къ дѣдушкѣ, опустила голову на грудь его и заплакала.

— Эмма, милая Эмма! — говорилъ ей дѣдушка. — Вотъ и старушка наша возвратилась изъ Города. Пойдемъ къ ней.

Тихо повелъ онъ Эмму. Русые локоны дѣвушки переплетались съ сѣдыми волосами старика, и слезы юности падали на грудь его,

среди разрушеній времени вполнѣ сохранившую чувство добра и любви къ милымъ ему людямъ.

IV.

Въ огромной диванной своего великолѣпнаго Княжескаго дома, сидѣла Княгиня С***. Комната была богато убрана и превосходно меблирована. Стѣны ея были красиво драпированы краснымъ сукномъ, съ золотыми подборами. Противъ Княгини, подлѣ окна, сидѣлъ и глядѣлъ въ окно на обширную Москву супругъ Княгини, Князь С***. Онъ былъ въ шелковомъ большомъ шлафрокѣ. Впрочемъ, трудно было рѣшить, что̀ его занимало болѣе: видъ-ли Москвы, или пара болонокъ, которыя прыгали, кусались и играли въ комнатѣ? Князь

кликалъ ихъ, бранилъ, ласкалъ, бралъ къ себѣ за пазуху, ссорился, мирился съ ними. Княгиня не принимала участія въ его занятіи, сидѣла подлѣ столика, гоняла отъ себя собаченокъ, когда онѣ подбѣгали къ ней, и казалась весьма недовольною. Двѣ колоды картъ лежали передъ нею на столикѣ; Княгиня не трогала ихъ. Наконецъ, она громко позвонила. Вошелъ лакей. « Ну ? » сказала она вошедшему лакею. — Они изволили возвратиться — отвѣчалъ лакей. « Такъ что-жь ты не зовешь его ко мнѣ ?» вскричала Княгиня, такъ сердито, что лицо ея покраснѣло отъ досады. — Докладывалъ; изволили пойдти къ Его Сіятельству; сказали: приду. — « Поди-же, попроси его пожаловать ко мнѣ скорѣе; да,

учтивѣе говори, болванъ!» закричала Княгиня. Лакей ушелъ.

— Матушка — тихо проговорилъ тогда Князь, зажимая ротъ собачкѣ, залаявшей отъ громкаго восклицанія Княгини — ты испугала моего Коко!

«Мнѣ кажется, Князь, этотъ гадкій Коко заставляетъ васъ забывать, что кромѣ его есть что нибудь на свѣтѣ.»

— А что-же такое есть еще на свѣтѣ? — спросилъ Князь, въ недоумѣніи поднимая голову.

«Напримѣръ, у васъ есть единственный сынъ, и этотъ сынъ болѣзнію своею ведетъ ко гробу вашу жену.»

— Вы знаете, Княгиня, что я не люблю говорить объ этомъ печальномъ предметѣ.

«Потому, что вы эгоистъ, и

если-бы сынъ вашъ скорѣе умеръ, вы порадовались-бы этому, какъ избавленію отъ скуки!»

— Лучше умереть, Княгиня, нежели остаться безъ ума.

« Однакожъ, есть примѣры людей, въ чинахъ и богатствѣ, вовсе лишенныхъ ума.» Княгиня насмѣшливо взглянула на Князя.

— То есть, не одаренныхъ большимъ умомъ? хотите вы сказать— отвѣчалъ Князь, какъ будто не понимая намека Княгини. — Они не сумасшедшіе однакожъ. Большой умъ опять зло, и очень большое зло. Знаете-ли, что я опытомъ узналъ это?

« Не на себѣ-ли самомъ?»

— Нѣтъ! на чиновникахъ и людяхъ, съ которыми случалось имѣть дѣла въ жизни. Повѣрьте мнѣ....

« Замолчите, сдѣлайте милость!»

прервала съ досадою рѣчь его Княгиня. Князь испугался; молчалъ съ минуту; потомъ опять старался завести разговоръ. — Ты не поняла меня, mon amie — началъ онъ тихо и ласково — я сказалъ, что лучше пожелаю смерти моему милому Полю, нежели соглашусь видѣть его на всю жизнь сумасшедшимъ.

« И вы говорите объ этомъ такъ хладнокровно, какъ будто рѣчь идетъ о вашей гончей собакѣ? » вскричала Княгиня.

— Надобно философически смотрѣть на вещи. Вы знаете правило Гельвеція...

« Я знаю одно, что только сердце матери способно чувствовать и оцѣнить потерю сына. »

— Но развѣ мы не приняли всѣхъ мѣръ, mon amie? Нашъ Докторъ...

«Вашъ Докторъ пустой ученый говорунъ!»

— Помилуйте: его Европейская слава, письма Гуффланда, рекомендація Франка и Аберкромби....

«Вся ваша Европа дура!»

— Но я самъ говаривалъ съ нимъ...

«Вы, сударь, безчувственное созданіе!

— Но, вы сами, Княгиня...

«Что-же я разумѣю въ ихъ глупой наукѣ, въ этой Медицинѣ? Одно вижу я, что всѣ Доктора обманщики и насъ дурачатъ.»

Князь не отвѣчалъ, какъ будто рѣшительный тонъ Княгини убѣдилъ его въ истинѣ всего, что говорила Княгиня. Онъ началъ глядѣть въ окно, и напѣвалъ въ полголоса:

Dans ma cabane obscure

Toujours soucis nouveaux;

Vent, soleil, ou froidure,
Toujours peine et travaux!

Въ это время послышались въ другой комнатѣ тяжелые шаги Доктора. Приближеніе его произвело чудное дѣйствіе на Княгиню: она поправила свою шаль; небрежнѣе сѣла на диванъ; улыбка вдругъ появилась на лицѣ ея, и, какъ будто веселою маскою, закрыла всю ея досаду. Никто не узналъ-бы теперь въ этой ловкой, свѣтской, ласковой женщинѣ сердитой барыни, бранившей мужа своего, Доктора и всю Европу за минуту прежде.

— Мой любезный Г-нъ Докторъ — сказала Княгиня — я ждала васъ нетерпѣливо.

«Я къ вашимъ услугамъ, Княгиня» — угрюмо отвѣчалъ Докторъ. «Что вамъ угодно?»

— Могу-ли думать о чемъ нибудь, кромѣ одного!

«Теперь въ самомъ дѣлѣ, Княгиня, пришло время доказать на дѣлѣ ваши слова: точно-ли думаете вы *только объ одномъ*, то есть, о жизни вашего сына.»

— О жизни? Боже мой! вы меня пугаете!

«И не думалъ пугать: вы рѣшительно можете спасти его — или погубить, также рѣшительно.»

— Спасти! Говорите, ради Бога, говорите, Г-нъ Докторъ.

«Да! это въ вашей волѣ. Болѣе говорить нечего.» Докторъ спокойно сѣлъ на диванъ, и началъ нюхать табакъ изъ своей огромной золотой табакерки.

—Сжальтесь надъ безпокойствомъ матери, скажите скорѣе!

«Но я не имѣлъ еще чести слы-

шать вашего отвѣта на первыя мои слова.»

— Чего пожалѣемъ мы для нашего Поля! Деньги — все, что вамъ угодно!

«А если-бы это стоило полъ-имѣнія вашего?»

— Г-нъ Докторъ! я не понимаю....

«А, кажется, очень понятно: если-бы это стоило полъ-имѣнія — сказалъ я. Дѣло идетъ не о такомъ леченіи, гдѣ говорится только о *возможности вылечить* — нѣтъ! Сынъ вашъ черезъ полгода непремѣнно будетъ здоровъ, какъ первый ѣдокъ Лондонскаго бифштекса и первый *боксеръ* Смитфильдскаго рынка, или вы можете сказать мнѣ въ глаза, что я величайшая скотина, и приказать вашимъ лакеямъ вытолкать меня въ шею!»

— Ваша услуга будетъ оцѣнена во что вамъ угодно.

« Моя услуга уже оцѣнена тѣмъ, что вы мнѣ договорились платить и платите. Больше мнѣ ничего не надобно. Понимаете, Княгиня: ни одного талера лишняго! Не обо мнѣ тутъ дѣло. И развѣ могъ-бы я сказать о самомъ себѣ, что вылечу навѣрное, не только сумасшедшаго вашего сына, но даже одурѣлую кошку? »

— Я васъ не понимаю. И безъ этого, я хотѣла спросить васъ, что̀ значитъ нелѣпое происшествіе, о которомъ разсказывалъ мнѣ управитель? Что̀ это за Нѣмка? Что̀ было въ саду у нашего сосѣда? Мнѣ крайне непріятна исторія, гдѣ можетъ быть вмѣшано наше имя.

Докторъ молчалъ.

— Я хотѣла видѣть сына моего, пошла къ нему, и увидѣла его спящаго, накрытаго какимъ-то женскимъ платочкомъ. Мнѣ сказали, что онъ спитъ уже двѣнадцать часовъ сряду, и вы не велѣли его трогать.

« Но, мой другъ,» сказалъ Князь — « развѣ ты не побоялась идти къ нему въ павильонъ?»

— Вы ничего не знаете: онъ переведенъ теперь въ свои комнаты.

« Какъ? Онъ здѣсь — въ комнатѣ? Но его припадки ужаснаго бѣшенства?» — Докторъ молча взглянулъ на Князя. — « Я говорю объ опасности припадковъ его,» сказалъ Князь въ замѣшательствѣ. — « Вы полагаете, что пребываніе его здѣсь не опасно?» съ робостію прибавилъ Князь.

Докторъ не хотѣлъ ничего отвѣ-

чать ему, оборотился къ Княгинѣ, и смотрѣлъ на нее пристально. « Если-бы не лекарь явился, но сдѣлалось чудо, и Ангелъ Божій слетѣлъ на землю для исцѣленія вашего сына — согласитесь-ли вы наградить его всѣмъ, чего только онъ потребуетъ? »

— Странныя рѣчи, Г-нъ Докторъ! Вы шутите, когда я совсѣмъ не расположена шутить.

« Читали-ль вы, Г-нъ Докторъ, сочиненіе шалуна Аруэта: Examen important de Milord Bolingbroke, ou le tombeau du Fanatisme? » спросилъ Князь усмѣхаясь.

— Читалъ: мерзость, о которой не стоитъ труда говорить.— Разрѣшите-же, Княгиня, мой вопросъ?

« Въ нашъ вѣкъ, любезный Докторъ, не вѣрятъ и стариннымъ

чудесамъ, не только не видятъ ихъ вновь» — промолвила Княгиня, съ принужденною улыбкою.

— Но если-бы чудо сдѣлалось съ вашимъ сыномъ? — съ жаромъ возразилъ Докторъ. — Вы все еще молчите? Такъ оно уже сдѣлалось! —вскричалъ Докторъ, съ досадою поднявшись съ дивана — сдѣлалось: Ангелъ слетѣлъ съ неба. Умѣйте оцѣнить его, люди, кто-бы вы ни были, Князья или мужики! Великій Месмеръ! Друзья мои — вы Жюсьё, Бекманъ! для чего нѣтъ васъ здѣсь!

«А! я былъ у Делона, въ бытность мою въ Парижѣ, и видѣлъ его магнетическія ванны и гальваническіе кондукторы — это очень любопытно!» — сказалъ Князь.

— Вы смотрѣли безъ вѣры, а надобно не видѣть, но вѣрить: ина-

че чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Ради Бога, увольте меня отъ вашего Вольтера, Князь: для васъ довольно знать, что сынъ вашъ выздоровѣетъ. А вамъ, Княгиня, какъ матери, и мнѣ — какъ честному человѣку — надобно болѣе. Отъ васъ зависитъ спасеніе вашего сына, и того Ангела, который прилетѣлъ къ нему для его спасенія!

« Пожалѣю-ли я чего нибудь. »

— Не въ деньгахъ дѣло: не ихъ требуютъ! Явился лекарь, который лечитъ сына вашего своею душею, своимъ бытіемъ. Жизнь и смерть положены на вѣсы вашего рѣшенія. Если вы безусловно не отдадитесь довѣренности, если вы хоть мысленно воспротивитесь тому, что непостижимо для насъ, чего умъ нашъ не умѣетъ понимать— сынъ вашъ погибъ! Смерть—среди-

ны нѣтъ! Но, такъ-же вѣрно и совершенное его спасеніе, при согласіи и довѣріи вашемъ.

« Ахъ, Г-нъ Докторъ! сдѣлайте милость, поступайте, какъ вамъ угодно! Но, кто-же этотъ спаситель моего бѣднаго Поля? »

— Та Нѣмка, о которой управитель говорилъ вамъ. — Докторъ опять сѣлъ спокойно на диванъ.

« Она лекарка? »

— Лекарка! — Да, лекарка, если это вамъ угодно.

« C'est quelque chose d'empirique» —промолвилъ Князь невнимательно. « Впрочемъ, надобно испытать все. Только не опасно-ли лекарство? »

— Больше нежели опасно: оно ядъ самый сильнѣйшій, какой только существуетъ въ мірѣ! Сама лекарка подвергается опасности уме-

решь и уморишь больнаго въ одну минушу.

« Какъ-же вы хошише ошдашь моего сына шакой шарлашанкѣ ? » сказала Княгиня съ неудовольсшвіемъ. « *Вы* взялись лечишь его, и ваши знанія ручались за васъ.... »

— *Лечить* взялся я, но не *вылечить.* Мои знанія — вздоръ, нелѣпосшь, дрянь! А она ручаешся вамъ своею жизнью.... И какъ расшолковашь вамъ эшо? Вѣрише-ли вы хошь чему нибудь, Княгиня ?

« Боже мой ! »

— Вѣрьше-же эшой посланницѣ небесъ: она спасешъ вашего сына !

« Но изъяснише ваши загадки ? »

— Какъ будшо эшо можно ! Изъяснише прежде загадку души человѣческой, изъяснише шайну жизни нашей, изъяснише земное бытіе на-

ше. Изъяснить, когда самъ Месмеръ ничего не изъяснилъ!

«Стало быть, она магнетизёрка? Но вѣдь магнетизмъ, я слыхала, не опасенъ?»

— Вольно вамъ называть это магнетизмомъ!

«Но что-же это такое?»

— Это леченіе души душею; это микстура изъ бытія, пластырь изъ сердца, порошки изъ жизни и смерти! Но что̀ тутъ много говорить! Пойдемъ-те къ вашему сыну. Вы увидите сами, и — тогда опровергайте.

«Теперь.... Но, его состояніе....»

— Неужели и вы боитесь его?

Княгиня надвинула шаль на плеча и встала съ дивана. Молча пошелъ передъ нею Докторъ. Онъ и она вошли въ спальню молодаго Князя.

Больной спалъ, закрытый платочкомъ Эммы. Боязливо подошла къ кровати его Княгиня. Здѣсь, когда она стала близъ одра скорби несчастнаго своего сына—въ ней исчезла свѣтская женщина: она была матерью; слезы потекли у нея изъ глазъ.

Докторъ снялъ платочекъ, положилъ руку на глаза больнаго, повелъ рукою по глазамъ — больной открылъ ихъ. «Встаньте — вамъ велѣли встать, если вы хотите видѣть *ее*» — сказалъ Докторъ.

Больной бодро поднялся съ постели. «Я ее вижу,» сказалъ онъ, какъ будто съ усиліемъ всматриваясь — «она теперь молится и думаетъ обо мнѣ.»

Тихій голосъ, кротость, какой не замѣчала Княгиня въ сынѣ своемъ съ самаго начала его сума-

ствія, такъ поразили ее, что она невольно вскричала: «Ахъ! вижу, вижу, что ему лучше — Боже мой! ему гораздо лучше!»

Больной вздрогнулъ, и такъ дико посмотрѣлъ на мать свою, что она содрогнулась и отступила невольно.

— Какая неосторожность! — шепнулъ ей Докторъ. Онъ обратился къ больному, и ласково сказалъ ему: «Вамъ не должно сердиться.»

— Кто это тебѣ говорилъ? — угрюмо отвѣчалъ больной.

— *Она* велѣла.

Больной мгновенно успокоился. «Да!» сказалъ онъ. «Но когда-же опять придетъ *она?*» продолжалъ онъ, водя рукою по лбу. — «Я чуть вижу ее; мнѣ такъ темно, темно!»

— Вамъ велѣли лечь и успокоиться. — Больной не сопротивлялся, легъ и закрылъ глаза. Докторъ опять накрылъ его платочкомъ Эммы.

Княгиня плакала. « Видѣли-ль вы, Княгиня ? » громко сказалъ тогда Докторъ.

— Ахъ ! тише — не тревожьте его !

« Не бойтесь. Теперь можетъ греметь громъ и его не разбудитъ : онъ очарованъ неестественнымъ сномъ, пока его природа и сила выше его природы спорятъ между собою о немъ. Видите-ли вы? Вѣрите-ли вы ? Еще-ли надобны вамъ объясненія ? »

— Вѣрю, хоть ничего не постигаю. Но что́ должна я дѣлать ? Повелѣвайте мною, Г-нъ Докторъ.

« Вы видите то, чего никто еще

не понимаетъ. Люди назвали это *Животнымъ магнетизмомъ*. Великій Месмеръ первый угадалъ эту тайну *бытія всемірнаго*. Вашъ сынъ, полсутки тому назадъ, находился въ высшей степени безумія, но теперь совершается надъ нимъ таинственный процессъ магнетизма, и онъ въ самомъ опасномъ положеніи. Въ то-же время жизнью моею ручаюсь вамъ, что онъ выздоровѣетъ. Сядьте, Княгиня, и выслушайте.

« Какъ-бы это сказать вамъ? Самый высокій умъ человѣческій есть кротъ, выглядывающій изъ норы своей на вселенную. Но гдѣ человѣкъ сближается съ *универсальною* жизнію, тамъ онъ становится *весь міръ*, *вся вселенная*; кротъ, какъ часть цѣлаго, есть микрокозмъ макрокозма. Поелику для содержимаго въ содержащемъ пространство

и время исчезаютъ, ибо изъ *не-Я* они переходятъ въ его *Я*, то посему взоръ нашъ видитъ сквозь море, живетъ въ прошедшемъ, и *воля* человѣка непобѣдима, если только онъ обратитъ силу и волю свою на дѣйствіе, внутри и внѣ себя все равно, ибо тогда природа становится частію его самого, *субъектомъ* его *объекта*.... Чувствую, что я говорю темно; но, позвольте (*).... Любили-ль вы, Княгиня? Вы молчите: вѣрно вы никогда не любили, не знаете любви, этого совершеннаго уничто-

(*) Можетъ быть, то-же скажутъ и читатели наши; но мы просимъ ихъ извинить насъ, ибо повторяемъ слово въ слово рѣчи Доктора, и не смѣемъ изъяснять того, что ему самому казалось темно *для другихъ*. Но что *самъ онъ* хорошо понималъ все, что говорилъ, въ этомъ мы увѣрены и увѣряемъ нашихъ читателей.

женія воли, не знаете субъективной жизни чужею жизнію. Жаль, жаль, что вамъ послѣ этого рѣшительно невозможно изъяснить закона, по которому человѣкъ духъ и тѣло, ангелъ и земля, великое и смѣшное, Кантъ и я, все и ничто. Вообразите однокожъ, что человѣкъ можетъ весь перейдти въ универсальную жизнь; что вся его воля можетъ устремиться на одинъ предметъ—что̀ тогда противостанетъ ему? Ему-ли тогда не уничтожить собою болѣзни какой нибудь? Какое сомнѣніе! Что̀ такое болѣзнь? Побѣда *тѣла* надъ духомъ, отъ которой побѣдитель умираетъ. Этого побѣдителя вдругъ оковываетъ *духъ* другаго, переходитъ въ него, живетъ одною съ нимъ жизнью и даетъ ему жизнь свою. Можетъ-ли тѣло бороться съ

этимъ страшнымъ противникомъ, для котораго нѣтъ ни времени, ни пространства, ни малаго, ни великаго, и который безсмертенъ жизнью за гробомъ, слѣдственно, безсмертенъ вѣчно, и не только *тамъ*, но и *здѣсь:* духъ Сократа живетъ въ насъ, хотя плоть Сократа давно умерла и истлѣла! Вы этого не понимате, потому что, извините, Княгиня, вы не жили духомъ, ибо вы *не любили*, а кромѣ любви женщина ни въ чемъ не можетъ приблизиться къ универсальной жизни— для нея процессъ универсальности объективно совершается только въ любви; а во всѣхъ другихъ случаяхъ она живетъ субъективно....»

Видно было, что Доктору чрезвычайно казалось трудно объяснить все то, что онъ думалъ объяснить. Онъ усердно отиралъ потъ съ лица.

— Г-нъ Докторъ — сказала Княгиня—мы были знакомы въ Парижѣ съ послѣдователями Месмера. Они дѣлали тогда много шуму. Делонъ часто обѣдывалъ у насъ. Онъ такъже говаривалъ какъ вы; но — мы смѣялись надъ нимъ — признаюсь вамъ!

« И надо мной теперь смѣетесь, или не смѣете только смѣяться? Но когда-же чернь не освистывала мудрости? когда поэзія не почиталась сумасшествіемъ? когда любовь не казалась нарушеніемъ всѣхъ нашихъ приличій? Впрочемъ, теперь уже поздно раздумывать: сынъ вашъ не принадлежитъ ни себѣ, ни вамъ— онъ принадлежитъ тому существу, которое овладѣло его бытіемъ. Въ волѣ этого существа возвратить ему разумъ, сдѣлать его человѣкомъ. Если вы, если я вмѣ-

шаемся — мы погубимъ его. Вы должны только повиноваться этому существу, владыкѣ вашего сына, что̀-бы оно ни приказало. Малѣйшее сопротивленіе — смерть!»

— Боже мой! Любезный Докторъ! я передаю вамъ полную волю.

«А когда онъ будетъ здоровъ; когда у васъ опять будетъ сынъ, а не сумасшедшее животное; когда обладающее имъ существо будетъ жить *одною душею* съ вашимъ сыномъ, тогда, Княгиня, тогда что̀?»

— Пожалѣю-ли я чего нибудь для ея награды! Я готова осыпать ее золотомъ!

«Да, что̀ вы такъ дорого цѣните ваше золото?» возразилъ Докторъ. «Если потребуется болѣе нежели золото, если надобно будетъ жертвовать вашими предразсудками, вашею знатностью,

если.... Постойте, Княгиня: клянусь Богомъ — если вы теперь скажете мнѣ: *нѣтъ*; если вы только задумаетесь на одно мгновеніе — я сорву этотъ платочекъ съ вашего сына: въ бѣшенствѣ встанетъ онъ, и вы первая будете жертвою его бѣшенства, и ни что уже не укротитъ его.... Онъ погибнетъ!»

Печально свѣтилъ погасавшій день сквозь шелковыя занавѣсы. Какъ мертвецъ лежалъ молодой Князь на своей кровати, неподвиженъ, едва дыша. Княгиня сложила руки и съ чувствомъ отчаянной матери сказала Доктору: «Спасите его! Чего-бы ни стоило, спасите его!»— Вашу руку Княгиня! — «Вотъ она!» —

— Совѣсть! довольна-ли ты? — проворчалъ Докторъ самому себѣ.

V.

Эмма сидѣла въ учебной комнатѣ, по утру, на другой день послѣ разговора между Княгинею и Докторомъ; молча, задумавшись, она вязала что-то. Дѣдушка ея сидѣлъ въ своихъ креслахъ. Вдругъ щегольская карета остановилась у воротъ домика.

— Другъ мой — сказала бабушка Эммы, поспѣшно входя къ комнату — другъ мой! Княжескій лакей прибѣжалъ спросить у тебя: можешь-ли ты принять Княгиню, которая желаетъ тебя видѣть?

Эмма вспыхнула; дѣдушка съ безпокойствомъ вскочилъ съ кресѣлъ и бросилъ трубку. «Княгиня? Скажи, что я за честь почитаю — гдѣ она? Дайте мнѣ сюртукъ мой — приберите поскорѣе въ комнатѣ!»

Эмма поспѣшно подвинула къ стѣнѣ столикъ, взяла книги, лежавшія на немъ, переложила ихъ на другой, и не знала, за что приняться.

— Что-же сказать лакею?

« Да, просить, просить! »

Карета въѣхала во дворъ, и пока дѣдушка надѣвалъ свой сюртукъ, бабушка Эммы въ дверяхъ встрѣчала Княгиню.

Просто, но богато одѣтая, съ ласковою улыбкою отвѣчала Княгиня на неловкія привѣтствія старушки. Явился дѣдушка, низко кланяясь. Бабушка предлагала чашку кофе. Эмма съ трепетомъ присѣла, и дрожала невольно, не смѣя глядѣть на Княгиню.

— Не безпокойтесь, любезный сосѣдъ, не безпокойтесь, милая сосѣдка — сказала Княгиня. — Про-

шу васъ быть со мною безъ церемоній; прошу удостоить меня вашей дружбы, вашего знакомства.

Удивительно дѣйствіе богатства и знатности: имъ все пристало, все къ лицу, какъ молодой хорошенькой дѣвушкѣ! Княгиня успѣла очаровать старика и старушку своимъ входомъ и немногими словами. Свѣтское обращеніе, ловкость, нарядъ ея, экипажъ, кротость, ласковость — о! она могла приказывать имъ, не только просить ихъ.

— Но гдѣ-же милая ваша внучка? Ради Бога, дайте мнѣ разцѣловать, обнять ее! Познакомьте насъ. Это вы, милая? — сказала Княгиня, нѣжно цѣлуя Эмму.

Она посадила ее подлѣ себя на диванѣ. Робѣя, дрожа, съ раскрас-

нѣвшимися щеками, Эмма едва дышала.

Какъ будто желая вывести ее изъ замѣшательства, Княгиня обратилась къ дѣдушкѣ, и, не выпуская изъ рукъ своихъ руку Эммы, сожалѣла, что давно не имѣла удовольствія узнать лично своихъ почтенныхъ сосѣдей.

— Ваше Сіятельство — отвѣчалъ дѣдушка — могли-ли мы ожидать такой чести, такой благосклонности! Я еще долженъ благодарностью брату вашему, Его Высокопревосходительству (старикъ проговорилъ *чинъ, имя* и *фамилію*); онъ былъ Директоромъ нашего Департамента, и я имѣлъ честь служить подъ его милостивымъ начальствомъ.

— Когда-же это? — спросила съ участіемъ Княгиня, желая за-

вести разговоръ. Старикъ началъ подробно разсказывать, а Княгиня внимательно оглядывала Эмму. Не смотря на умѣнье скрывать свои ощущенія, казалось, что она изумляется, разсматривая эту дѣвушку. Чему дивилась она? Тому-ли, что видѣла какое-то кроткое, доброе созданіе, робкое, несмѣлое, молоденькую *мѣщанку*? И эта дѣвушка-мѣщанка была спасительницею сына ея? И это созданіе было загадкою, которой не могъ изъяснить ей ученый Докторъ Нѣмецкій? Отъ этой дѣвушки зависѣла жизнь ея сына? Но чему-же дивиться? — А кто изъ васъ не дивится, видя вдохновеннаго поэта въ обществѣ людей, видя, что этотъ поэтъ какое-то робкое, несмѣлое, неловкое созданіе? Дѣти, дѣти! кто изъ насъ не воображаетъ се-

бѣ, что великіе люди должны быть какіе-то исполины; кто изъ насъ не мѣряетъ величія души человѣческой саженями? За что-же мы смѣемся надъ дѣтьми, которые представляютъ себѣ каждаго богатыря, о которомъ читаютъ въ сказкахъ, ростомъ съ Ивана Великаго?

— Не могу-ли я быть теперь чѣмъ нибудь вамъ полезною?—сказала Княгиня ласково. — Прошу приказывать мнѣ.

« Ваше Сіятельство!...

— Оставьте мое Сіятельство въ покоѣ, любезный сосѣдъ. Вы видите во мнѣ несчастную мать, и отъ васъ зависитъ теперь все мое счастіе, жизнь моя, жизнь моего бѣднаго сына. — Княгиня заплакала. Бабушка заплакала вмѣстѣ съ нею.

Эмма поблѣднѣла и готова была также плакать.

« Ваше Сіятельство »…. сказалъ дѣдушка заикаясь и не зная что отвѣчать…. « Если только — то я — прошу васъ »….

— Наградить за это я ничѣмъ не могу васъ, любезный сосѣдъ: награда ваша на небесахъ, а не на землѣ — если только радостныя слезы матери не дороже вамъ всякихъ наградъ въ мірѣ.

« Ваше званіе, ваша благосклонность…»

—Вы видите всю бѣдность знатнаго званія, всю ничтожность богатствъ, любезный сосѣдъ! Отъ васъ зависитъ теперь участь всего нашего семейства.

« Возможно-ли, Ваше Сіятельство? Помилуйте…»

— Тутъ нечего толковать мно-

го, любезный сосѣдъ—сказалъ Докторъ, перебивая рѣчи старика. Докторъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Княгинею, но сидѣлъ молча и слушалъ, упершись зубами въ золотой набалдашникъ своей палки. — Тутъ нечего толковать. Вы должны согласиться, чтобы ваша внучка исцѣлила молодаго Князя — должны, если только вы человѣкъ, если только вы Христіанинъ, если только вы желаете себѣ царства Небеснаго.

«Ахъ! Господинъ Докторъ — Ваше Сіятельство! надобны-ли для меня подобныя убѣжденія? Если только добрая моя Эмма можетъ чѣмъ нибудь пособить вашему сыну....»

— Если только *хочетъ*, скажите лучше — возразилъ Докторъ.

«Вы спасете его? Вы захотите спасти его?» вскричала Княгиня,

нѣжно схвашивъ за плеча Эмму обѣими руками, и смотря ей въ глаза, сквозь слезы. « Милое созданіе! скажите мнѣ!

Крупныя слезы закапали изъ глазъ Эммы. Она склонила голову на грудь Княгини, и едва могла промолвить: « Располагайте мною, Ваше Сіятельство.» Крѣпко обняла ее Княгиня. Радостно улыбалась бабушка, смотря на Княгиню, обнимавшую Эмму; дѣдушка утиралъ глаза; Докторъ внимательно глядѣлъ на Ея Сіятельство, и, казалось, хотѣлъ прочитать въ ея душѣ всѣ тайныя чувства.

— Г-нъ Докторъ — сказала наконецъ Эмма, вырвавшись изъ рукъ Княгини — не ошибаетесь-ли вы? Клянусь вамъ Богомъ, что я совершенно не знаю, чѣмъ могу я

пособить излеченію сына Ея Сіятельства!

«Дѣвушка!» вскричалъ Докторъ, схвативъ руку Эммы: «такъ-же робко говорила нѣкогда одна дѣвушка, тебѣ подобная, когда высокая тайна совершалась въ мірѣ. Душа невинности есть рай чудесъ высокихъ и непостижимыхъ. Горе вкусившему плодъ съ древа познанія! Не ему, нѣтъ! не ему западаетъ въ душу лучъ небесный. Только невинному, чистому, какъ младенцу, предоставлено уничтожать предвѣдѣнія мудрыхъ, и только въ невѣдущую душу нисходитъ благодать! О, великій Месмеръ! какую тайну узнаю я теперь!» — Онъ благословилъ Эмму, поднялъ глаза къ небу, и отвернулся утереть слезу.

— Милая Эмма! — сказала Кня-

гиня — отнынѣ вы будете моею дочерью!

Ярко загорѣлись опять щеки Эммы отъ этого слова. Она закрыла лицо руками, и тихо промолвила: «Пощадите меня, Ваше Сіятельство!»

Казалось, что съ восхищеніемъ Княгиня теперь смотрѣла на Эмму. И прелестна, очаровательна была Эмма въ эту минуту, необъяснима, какъ мигъ восторга, проста, какъ пѣсня Швейцарская, радостна, какъ вѣсть свободы узнику.

— Любезный сосѣдъ! — сказала Княгиня дѣдушкѣ—отнынѣ вы позволите мнѣ раздѣлить права ваши надъ вашею Эммою. Предъ лицемъ Бога, клянусь быть ей матерью! Послушайте-же теперь, послѣ моего обѣщанія, послѣ моей клятвы, и не

пугайтесь: вы должны отпустить со мною мою милую Эмму.

Невольное: *ахъ!* вырвалось вдругъ изъ груди Эммы и изъ устъ ея бабушки. Самъ дѣдушка казался изумленнымъ. Предложенiе было такъ неожиданно. Эммѣ показалось, будто сердце оторвалось у нея; она поблѣднѣла.

— Завтра ѣдемъ мы въ нашу подмосковную деревню. Эмма поѣдетъ со мною.

« Только въ деревню вашу? »

— Неужели ты согласишься разстаться съ Эммою? — поспѣшно сказала бабушка. Молча, но съ умоляющимъ взоромъ, оборотилась къ ней Княгиня. — Извините, Ваше Сiятельство — продолжала бабушка въ замѣшательствѣ — мы такъ привыкли къ нашей Эммѣ.... Впрочемъ, какъ угодно моему мужу....

«Мы можемъ примирить всѣ затрудненія,» возразила Княгиня. «Поѣдемте всѣ вмѣстѣ, любезный сосѣдъ! Мѣста достанетъ для всѣхъ насъ; деревня наша прелестная — у насъ тутъ немного: только пять сотъ душъ; но домъ пребольшой, садъ обширный — будетъ гдѣ помѣститься.»

Мысль: ѣхать къ Князю, къ этому знатному, богатому вельможѣ, быть въ его обществѣ, свѣтскомъ, блестящемъ, модномъ, разстаться съ своимъ домикомъ, разстроить порядокъ хозяйства, всѣ привычки, всѣ удобства, съ которыми свыкается старость? И почему не ѣхать одной Эммѣ? Все это пролетѣло въ головѣ старика въ одно мгновеніе.

— Но что я буду у васъ дѣлать? — сказала Эмма, робко. —

Простите меня, Ваше Сіятельство, я вовсе не знаю никакихъ приличій большаго свѣта, даже никогда не живала въ чужомъ домѣ.

«Въ *чужомъ*, милый другъ! Развѣ вы будете въ чужомъ домѣ? Развѣ не заступлю я вамъ мѣста матери?»

— Ахъ, Ваше Сіятельство! — сказала Эмма, цѣлуя руку Княгини — я уже люблю васъ, какъ мать....

«Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Сіятельство, наша Эмма вовсе не знаетъ большаго свѣта,» начала важнымъ голосомъ бабушка, думая, что нашла непобѣдимое средство оспорить требованіе Княгини.

— Оставьте вашъ большой свѣтъ— сказала Княгиня, съ легкимъ упрекомъ.—Можете-ли вы воображать

домъ мой какимъ нибудь блестящимъ, большимъ свѣтомъ, домъ печали и скорби, гдѣ ваша Эмма будетъ звѣздою счастія и радости! О, Боже мой! неужели имя Княгини, неужели званіе моего мужа пугаетъ васъ?

«Но развѣ пребываніе Эммы съ вами необходимо?»

— Да, сосѣдъ! — сказалъ Докторъ.—Надобно, чтобы нашъ больной былъ безпрестанно съ нею вмѣстѣ, дышалъ однимъ съ нею воздухомъ, глядѣлъ ея глазами, говорилъ ея мыслью, думалъ ея умомъ.

Дѣдушка невольно улыбнулся. «Что-же изъ этого будетъ?» подумалъ онъ, самъ про себя.

Эмма не видала его улыбки. Отъ словъ Доктора у нея мелькнула совсѣмъ другая мысль. «Мечта моя! неужели ты сбываешься?»

Княгиня замѣтила, какъ улыбнулся дѣдушка. Можетъ быть, она поняла его мысль; по крайней мѣрѣ, она улыбнулась, будто говоря ему въ свой чередъ: «Оставимъ будущее судьбѣ, любезный сосѣдъ!»

Но Доктору показалась усмѣшка дѣдушки недовѣрчивостью къ его словамъ. «Сосѣдъ!» сказалъ онъ. «Неужели вы ничего не слыхали и не читали объ этомъ? Вамъ, какъ Нѣмцу, стыдно такое незнаніе. Завтра-же пришлю я къ вамъ сочиненія Гмелина и Бекмана.»

— Но вы говорили мнѣ, Докторъ — возразила Княгиня, усмѣхнувшись лукаво — что ни Месмеръ, ни Гмелинъ, и никто этого не понимаетъ.

«Вамъ угодно ловить меня на словахъ, Княгиня. Но между двумя вещами, которыя одинаково

называются, можетъ быть разница неизмѣримая. Простолюдинъ говоритъ: *я ничего не знаю*, и Сократъ, объявленный отъ оракуловъ мудрѣйшимъ изъ людей, говоритъ тоже. Что-жь изъ этого? Простолюдинъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ ничего, а Сократъ знаетъ все то, чего онъ не знаетъ.... Какъ-бы изъяснить мнѣ это.... Er weiss alles, was er nicht kennt.... » Докторъ заговорилъ по-Нѣмецки съ дѣдушкою Эммы.

— Не позволите-ли, Ваше Сіятельство, чашку кофе — сказала бабушка — прошу васъ сѣсть; сядьте, отдохните, успокойтесь, Ваше Сіятельство!

« Охотно, милая сосѣдка. Позвольте мнѣ ближе познакомиться съ вами; увѣряю васъ, что вы найде-

те во мнѣ простую, добрую женщину.»

— Эмма! поди поскорѣе, милая, свари намъ кофе.

Эмма весело побѣжала. — «А мы поговоримъ между тѣмъ съ вами объ Эммѣ»—сказала Княгиня, усаживая подлѣ себя бабушку.

Докторъ съ жаромъ велъ между тѣмъ съ дѣдушкою разговоръ о сомнамбулизмѣ и магнетизмѣ, искуственномъ магнетизированіи, естественной поляризаціи и духовной эксцентризаціи. Общество этихъ людей казалось такимъ дружескимъ, веселымъ, радостнымъ. Княгиня разцѣловала братьевъ Эммы; послала своего лакея за фруктами въ свою богатую оранжерею. Бѣдняжки дѣти съ роду не видывали такихъ персиковъ, такихъ яблоковъ; имъ дали по цѣлому анана-

су, и бабушка едва уговорила ихъ отдать спрятать ананасы сестрицѣ, и не ѣсть всего вдругъ. Дружески разстались наконецъ сосѣди.

— Довольны-ли вы мной, Докторъ? — сказала Княгиня, когда сѣла съ нимъ въ карету. — Еще-ли станете вы говорить, что кто не любилъ, тотъ не зналъ ничего универсальнаго?

« Вы *мать*—я забылъ это »— сказалъ Докторъ, весело улыбаясь. Онъ досыта наговорился о Месмерѣ съ дѣдушкою Эммы, и былъ теперь чрезвычайно веселъ и доволенъ.

— Боже мой! — восклицала старушка, бабушка Эммы, проводивъ Княгиню и оставшись въ своемъ семействѣ — да, что за милая дама эта Княгиня! Совсѣмъ и не замѣтишь, что она знатная, что она сіятельная, что она богата.

Старикъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ, и курилъ трубку съ усиленнымъ удовольствіемъ, можетъ быть и отъ того, что проголодался, почитая неучтивостью курить при Княгинѣ, и не принимавшись за трубку свою во все время, пока была у нихъ сіятельная гостья. Видъ его выражалъ довольство простолюдина, который послѣ свиданія съ знатнымъ человѣкомъ, говоритъ самъ себѣ: кажется, я не одурачилъ себя въ глазахъ его? — На слова своей старушки, онъ отвѣчалъ односложными: Ja, ja! и пускалъ табакъ фигурными кружками, и вдругъ густою тучею, и потомъ тихонько, тоненькою, длинною змѣйкою.... Эммы не было въ комнатѣ. « Гдѣ-же наша Эмхенъ? » сказала наконецъ старушка, когда уже не находила болѣе словъ для

похвалы Княгинѣ. Она пошла въ комнату Эммы, и увидѣла сквозь стекляныя двери, что Эмма стоитъ на колѣняхъ и усердно молится. Съ наслажденіемъ смотрѣла старушка на Эмму, и думала смотря на нее: « Судьба непостижимая! Можетъ быть, это будущая Княгиня С * * * ? » Тайныя слова старушки показывали все, что поняла и придумала она, изъ всего, что видѣла и слышала. У старика дѣдушки бродили въ головѣ магнетизмъ и сомнамбулизмъ, поляризація и эксцентризація. Но Эмма? Думала-ли она о будущемъ своемъ княжествѣ? Ахъ! нѣтъ: она молилась; таково было первое движеніе Эммы, разставшись съ Княгинею. Но о *комъ*, о *чемъ* молилась она, и *что́* она думала?

VI.

Смѣшны люди, если они рѣшаются систематически отдавать себѣ отчетъ о самихъ себѣ и о другихъ! Забавны всѣ эти Философы и Историки, когда они хотятъ изъяснить каждую дробь мыслей и поступковъ человѣческихъ! Что̀ такое Всеобщая Исторія? *Человѣкъ*, написанный Ролленемъ въ миллъонѣ огромныхъ томовъ in-quarto. А жизнь человѣка отдѣльно взятая? Сокращеніе той-же Всеобщей Исторіи, сдѣланное Шрекомъ для училищъ. И вообще говоря: походитъ-ли человѣкъ на логическій силлогизмъ въ своей жизни? Что-же такое мѣлкія дроби мыслей и думъ его! Тутъ система? Бѣдняки!

Но мысли, и думы, и вся жизнь дѣвушки, этого творенія, создан-

наго въ минуты восторга первобытной поэтической жизни вселенной, этого творенія, очарованнаго и очаровательнаго, но безотчетнаго, какъ стихи юнаго поэта — въ нихъ-ли будемъ искать логической системы? Будто облака, вольно летаютъ мысли и думы по небу души дѣвичьей, освѣщаются улыбкою, темнѣютъ слезами, сверкаютъ чувствами....

Мы знали прежнюю Эмму до встрѣчи ея въ саду съ сумасшедшимъ Княземъ. Она высказала намъ всю свою душу въ разговорѣ съ Фанни: мы подслушали этотъ разговоръ. Когда, по возвращеніи съ дѣдушкою изъ сада, карета Княжеская умчала безумца; когда все происшествіе въ саду казалось Эммѣ какою-то мечтою, отъ которой ничего не осталось въ дѣйстви-

тельности; когда Эмма выслушала продолжительные разсказы старика старушкѣ, о томъ, что видѣлъ онъ въ саду, и когда ее самое заставили два раза пересказать обо всемъ этомъ, пересудили, переговорили — Эмма ничего не понимала, что̀ это такое было... И еще болѣе: она даже не спрашивала у самой себя объ этомъ! Чувства ея были похожи на чувства человѣка, котораго невидимая сила вдругъ подняла высоко, близко къ солнцу; и вдругъ голова его закружилась — онъ упалъ въ какую-то бездну, полную непроницаемаго тумана. Онъ не знаетъ: *гдѣ* онъ, на небѣ-ли, на землѣ-ли, въ пропасти-ли какой; боится крѣпко стать ногами, чтобы не провалиться далѣе въ глубину; боится ощупать вокругъ себя руками, чтобы не схватить за го-

лову какой нибудь змѣи, чтобы не протянуть руки своей въ пасть какого нибудь невидимаго чудовища; боится и взглянуть къ верху: что̀ если надъ головой его мракъ непроницаемый, или тяжкое, роковое рѣшеніе Судьбы нависло черною тучею? — Какъ естественно кажется мнѣ дѣйствіе дѣтей, когда они сжимаются ночью подъ своимъ одѣяльцемъ, и закрываютъ себѣ глаза руками, думая, что спаслись отъ привидѣній, если не видятъ ихъ! Не такъ-ли дѣлаемъ и всѣ мы, взрослые?

Но когда, послѣ обѣда, братья разсѣлись по угламъ и учили свои уроки, а дѣдушка и бабушка легли отдыхать, Эмма сѣла подлѣ окна, съ вязаньемъ. Нѣсколько минутъ она смотрѣла на небо, на улицу, опять на небо.... Наконецъ, она ни-

куда не смотрѣла, и стала думать — думать невольно, въ глубокой тишинѣ, окружавшей ее. Туманъ разсѣявался вокругъ нея; бездна исчезала; образъ несчастнаго молодаго человѣка, лежавшаго у ногъ ея въ садикѣ, означился теперь передъ нею, сквозь мракъ и туманъ. Вѣчный врагъ нашъ, Воображеніе— стало разцвѣчать его своими заколдованными красками. Забавны мнѣ старушки, маменьки и бабушки: онѣ не даютъ дочкамъ и внучкамъ своимъ читать романовъ, забывая, что душа дѣвушки есть сама по себѣ глава изъ романа, подъ которою подписываетъ Судьба, какъ Журналистъ: *продолженіе обѣщано!* Изъ всего, что было въ садикѣ, Эмма живо помнила только ту минуту, когда сквозь блѣдное, обезображенное болѣзнію лицо мо-

лодаго Князя, проглянулъ ей какой-то юношескій, милый образъ— и какой образъ? *Тотъ*, *тотъ* самый, который создавала себѣ Эмма въ неясныхъ мечтахъ, образъ, которому она давала жизнь и бытіе, и счастіе жизни и прелесть бытія! Все остальное исчезло передъ нею — и ужасъ событія въ садикѣ, и безуміе Князя, и Князь: совсѣмъ не приходило въ голову Эммѣ, что это *былъ Князь* — и то-ли еще? Исчезала вся природа, и всѣ люди: одинъ *онъ*, неизвѣстный и знакомый душѣ, лежалъ у ногъ ея, и говорилъ ей: *мнѣ такъ хорошо!* Милльоны людей, будто пылинки въ тучахъ пыли и тумана, толпились вокругъ него и Эммы, и всѣ они были *имъ* чужды: изъ милльоновъ только *одинъ* принадлежалъ Эммѣ, молилъ спасти его, оживить, вос-

кресить. Сердце Эммы такъ сильно билось! — Вдругъ страшный ударъ грома раздался въ ушахъ ея — она испугалась, взглянула въ окно: небосклонъ облекала черная туча, и огненною змѣею раздирала молнія нѣдра этой тучи; крупный дождь шумѣлъ, и окошко, растворенное Эммою, хлопало. Эмма совсѣмъ не замѣтила, какъ подкрались на небо тучи, какъ собралась гроза и зашумѣла буря. Она спѣшила запереть окно и ободрить испугавшихся братьевъ. Но, Боже мой! Ей казалось теперь, что мечта ея сливалась какимъ-то непонятнымъ образомъ съ дѣйствительностью; она слышала, видѣла грозу, и не понимала еще: въ самомъ-ли дѣлѣ на яву гремятъ эти громы, или только гремятъ они въ ея душѣ? « Эмма! ты забыла, что

обѣщалась молиться за него, молиться о томъ, чтобы онъ выздоровѣлъ! А что-же ты дѣлала, Эмма— молилась-ли ты о немъ? Ты безумствовала; ты преображала его въ какую-то странную мечту.... Эмма! ты согрѣшила, и Богъ напоминаетъ тебѣ громомъ небеснымъ о грѣхѣ твоемъ. — Создатель! прости меня!»

Эмма стала на колѣни, но не знала, какъ ей молиться, какъ провести челнокъ успокоенія молитвою по волнамъ души своей, въ первый разъ въ жизни вздымавшимся грозными, непримиримыми валами....

— Ты видно очень испугалась грозы, Эмма! Прежде ты никогда не баивалась грома — сказала бабушка, входя въ комнату. Грозы душевныя были неизвѣстны ста-

рушкѣ; и въ душѣ-ли Эммы, своей крошкой, тихой Эммы вздумала-бы она замѣчать ихъ!

Въ первый разъ въ жизни, Эмма скрыла тайную думу свою отъ доброй бабушки, изумленная тѣмъ, что гроза уже пролетѣла, и солнце опять ярко свѣтило на небѣ, и что этого перехода отъ бури къ солнцу она такъ-же не примѣтила, какъ прежде не примѣтила грозныхъ тучь, застлавшихъ свѣтлое солнце. Въ первый разъ Эмма не пошла вечеромъ полюбоваться цвѣтами въ садикѣ своемъ. Ей хотѣлось-бы теперь говорить съ Фанни, и ни съ кѣмъ болѣе не говорить ничего. Она занялась ученьемъ братьевъ, и такъ прилежно, и такъ долго учила ихъ, что они стали жаловаться бабушкѣ. Насталъ вечеръ; Эмма сѣла разыгрывать Гум-

мелевъ концертъ, и играла опять такъ долго, что бабушка принуждена была два раза напомнить ей объ ужинѣ. Когда надобно было идти въ свою комнату, остаться въ ней одной — Эмма ужаснулась пустоты и одиночества; ей казалось, что изъ каждаго темнаго уголка глядятъ на нее какіе-то безумные глаза; изъ-за каждой двери слышится какой-то хриплый голосъ: «Эмма! я твой, но и ты моя!» — Со страхомъ бросилась она въ свою постелю. Тяжелый сонъ налегъ на грудь ея привидѣніями, и глушилъ ее воплями, звукомъ цѣпей, гробовымъ пѣніемъ. *Онъ* былъ мертвый, лежалъ неподвижно; передъ нимъ догорала свѣча, въ высокомъ гробовомъ подсвѣчникѣ. «Эмма!» сказалъ онъ, вдругъ поднявшись— «когда догоритъ эта свѣча — ты

умрешь!» Свѣча горитъ, горитъ, догораетъ, догораетъ, едва свѣтитъ; Эмма поспѣшно поправляетъ свѣтильню, но свѣтильня кончается, кончается—догорѣла—еще разъ вспыхнула, потухла—мракъ повсюду—какой-то голосъ запѣлъ похоронную пѣсню, и глаза мертвеца открылись, засверкали, окостенѣлыя руки его протянулись — онъ говоритъ насмѣшливымъ голосомъ: «Сюда, Эмма, сюда!» — Эмма вздрогнула и пробудилась.... Востокъ алѣлъ утреннею зарею, и Эмма чувствовала дрожь и холодный потъ по всему тѣлу. «Не оставь меня, Боже великій!» прошептала она, и вмѣсто утренней молитвы, читала: Du bist mein Vater, ich dein Kind: mein Heil ist, dich zu lieben!

Блѣдная и задумчивая сидѣла Эмма за работою своею, когда не

мечты, но дѣйствительность жизни явилась передъ нею въ видѣ Княгини С***. — Все, что говорили потомъ Княгиня, дѣдушка, бабушка, Докторъ, все, что говорила сама Эмма, пролетало мимо души ея. Но когда Докторъ сказалъ, что молодому Князю надобно быть вмѣстѣ съ Эммою, дышать однимъ съ нею воздухомъ, глядѣть ея глазами, говорить ея мыслью, думать ея умомъ — «*Мечта моя! неужели ты сбываешься?*» невольно спросила Эмма у самой себя.

«И такъ, это не будетъ уже мечта? Но, какъ-же встрѣтимся мы опять съ тобою, мой безумецъ? Какъ станешь ты оживать моею жизнію, сумасшедшій?» думала Эмма, и не смѣла спрашивать, когда и какимъ образомъ отправится она съ Княгинею, хотя и знала, что

дѣдушка и бабушка согласились на ея отъѣздъ въ подмосковную Княжескую. Прилежно, ревностно занималась она хозяйствомъ, какъ будто ей совсѣмъ не надобно было собираться въ дорогу. Бабушка скрывала отъ нея всѣ небольшія дорожныя приготовленія; тихонько увязали ея бѣлье, сложили ея платья; старушка сама не хотѣла говорить Эммѣ о разлукѣ съ нею до самаго часа разлуки. Развѣ не радуется человѣкъ даже отсрочкѣ казни, хотя участь его уже опредѣлена бываетъ въ этомъ случаѣ неизбѣжно? И кто изъ насъ не былъ доволенъ, когда на день отсрочивалъ отъѣздъ свой милый намъ человѣкъ? И кто изъ насъ напоминалъ ему потомъ, что время ѣхать?

Съ изумленіемъ увидѣла Эмма, на другой день утромъ, экипажъ

Княжескій, подъѣхавшій къ крыльцу. Неожиданно бабушка велѣла ей поскорѣе одѣваться. Только Докторъ вошелъ въ комнату. Княгиня оставалась въ каретѣ. « Милая Эмма! ты ѣдешь на счастье! » сказалъ дѣдушка, и горько заплакалъ, когда Эмма въ одну минуту была готова, надѣла свою шинельку и бросилась къ нему въ объятія — *проститься!*

Страшное слово! Кто первый замѣнилъ тобою милое: *до свиданья*, тотъ, кто первый сказалъ тебя, тотъ зналъ ужасъ разлуки, разлуки вѣчной! Не ты-ли, праматерь наша, сказала первая это страшное слово, въ то время, когда передъ тобою простертъ былъ безчувственный трупъ Авеля!

Въ бричку, въѣхавшую во дворъ, вмѣстѣ съ каретою, отправляла ба-

бушка картончики и узелки Эммы, и слезы текли между тѣмъ изъ глазъ ея. На крыльцѣ стояли кухарка и дворникъ. «Простите, барышня!» говорили они, и плакали, цѣлуя руку Эммы. А братья ея? О милыя связи семейственныя, простыя ощущенія любви родственной, тишина безвѣстнаго бытія! Зачѣмъ мѣняетъ васъ человѣкъ на бурныя страсти, на бѣшеныя впечатлѣнія, на шумный, безвѣстный ему, обольстительный свѣтъ?—Чье сердце не бьется сильнѣе и послѣ двадцатилѣтней стужи лѣтъ и печалей, вспоминая ту минуту, когда одинъ шагъ въ кибитку, карету, тѣлегу — все равно—долженъ былъ отдѣлить насъ отъ всего прежняго, чѣмъ мы жили, съ чѣмъ мы сжились сердцемъ; и когда на крыльцѣ стояла, провожая насъ, добрая

мать, скрывающая свои слезы; и подлѣ нея видна была сѣдая голова старика отца, и простыя печальныя лица служителей, и бѣленькія головки братьевъ, сестеръ, съ заплаканными глазами.... Не сжимайся такъ тяжело, сердце мое: это было давно. . . . это такъ давно прошло, пролетѣло.... Тѣхъ, кто провожалъ меня, давно нѣтъ на свѣтѣ. . . .

Дверцы кареты отхлопнулись. На задней лавкѣ сидѣла Княгиня; противъ нея сидѣлъ молодой Князь, сынъ ея: онъ былъ закутанъ въ шинель свою, и яркіе глаза его сверкали изъ подъ дорожнаго картуза. Карета была четырехъ-мѣстная, великолѣпная; кучеръ и форрейтеръ едва удерживали шестерню борзыхъ коней, впряженныхъ въ нее.

Докторъ говорилъ что-то съ дѣдушкою, пока Эмма цѣловала своихъ братьевъ. «Какъ землякъ, честный Германецъ и честный человѣкъ!» громко произнесъ наконецъ Докторъ, крѣпко пожимая руку старика. Онъ взялъ потомъ Эмму за руку, и повелъ ее къ подножкамъ кареты, пока Княгиня ласково кланялась дѣдушкѣ и бабушкѣ. Старикъ и старушка перестали плакать и усердно откланивались. Эмма не плакала, даже казалась веселою; но когда ступила она на нижнюю ступеньку каретныхъ подножекъ—вдругъ затрепетала она, будто кто-то дернулъ ее сзади, будто кто-то удерживалъ ее, и шепталъ ей: Эмма, остановись! — Лицо ея поблѣднѣло; едва не сдѣлалось ей дурно. Она чувствовала неизъяснимое отвращеніе ступить еще шагъ далѣе...

— Идите, моя милая, моя добрая Эмма! — сказала Княгиня, со слезами на глазахъ, подавая ей руку—идите—намъ пора ѣхать!

« Пожалуйте, сударыня » — говорилъ Докторъ.

Эмма вошла въ карету. Докторъ сѣлъ противъ нея, подлѣ молодаго Князя. Въ послѣдній разъ взглянула Эмма на людей, столь милыхъ ея сердцу, неразлучныхъ съ нею до того времени. Дверцы захлопнули; стукъ экипажа заглушилъ голоса и карета быстро понеслась по Московскимъ улицамъ.

Эмма робѣла? Нѣтъ! она не оробѣла отъ блестящихъ глазъ безумца, прямо на нее устремленныхъ— чего-же было еще робѣть ей? Или то, что сдавило сердце ея, когда она входила въ карету, было мрачное предчувствіе будущаго?

Но что-же такое страшное видѣла вокругъ себя Эмма? Ласковую, добрую Княгиню, страннаго весельчака Доктора. Сумасшедшій сидѣлъ молча, неподвижно, не раскрывая своей шинели, не снимая своего картуза; уподоблялся статуѣ, пока Эмма не взглянула на него: взглядъ Эммы обратился на него, и онъ поспѣшно надвинулъ картузъ свой на глаза, закрылъ лицо своею шинелью. Эмма поглядѣла на Доктора, какъ будто спрашивая: что̀ это значитъ? «Не замѣчайте его,» сказалъ ей Докторъ по-Нѣмецки, и началъ общій разговоръ съ Княгинею. Княгиня казалась растроганною, обняла, поцѣловала Эмму, взяла ея руку, долго держала руку ея въ своей, пожимая дружески, нѣжно, и между тѣмъ вела разговоръ съ Докторомъ. Эмма молчала.

Она имѣла теперь досугъ осмотрѣться кругомъ и углубиться въ самое себя. Но душа ея показалась ей какимъ-то хаосомъ безпорядочныхъ, безотчетныхъ мыслей ; Эмма не захотѣла смотрѣть въ нее, какъ раззоряющійся богачъ не смотритъ на счеты, подносимые дворецкимъ.

Тѣмъ внимательнѣе глядѣла Эмма кругомъ себя. Какъ зашла ты сюда, Эмма ? Какая непостижимая сила вырвала тебя, столь быстро и нежданно, изъ мирной семьи твоей, и бросила сюда, въ это странное общество, чужое, чуждое ? Что за великолѣпіе тебя окружаетъ : бархатъ, золото, блескъ ! И что-же въ этомъ великолѣпіи ? Сумасшествіе, принужденный разговоръ, печальная мать, наемникъ, который взялся лечить ея безумнаго сына ! Такъ-ли было въ твоей

тихой семьѣ, безъ золота и блеска, но при ласковой рѣчи бабушки, при улыбкѣ старика дѣдушки, рѣзвой веселости братьевъ, простотѣ подругъ? Эмма! какъ зашла ты сюда! — Робость овладѣла Эммою; она прижалась въ уголокъ, чувствуя, что все уничтожаетъ ее — да, уничтожаетъ! Не смотря на ласковость Княгини, на ея стараніе не дать замѣтить Эммѣ превышающаго состоянія и образованія свѣтскаго, Эмма ясно видѣла это: самая одежда Княгини, дорожная, простая, но богатая, брилльянтъ на рукѣ ея, множество ничтожныхъ, но дорогихъ бездѣлицъ, какими бываетъ окружена свѣтская дама, все это видѣла и замѣтила Эмма, соображая свою одежду, свою опрятную, но бѣдную шинельку, свою красивую, но простую соломен-

ную шляпку. Эмма чувствовала, что никому не уступить въ силѣ души, силѣ чувства—можетъ быть и умѣ; но ловкость, оборотъ разговора Княгини — ахъ! ея каждое слово, и эта невнимательность, съ какою Княгиня смотрѣла на все великолѣпіе, холодность, съ какою говорила она о дорогомъ, важномъ, сильномъ, обо всемъ, что прежде казалось Эммѣ столь великимъ и значительнымъ, все показывало Эммѣ бездну, раздѣлявшую ея состояніе и образованіе отъ состоянія и образованія людей, съ которыми такъ нежданно столкнула ее судьба!

Какую Философію, какую твердость духа и опытность надобно имѣть, чтобы свое самобытное *я*, свое внутреннее превосходство поставить безъ робости противъ при-

лагательнаго блеска большаго свѣта, и твердо глядѣть въ безчувственные глаза этому чудовищу, называемому большимъ свѣтомъ!

Когда послѣ трехъ часовъ скорой ѣзды, карета въѣхала въ огромныя ворота обширнаго помѣстья Княжескаго, и передъ Эммою открылся величественный фасадъ каменнаго Княжескаго дома, сады его, пруды, безконечные парки; когда потомъ, смущенная, робкая, пошла она по мраморной лѣстницѣ, мимо огромныхъ канделабровъ и статуй; когда слуги засуетились, растворили двери въ безконечный рядъ старинныхъ залъ и гостиныхъ — Эмма потерялась совершенно. Эти стѣны, покрытыя штофомъ и бархатомъ, мраморъ, бронза, ковры, картины, золото, серебро, до потолковъ зеркала и тем-

ныя до полу окна, тысячи изобрѣтеній роскоши, которыхъ Эмма вовсе не знала употребленія; наконецъ явленіе угрюмаго старика, Князя С*** — и толпа слугъ и служанокъ, и самая тишина и почтительность, съ какою всѣ ходили по этимъ заламъ и комнатамъ, все это дѣлало Эмму какою-то простою, бѣдною дѣвочкою, которую изъ милости взяла къ себѣ Княгиня, подивиться, посмотрѣть на все великолѣпіе, и потомъ слышать убійственныя слова: « Видишь-ли, Эмма, всю разницу между нами и тобою?» — Но этого не было. Дружески и мило обняла Княгиня Эмму, и нѣжно осмѣлилась прижаться къ ней Эмма, и сердце ея отдохнуло, когда Княгиня повела ее послѣ сего по дому, и показала ей нѣсколько богатыхъ комнатъ,

говоря: «Вотъ ваши комнаты, милая Эмма! Будьте здѣсь полною хозяйкою.» Княгиня пошла къ себѣ. Эмма осталась одна, оглянулась кругомъ, и готова была воскликнуть, смотря на огромность и великолѣпіе комнатъ, и на удалявшуюся Княгиню: «Я здѣсь одна, я здѣсь чужая — перенесите, перенесите меня опять подъ родную, знакомую мнѣ кровлю смиреннаго убѣжища моего дѣтства!»

Щегольски одѣтыя, красивыя служанки окружили Эмму. Ей казалось, что каждая изъ нихъ смотритъ на нее съ удивленіемъ, что каждая превосходитъ ее привычкою ко всему, что изумляло ее. Почтительно стояли эти служанки, ожидая приказаній, но Эмма не привыкла *приказывать*. — «Мнѣ ничего не надобно, мои милыя,» ска-

зала она, сама поспѣшно снимая свою шляпку. Служанки поглядѣли одна на другую. Это заставило Эмму покраснѣть. «*Онѣ* видятъ твою неловкость; что-же увидятъ въ тебѣ другіе?» — Замѣшательство Эммы прервано было приходомъ служителя, который важно произнесъ: «Сударыня! Ея Сіятельство приказала просить васъ къ себѣ.» — Эмма спѣшила къ Княгинѣ.

VII.

«Я обѣщалъ вамъ, мой любезный и почтенный другъ, продолжить сообщеніе наблюденій моихъ, касательно магнетическихъ явленій, какія начались надъ ввѣреннымъ леченію моему молодымъ Княземъ С***, и мыслей моихъ по сему случаю. Хотя послѣ того получилъ я письмо отъ

общаго друга нашего, Г-на Профессора и Доктора Копфбреннера, но ни сколько имъ не убѣжденъ. Препровождая при семъ копію съ упомянутаго письма общаго нашего друга, признаюсь: вижу въ немъ только доказательства, что ни лѣта, ни ученіе не охладили энергіи души его, и онъ всегда пылокъ, какъ дитя, хотя и ученъ, какъ старикъ. Но онъ рѣшительно неправъ. О семъ упомяну далѣе.

Вамъ уже извѣстно первоначальное явленіе, происходившее въ саду Г-на ***, въ Москвѣ, гдѣ больной субъектъ подвергнулся внезапному и сильному дѣйствію объекта, совершенно здороваго, и никогда дотолѣ имъ не виданнаго. Извѣстно вамъ и то, что послѣ сего поляризировалъ я субъектъ съ объектомъ, и чтобы дѣствіе магнетизма про-

исходило свободнѣе, рѣшился устранить субъектъ отъ всякаго насильственнаго леченія, какъ-то: усмирительныхъ наказаній, обливанія водою, и т. п. — Далѣе, пользуясь хорошею погодою, перевезъ я его въ окрестности Москвы, въ село, окруженное обширными лѣсами, гдѣ совершенно устранилъ всѣ положительныя лекарства, а только давалъ успокоивающія. Но за то подвергнулъ я мой субъектъ самому сильному дѣйствію объекта, на полной свободѣ, при постоянно хорошей погодѣ и при спокойствіи наружномъ совершенномъ.

Слѣдствія были мною предвидѣнныя. Сближеніе совершенно животнаго состоянія сумасшедшаго съ чуждою ему стороною усиленнаго духа, произвело въ *одномъ* совершенное уничтоженіе его *я*, когда

въ *другомъ* его *я* развилось въ высокой духовной степени. Молодая дѣвушка, представительница духа, побороющаго животность, безъ всякихъ механическихъ средствъ магнетизма, покорила себѣ больнаго, такъ, что сначала нѣсколько дней онъ не могъ даже смотрѣть на нее прямо, былъ при ней безмолвенъ, и неподвиженъ какъ истуканъ. Потомъ началъ переходить въ него живительный духъ высшей жизни. Тогда первое чувство его было робость, покорность какая-то, совершенно безусловная. Наконецъ, больной началъ понимать все, что говорилъ ему объектъ, началъ самъ упражнять свою мыслящую способность, и журналъ, мною веденный, представитъ вамъ изумительную картину постепеннаго развитія человѣка въ нравственномъ его отно-

шеніи. Съ тѣмъ вмѣстѣ образовывалась и внѣшняя сторона больнаго: пропала дикость въ его глазахъ; черты лица проникло выраженіе мысли; возродились понятія объ уваженіи къ родителямъ, о благопристойности и стыдливости. Больной постепенно терялъ робость свою передъ объектомъ, и чувство пріязни и дружбы къ объекту усиливается въ немъ безпрерывно и постепенно. Кончиться должно тѣмъ, какъ я это напередъ изъясняю, что субъектъ долженъ почувствовать самую усиленную дружбу, то есть сильнѣйшую любовь. Тогда объектъ потеряетъ свою силу, и станетъ въ страдательное положеніе, въ какомъ находится въ мірѣ женщина, мощная, когда передъ нею слабость, ничтожная, когда передъ нею великое. Женщины любимыя и

любящія непремѣнно должны быть въ пассивномъ бытіи, когда просто любящія, но нелюбимыя, живутъ активно. Отъ того отчаяніе любви въ женщинѣ можетъ возвысить ее до неслыханной поэзіи, а счастіе любви всегда будетъ только пріятная проза. Отъ того женщины, по инстинктному самолюбію, предпочитаютъ въ любви дураковъ геніямъ, и отъ того мой нынѣшній объектъ удивительно возвысился душею, ибо передъ нимъ было совершенное животное, т. е. *сумасшедшій*. Здѣсь я рѣшительно противорѣчу общему другу нашему, Г-ну Копфбреннеру. Его мысль та, будто моральныя стихіи такъ-же разлиты во вселенной, какъ и вещественныя; что главная изъ сихъ стихій есть Любовь; что каждый есть представитель какой-либо сти-

хіи, и что сродныя индивидуальности мужчины и женщины, созданныя по одной стихіи, производятъ тѣ магнетическія явленія, какія наблюдаю я нынѣ надъ Княземъ С*** и его объектомъ. Все это несправедливо. Здѣсь, по моему мнѣнію, слѣдуетъ совсѣмъ иное: женщина, совершенная по чистотѣ души, набожная, и изолированная отъ всякаго другаго бытія, вознесла свою земную стихію до высочайшей степени скорби, состраданія, и чрезъ то тѣлесную магнитность, какъ категорію скрѣпляемости (Zusammenkettung), перевела въ моральное бытіе. *Магнетизмъ* и *Пансофика* суть одно и тоже. Нисшую часть ихъ видимъ въ обыкновенной магнитизировальной манипуляціи, а высшую въ свободномъ фанатизмѣ, раждающемъ на Востокѣ столь

странныя всевѣдѣнія (вспомните, что писалъ я въ диссертаціи моей De spectrorum artificiosa exhibitione, которою впрочемъ теперь и самъ я недоволенъ). Нашъ общій другъ утверждаетъ, что по возвращеніи разума, Князь С*** и объектъ его должны страстно полюбить другъ друга, и что объектъ особенно будетъ любить субъектъ свой. Все это невѣроятно. Напротивъ, Князь С*** преимущественно долженъ привязаться къ объекту, какъ къ моральной необходимости жизни, а объектъ его, утомленный возвышеніемъ духа, долженъ или совсѣмъ уничтожиться, или сойдти съ ума, если не будетъ проникнутъ чувствомъ активной привязанности субъекта, и не согласится жить пассивно. Вся ошибка нашего общаго друга происходитъ

отъ того, что онъ почитаетъ Любовь, нисшее чувство бытія, всемірною стихіею. Но если допустить это, то каждая женщина любящая дѣлалась-бы самымъ высокимъ существомъ, когда это бываетъ напротивъ. Все это однакожъ только запасы къ моему Психо-Физіологическому огромному изслѣдованію о Любви и Духѣ, и объ отношеніяхъ страстей съ нервами и мозгомъ.— Посылаю вамъ при семъ метеорологическія записки мои о климатѣ Москвы, и статью о повѣтренномъ кашлѣ, какой имѣлъ я случай наблюдать здѣсь въ Москвѣ, въ Мартѣ сего года. Поклонитесь отъ меня Г-ну Статскому Совѣтнику Бибириху, Г-ну Доктору Штульвейссу,» и проч.

VIII.

*(Дѣвичья, въ деревнѣ Князя C***).*

Анютка. Право, Степанъ, ты досидишься до бѣды. Поди въ свою лакейскую.

Степанъ *(съ торбаномъ въ рукахъ, развалясь на стулѣ, поетъ и подыгрываетъ).*

За палатами-то стоятъ шатры шелковые,
Э, а, о, о, охъ! шелковые, да, шелковые!

Парашка. Тебѣ по-Русски говорятъ, Степанъ, чтобы ты убирался отсюда.

Степ. Да я и слушаю не по-Французски, моя разлапушка, слушаю, да нейду.

Дуняшка. А вотъ увидитъ тебя Артамонъ Панфильичъ, такъ онъ тебѣ дастъ себя знать.

Степ. Не бось, моя разлюбезная Авдотья Степановна: этого стараго чорта унесло въ Перепелихино, и онъ раньше ночи не воротится расхаживать здѣсь по пѣтушиному.

Маша. Но ты знаешь, Степанъ Ильичъ, что барыня накрѣпко заказываетъ лакеямъ приходить въ дѣвичью. Увидитъ тебя Миссъ Чортъ, подыметъ такую грозу....

Степ. Она ушла завтракать. Ей, вотъ эшакое блюдо *буденю*, да окорокъ унесли въ ея комнату. Ну! да если увидитъ, что̀ за бѣда? — Хе! палки деньги, деньги палки— семь бѣдъ одинъ отвѣтъ—спины не нанимать стать: своя, не купленая! Лучше-ли мнѣ красть барское, да проигрываться въ три листа, чѣмъ приходить сюда къ вамъ, мои красавицы, погуторить кое-о чемъ, то есть, такъ сказать, о томъ о

другомъ? Или, примѣромъ то есть сказать, спѣть пѣсню.... То есть, Авдотья Степановна, какъ ты изволишь объ этомъ думать:

Ахъ! ты, Степа, Степаша горюнъ!
Ты почто, Степанъ, не женишься?

Анютка. Да, я говорю тебѣ, что барыня не велитъ лакеямъ въ дѣвичью ходить. И въ самомъ дѣлѣ, за своею Дуняшкой ухаживаешь, да другимъ дѣло дѣлать мѣшаешь, пострѣленый!

Дуняшка. Такъ тебѣ стало и завидно, что не за тобой ухаживаютъ?

Анютка. Завидно! будто не знаетъ, что вотъ все это бѣлье надобно къ обѣду выгладить, отдѣлать; а смотри-ка: гдѣ солнце-то?

Степ. Ну, если къ барскому обѣду, такъ успѣете — въ пять ча-

совъ вѣдь обѣдъ; добрые люди, отдохнувши, полдничать да къ вечернѣ идти собираются, а мы обѣдать садимся....

(Всѣ смѣются).

Степ. А что, право, у баръ затѣй не оберешься. Вѣдь, вотъ, хоть-бы и о томъ сказать: не ходи сюда съ красными дѣвицами поговорить! А сами что̀ дѣлаютъ....

Маша. На то они баре.

Степ. Баре? Такъ имъ и надобно что хошь дѣлать? Тутъ не далеко искать: вывезли они молодому барину эту Нѣмку молоденькую....

Анютка. Да, вѣдь она его лечитъ.

Степ. Лечитъ? Хитеръ сталъ этотъ Нѣмецкій народъ: у него и

дѣвки-то лѣтъ восьмнадцати лечить умѣютъ. Хоть-бы ты меня, Дуняшка, этакъ полечила!

Дуняшка. Да, отъ коего чорта тебя лечить?

Степ. Да, отъ сердечной зазнобы, разлапушка. Отъ того-же, отъ чего Нѣмка молодаго барина лечитъ.

Анютка. Полно ты врать, Степанъ.

Степ. Нечего врать. Вѣрь ты этимъ барчатамъ, да Нѣмкамъ, а мы знаемъ, что знаемъ.

Маша. Ахъ! скажи?

Степ. То-то скажи. Будто вы сами не догадаетесь. А я такъ подслушалъ, какъ Миссъ Чортъ говорила; а она ужь, конечно, знаетъ, что̀ говоритъ.

Дун. Чего тутъ догадываться. Баричъ нашъ сошелъ съ ума, и какъ

было ему не сойдти: ребенкомъ былъ — его лелѣяли, мальчикомъ росъ — нѣжили; а какъ попалъ въ службу, такъ въ полгода и съ ума спятилъ.

Парашка. Говорятъ, онъ книгъ зачитался.

Степ. Скажи лучше: отъ ретиваго головушка повернулась. Вѣдь и съ нашимъ братомъ, лакейщиной: какъ приглянулся кто, такъ вотъ голова и одурѣетъ.

Анютка. Вздоръ!

Степ. Не вздоръ, а то, что правдой зовутъ. Видишь: Миссъ Чортъ говоритъ, что баричъ только прикинулся сумасшедшимъ. Этому, говоритъ, примѣры и въ книжкахъ есть описаны, и на театрѣ представляютъ. А онъ себѣ очень на умѣ. Полюбилась, видишь, ему эта Нѣмка, и уговорилъ онъ Док-

тора сказать, будто она лекарка.

Пар. Не такова наша барыня, чтобы ее обманули.

Анютка. Однакожь, Параша, въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ-же она его лечитъ? Ни порошковъ, ни пластырей, а онъ здоровѣетъ видимо, съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмка при немъ.

Степ. Эхъ! да какое лекарство лучше дѣвичьихъ глазокъ! Я самъ замѣтилъ: баричу грустно станетъ, опять будто что-то на него найдетъ недоброе — Нѣмка поглядитъ ласково, заговоритъ съ нимъ, и — какъ рукой сняло!

Пар. Ты думаешь, будто Нѣмка эта полюбилась баричу? Анъ неправда, я знаю. Если и были у него шашни, такъ не тутъ. Помнишь, Анюта?

Анютка. Да, съ сосѣдкой-то молодою Графиней? Знаю.

Всѣ. А что? что?

Пар. Мы знаемъ что̀. Пока не опредѣлялся баричъ на службу, и записочки летали, и тихонько видались они — да, не наше дѣло, а барское!

Маша. Ну, что̀ твоя Графиня: и теперь-то она дитя, а этому ужь три года прошло.

Анютка. Батюшки! этакъ выдумала: дитя! Давно изъ пеленокъ вышла.... А прошлую зиму послушала-бы ты, что о ней по Москвѣ-то говорили: первая, видишь, красавица и щеголиха; лучше ея никто въ Благородномъ Собраніи плясать не умѣетъ.

Маша. А знаете-ли что: я такъ другое подозрѣваю. Нѣмка эта не колдунья-ли? Ну, какъ она приворотила къ себѣ барича какимъ

нибудь зельемъ, а на всѣхъ родныхъ его обморокъ накинула?

Пар. Не правда. Она такая добрая!

Маша. Смотри ты на этихъ добрыхъ! Вѣдь Княгиней-то быть велико дѣло! А сама разсуди: что въ этой Нѣмкѣ хорошаго? Такъ, всю-то красоту лавочнымъ аршиномъ смѣряешь — ни кожи, ни рожи! А голь-то какая! что за бѣльишко у нея! Три капота бѣлыхъ, то и дѣло въ стирку; а чепчиковъ-то всего полдюжины!

Анютка. Надарятъ, не бойся.

Пар. И ухватки-то у нея всѣ нашей братьи, лакейскія: слова гордаго не скажетъ, взгляда сердитаго не увидишь — ничего нѣтъ барскаго; сама одѣвается, сама голову чешетъ....

Анютка. Да, такъ тебѣ кажет-

ся, будто барскаго нѣтъ, а подика, спѣси въ ней не Миссъ Чортъ чета! Я таки живала съ барышнями. Бывало, къ самой спѣсивой, какъ разъ и въ фаворитки попадешь. А съ этой заводишь рѣчь — она молчитъ; продолжаешь — проговоритъ тебѣ: «Милая! мнѣ ничего не надобно — ты можешь идти» — и пойдешь, не солоно хлѣбавши....

Маша. Вѣдь и съ баричемъ она также обходится: не подлещивается, гордеянка, а какъ будто все приказывать ему хочетъ.

Анютка. Да, ужь не обвѣнчаны-ли они, чего добраго?

Маша. Куда тебѣ! Тогда съ старой барыней и не сладишь!

Пар. Но ты видишь, что старая барыня сама въ ней души не слышитъ.

Маша. А, право, дѣвки, дѣло чудное; я и не слыхивала объ этомъ; не знаешь, какъ къ этой Нѣмкѣ и подходить: не то барышня, не то служанка, не то жена барича — а ходятъ вмѣстѣ, сидятъ вмѣстѣ.

Степ. А вотъ этакъ, не замѣтила-ль ты, такъ сказать, чего нибудь....

Маша. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Вотъ ужь нѣтъ — нечего и грѣха принимать на душу — ей Богу! нѣтъ! ничего — какъ братъ съ сестрой— хоть и одни остаются, такъ на фортепіанахъ начнутъ играть, либо книги читать.... Ну! ручки не пожметъ ни разу!...

Пар. Ахъ! нелегкая васъ побери! заговорилась съ вами, да любимый барынинъ чепчикъ прожгла утюгомъ....

Всѣ. Ахъ! бѣда! ахъ! ахъ! ахъ!

IX.

« Давно не писала я къ тебѣ, милая Фанни, и вотъ ужь почти осень наступаетъ, а мое послѣднее письмо было писано, когда еще цвѣли розы. Милый другъ! прости меня — виновата, и хочу теперь такъ положить, чтобы писать къ тебѣ всякій день, а потомъ вдругъ отсылать, что у меня будетъ написано. Безъ этого, когда есть случай, ничего въ голову не приходитъ — ни пера, ни бумаги не сыщешь....

« Боже мой! у меня и нечего много разсказывать. Я писала къ тебѣ подробно о нашемъ прїѣздѣ въ Княжескую деревню, о Княгинѣ, о прелестномъ здѣшнемъ мѣстоположенїи. Какъ сказать: *прелестномъ?* Можетъ-ли быть названо такъ мѣсто,

гдѣ бѣдная природа брошена къ ногамъ роскоши и искуства; гдѣ лужку не позволяютъ быть зеленымъ, пока не усыпали его золотомъ, а цвѣточку цвѣсти, пока садовникъ не утвердитъ, что это цвѣтокъ рѣдкій, или модный? Здѣсь все размѣряно, разсчитано. Что кажется просто, то держится самымъ скрытнымъ искуствомъ. Обширные парки Княжескіе занимаютъ ежедневно множество народа; каждое дерево тамъ обдѣлано, осмотрѣно, и что сначала почтешь простымъ, очаровательнымъ, дикимъ лѣсомъ, то все обработано по самой ученой перспективѣ. Вотъ окрестности здѣшнія точно прелестны; виды въ нихъ превосходные. Но, знаешь-ли, милая, что̀ я теперь чувствую?

« Я писала къ тебѣ, какъ снача-

ла испугало меня великолѣпіе, богатство, знатность, какія встрѣтила я у Княгини. Но я скоро къ этому привыкла, узнала порядокъ здѣшней жизни, примѣнилась къ людямъ, и теперь ничего не пугаюсь. Надобно знать тебѣ, что каждый день я открываю въ милой Княгинѣ новыя достоинства. Она такъ добра, проста, откровенна, ласкова! Она подарила мнѣ такое множество всякой всячины, что я не знаю даже, куда мнѣ съ этимъ дѣваться. Не принять совѣстно, принять тоже. Князь старичекъ предобрый, и мы его мало и видимъ: только главное за обѣдомъ. Завтракъ по утру носятъ къ нему въ кабинетъ, а за чаемъ вечеромъ всегда составляется у него партія виста. Онъ, и еще трое старичковъ сосѣдей, а иногда нашъ Док-

торъ, каждый вечеръ сидятъ въ гостиной и играютъ; между тѣмъ, мы собираемся въ свое отдѣльное общество. Не воображай себѣ Княгиню и домъ ея, какъ мы всегда воображали знатныхъ людей, съ толпою гостей, съ множествомъ народа. Мимоѣздомъ, изрѣдка посѣщаютъ насъ, и Княгиня ѣздитъ иногда съ визитами. Но кромѣ того, что Князь и Княгиня не имѣютъ здѣсь много знакомыхъ, по болѣзни сына они совсѣмъ отказались отъ гостей. Думаю, что при гостяхъ, при выѣздахъ, при балахъ, я потерялась-бы, не знала, что мнѣ дѣлать. Но теперь совсѣмъ другое, и я совершенно обжилась у милой моей Княгини. И—вотъ что чувствую я теперь: какую-то тягость, какую-то пустоту въ великолѣпіи и богатствѣ! Меня удивляла прежде эта

пышность — теперь ни сколько не удивляетъ. Я не могла сначала пройдти мимо огромныхъ зеркалъ, какія вездѣ разставлены по заламъ, безъ того, чтобы не поглядѣться въ каждое. Теперь хожу мимо ихъ и не думаю взглянуть на себя. Сначала, я тихонько дотрогивалась бывало до малахита, бронзы, мрамора — такъ гладко, такъ хорошо погладить эти столы и вазы. Теперь все одно и тоже приглядѣлось мнѣ, и даже приходитъ иногда въ голову: для чего стоятъ тутъ какія нибудь пустыя мраморныя чаши и вазы, и можно-ли платить за нихъ тысячами, когда онѣ ни на что не надобны, кромѣ того, чтобы занять мѣста по угламъ и подлѣ стѣнъ? Картинъ у Князя такъ много, что часть ихъ отнесена въ кладовую. И не лучшія,

но по симметріи подобранныя, поставлены картины на стѣнахъ. Многія цѣнятся за одно то, что онѣ дороги. Въ гостиной находится большая картина: дикіе Американцы ѣдятъ плѣнника — такая гадкая сцена, и я не взяла-бы дорого смотрѣть на нее; но она дорого заплачена, писана какимъ-то славнымъ живописцемъ, и потому поставлена въ лучшемъ мѣстѣ. Не повѣришь, по какому размѣру и разсчету все дѣлается въ знатномъ домѣ. Тутъ нѣтъ мѣста уединенію, или свободѣ дѣлать что ты хочешь: на все часы, условіе, и сто человѣкъ только того и смотрятъ: чего ты желаешь? Здѣсь все безмолвно слушается и услуживаетъ—даже карпы въ пруду слушаются звона колокольчика—и, не повѣришь, какъ это скоро и силь-

но надоѣдаетъ. Здѣсь такъ всего много, что желать нечего, и скучно желать, потому что напередъ знаешь, что все тотчасъ исполнится, чего ты ни захочешь. Отъ этого, думаю, и добрая Княгиня моя смотритъ на все равнодушно, холодно, ничему не удивляется, ничему не радуется. Помнишь, когда, на выработанныя тихонько деньги, мы дѣлаемъ бывало другъ другу какой нибудь сюрпризъ? — Теперь я понимаю: не въ томъ радость, что подаришь, но въ томъ, что сколько прежде этого думаешь, придумываешь, заботишься, какъ-бы все это устроить и сдѣлать! А когда бывало дѣдушка найметъ карету, и мы отправимся въ Царицыно — какъ радовала насъ карета, какъ мы восхищались тѣмъ, что ѣдемъ въ каретѣ! Теперь, ми-

лый другъ, пять каретъ, и кабріолетка, и линейка — только захотѣть, и поѣдешь въ каретѣ или въ чемъ угодно, и — мнѣ ни однажды этого не захотѣлось, право не знаю почему. Не знаю еще, какимъ образомъ милая моя Княгиня узнала день именинъ моихъ, и подарила мнѣ богатый изумрудный фермуаръ. Но, вѣдь я не обрадовалась ему такъ, какъ радовалась той браслеткѣ, которую прошлаго года подарила мнѣ ты. Не думаешь-ли, что я не люблю Княгини? О, это невозможно — ея не льзя не любить; но для браслетки ты полгода копила деньги, а Княгиня взяла фермуаръ изъ ящика, гдѣ у нея лежитъ множество брилльянтовъ и всякой всячины; она подарила мнѣ его, какъ ничтожную бездѣлку — я знала, что онъ ничего не зна-

читъ для нея, и онъ потерялъ для меня всю свою цѣну. Дня три тому, мы зашли на Княжескую ферму. Тутъ я увидѣла дюжину превосходныхъ коровъ — Тирольскихъ, Англійскихъ — такія миленькія! И мнѣ тотчасъ пришло въ голову, видя, что Княгиня и не смотритъ на нихъ: «Ахъ! если-бы у бабушки моей была хоть одна такая коровка!» Я давала въ это время кусокъ хлѣбца прелестной Англійской коровѣ, бѣлой, какъ снѣгъ, и она такъ ласково лизала мою руку. Княгиня замѣтила, что я задумалась, и стала спрашивать, о чемъ я думаю? Я откровенно призналась ей. Chère enfant! сказала она, печально улыбнувшись, и поцѣловала меня. На другой день я узнала, что корову увели въ Москву, къ дѣдушкѣ. Это до слезъ растро-

гало меня. Я побѣжала къ Княгинѣ и цѣловала ея руки. Пожалуста, Фанни, поласкай мою коровку, когда приведутъ ее къ бабушкѣ, и напиши, радэ-ли была ей бабушка? Мы послѣ того цѣлыхъ полдня сидѣли и говорили съ Княгинею. Она жаловалась мнѣ на скуку жизни — я вѣрю ей: у ней всего много, и ей нечего желать....

« Разскажу тебѣ еще прогулку нашу, дней пять тому назадъ. Она оставила глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей. Сквозь Княжескую рощу, изъ окошекъ моей комнаты видна золотая глава . . . . ской пустыни. Давно хотѣлось мнѣ побывать въ этомъ монастырѣ. Я слышала, что тамъ поютъ монахи по старинному, и очень хорошо, а ты знаешь, что никогда прежде совсѣмъ не слыхивала я монастыр-

скаго пѣнія, и даже совсѣмъ не видала монастырей. Княгиня вздумала ѣхать, и взяла меня съ собою. Когда живетъ она лѣтомъ въ деревнѣ своей, то всегда говѣетъ, и духовникъ ея одинъ изъ монаховъ этого монастыря. Его всѣ считаютъ здѣсь за святаго человѣка. Наружность монастыря обыкновенная, и онъ походитъ на всѣ Московскіе монастыри: четыре каменныя стѣны, старинныя башни, на воротахъ написаны Святые. Мы молчали всю дорогу. Я думала, не сердита-ли на меня Княгиня; но подъѣзжая къ монастырю, она печально сказала мнѣ: «Здѣсь погребена мать моя.» — *Ея мать!* Я поняла причину ея грусти, мнѣ стало самой тяжко и грустно. Монастырь показался мнѣ послѣ того гробомъ живыхъ мертвецовъ, которые обе-

регаютъ могилы мертвыхъ. У воротъ мы вышли изъ кареты... Нѣтъ! жаль, что въ нашихъ Лютеранскихъ церквахъ нѣтъ образовъ! Ты не повѣришь, какое чувство произвело во мнѣ изображеніе на воротахъ двухъ смиренныхъ монаховъ, несущихъ крестъ, и надпись надъ ними: «*Отвергнись себя, возьми крестъ мой, и по мнѣ иди!*» Но въ тоже время неописанное наслажденіе произвело въ душѣ моей изображеніе Спасителя, надъ дверьми главной церкви, и надпись: «*Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ!*» Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святому мѣсту успокоенія, обѣщанному Спасителемъ. Когда мы вошли въ церковь, старинную, высокую, темную, невольное благоговѣніе объяло меня. Церковь была

почти пуста; народу было въ ней немного: крестьянки старухи, да еще нѣсколько богомольцевъ, пришедшихъ изъ Москвы; но служба совершалась въ церкви, какъ всегда; свѣчи зажжены были повсюду. О Фанни! мысль, что здѣсь, въ этой уединенной обители, люди, отрекшіеся отъ міра, забытые міромъ, молятся за Государя, за страждущихъ, плѣненныхъ, за цѣлый міръ, за счастіе его, за будущее небо для другихъ людей — и въ тоже время свѣтъ, и люди, и міръ шумятъ, бѣгутъ, ѣдутъ мимо ихъ, и не мыслятъ о молитвѣ ихъ — и нѣтъ никакой награды въ мірѣ этимъ инокамъ, кромѣ мысли о темномъ гробѣ, о свѣтлой жизни за гробомъ... Фанни! я невольно стала на колѣни и молилась усердно! Только молитва бѣдныхъ посе-

лянъ и смиренныхъ богомольцевъ, пришедшихъ издалека, сюда, въ забытую эту обитель, сливалась съ моею молитвою. «*Господи! успокой его тамъ, гдѣ успокоены праведные!*» шептала за мною какая-то старушка, босая, съ котомкою за плечами, съ изношеннымъ платкомъ на головѣ — она молилась со слезами, въ землю. Я спросила у другой старушки: о чемъ плачетъ ея подруга? «У нея умеръ сынъ, барышня, и она для утѣшенія пришла сюда, потому, что съ печали совсѣмъ лишилась хлѣба, и только въ богомольѣ находитъ еще отраду.» Бѣдная мать ничего не замѣчала; молилась и плакала. Я готова была обнять ее и также плакала. Всѣ несчастные казались мнѣ друзьями моими. И такъ, только въ горести, въ скорби — ду-

мала я—мы вспоминаемъ объ этихъ святыхъ монастыряхъ, приходимъ сюда плакать и молиться! И звонъ колокола, который столько разъ слыхала я равнодушно, утромъ и вечеромъ, каждый разъ говорилъ мнѣ: «*Бѣдствующіе! утѣшьтесь! есть мѣсто, гдѣ вы можете плакать; и люди не помѣшаютъ вамъ, и самъ Спаситель сойдетъ святымъ утѣшеніемъ въ душу страдальца!*»

«Между тѣмъ съ любопытствомъ смотрѣла я на монаховъ, на ихъ длинныя, черныя рясы: мнѣ казалось, что я вижу тѣни людей, уже умершихъ, и только молитва, мрачная, грустная, печальная молитва являлась мнѣ въ образѣ этихъ черныхъ иноковъ, возносимая изъ глубины гроба, гдѣ погребены они. «Зачѣмъ-же молитва Тому, Кто столь милосердъ, должна быть

мрачна и печальна?» думала я, смотря на черныя рясы и важныя, угрюмыя лица монаховъ. Я вслушивалась въ пѣніе, и оно удивляло меня какою-то важностью, дышало чѣмъ-то гробовымъ, страшнымъ, заставлявшимъ содрогаться. Вдругъ всѣ монахи сошлись на средину церкви, и громкій хоръ ихъ раздался повсюду. Я не знаю словъ того, что они пѣли, но этотъ хоръ поразилъ меня какою-то патріархальною простотою: мнѣ казалось, что я живу еще въ первыя времена Христіанства, когда еще не много стекалось народа въ храмы, и всѣ страшились, что посланные тирана набѣгутъ на храмъ, сокрытый въ какой нибудь пустынѣ, и смерть ждетъ Христіанъ въ усердной молитвѣ ихъ...

«Но хоръ умолкъ, и вдругъ три

тихіе голоса запѣли—о Фанни! И теперь слезы на глазахъ моихъ, едва вспомню я, какъ пѣли они! Я достала себѣ слова и ноты этой церковной пѣсни: это та самая пѣснь, которую пѣлъ святой старецъ Симеонъ, когда увидѣлъ Христа, принесеннаго во храмъ Іерусалимскій. Ты помнишь эту великую повѣсть? Симеону было обѣщано, что онъ не умретъ, пока не увидитъ Спасителя міра. И вотъ, ждалъ Симеонъ, долго ждалъ, состарѣлся, одряхлѣлъ—нѣтъ Обѣтованнаго! Напрасно приходилъ онъ ежедневно во храмъ, смотрѣлъ, тосковалъ душею и сердцемъ—нѣтъ Его! Уже ноги Симеона едва двигались, глаза едва смотрѣли — а смерть не приходила къ нему! Онъ идетъ во храмъ

еще разъ, и — передъ нимъ Божественный Младенецъ, на рукахъ Пресвятой Дѣвы — и мысль, что онъ видитъ отъ вѣковъ обѣщанное спасеніе міра и людей, и сладкая дума, что онъ видитъ вѣстника освобожденія своего изъ тюрьмы здѣшняго міра, и что насталъ для него часъ праведной кончины и для міра часъ вѣчнаго спасенія.... все это излилось изъ глазъ его горячими слезами. И старецъ Симеонъ бросилъ въ сторону свой костыль, принялъ на руки Божественнаго Младенца, и вдохновенно запѣлъ: «*Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко! по глаголу твоему, съ миромъ!*»... Эту самую пѣснь пѣли иноки обители. Не могу писать къ тебѣ болѣе—дай мнѣ поплакать немного!...»

X.

— Не прикажете-ли, Ваше Сіятельство, поднять штору? — униженно спросила у Княгини служанка, горничная Княгини, если угодно. Впрочемъ, въ цѣломъ домѣ звали эту служанку Аграфена Михайловна; Дворецкій всегда ласково кланялся ей, и *Миссъ Шортъ*, или, какъ называли Ключницу-Англичанку слуги и служанки: *Миссъ Чортъ*, всегда звала ее къ себѣ завтракать. Аграфена Михайловна рѣдко отказывалась отъ этого: она очень любила *бріошки*, какія Миссъ Чортъ готовила для своего завтрака.

Княгиня сидѣла на низенькомъ табуретѣ, подлѣ круглаго столика, и, казалось, со вниманіемъ смотрѣла въ письмо, которое только что было прочитано, и лежало

передъ нею на столикѣ. Глаза Княгини не могли оторваться отъ слѣдующихъ словъ письма — мы переведемъ ихъ для нашихъ читателей. Письмо писано было по-Французски, разумѣется.

« Словомъ, милый другъ, прости эгоизму, съ какимъ читала я твое извѣстіе о надежномъ выздоровленіи твоего Поля. Ты опять возвратишься въ Петербургъ; опять, счастливая мать, ты увидишь милаго сына своего на блестящемъ пути, какой открываютъ ему его родъ, дарованія и образованіе. Но мы радуемся всего болѣе за себя, милый другъ: безъ тебя мы сиротѣемъ; нѣгдѣ души отвести, и если-бы не нашъ Баронъ Б. Б. завелъ дни, я не знала-бы куда дѣваться съ днями, прежде тебѣ посвящаемыми. Ты полюбишь его Ба-

ронессу; въ этомъ я увѣрена. Кстати, милый другъ, неужели ты не знаешь, что въ сосѣдствѣ твоемъ опять живетъ нынѣшнее лѣто сестра Баронессы, Графиня N. N.?— Кажется, вы бывали нѣкогда довольно знакомы, когда еще Графиня не ѣздила въ Италію. Баронесса сказываетъ, что малютка Графини, эта Лауренсова головка, *Моина*, сдѣлалась прелестна, и исполнена дарованій; что вся Москва была восхищена ею въ прошедшую зиму. Мнѣ невольно пришелъ въ голову твой Поль. Если-бы слабость здоровья не позволила ему служить, Моина твоя сосѣдка. Не смотря на разстроенное состояніе матери....»

Княгиня задумалась, и оборотила голову къ окну. Аграфена Михайловна съ величайшимъ вниманi-

емъ смотрѣла въ это время въ окно.

— Что ты видишь тамъ такого любопытнаго, Груня? — невнимательно спросила у нея Княгиня.

« Ахъ! Ваше Сіятельство! извините.... я засмотрѣлась....

— Что тамъ такое? — Княгиня встала и подошла къ окну, изъ котораго видна была часть сада. На прелестномъ садовомъ лужку, молодой Князь и Эмма играли въ *серсо*, и весело бѣгали по саду.

Княгиня молчала и внимательно смотрѣла. Игра кончилась. Эмма бросила свою рапиру; Князь побѣжалъ къ дерновой скамейкѣ, гдѣ лежали зонтикъ Эммы и платокъ; онъ подалъ ихъ и потомъ взялъ Эмму подъ руку. Онъ и Эмма пошли послѣ того по садовой дорожкѣ.

— Прекрасная парочка!... прошептала Аграфена Михайловна, какъ будто забывшись.

«Что ты говоришь?» быстро спросила Княгиня, оборотясь къ ней.

— Ахъ! Ваше Сіятельство! извините....

«Что говоришь ты?» Взоръ Княгини сдѣлался мраченъ.

— Ваше Сіятельство! я осмѣлилась сказать: *прекрасная парочка.*

«Кто-же эта парочка?

Аграфена Михайловна обратила взоры, молча, на Князя и Эмму. Бѣлое платье Эммы еще мелькало вдали, между деревьями.

— Ты знаешь, Аграфена, что я терпѣть не могу, если ты позволяешь себѣ болтать всякій вздоръ.

«Я полагала, что на это есть

воля Вашего Сіятельства, и не смѣла-бы подумать ничего противнаго волѣ вашей.

— Ты дерзкая болтунья.

« Не я, Ваше Сіятельство: это общій слухъ. Въ домѣ Графини N. N. недавно говорили объ этомъ. » — Княгиня молчала. « Дѣдушка Эммы совсѣмъ этого не скрываетъ отъ своихъ знакомыхъ. »

— Кто сказывалъ тебѣ, что въ домѣ Графини говорили объ этомъ?

« Лука Лукичъ, возвратясь отъ Графини домой, говорилъ это своей супругѣ, а она спрашивала у меня, встрѣтившись со мною въ церкви.

— И неужели старикъ Нѣмецъ осмѣлился сказать что нибудь подобное?

« Ваше Сіятельство! я не знала, что это тайна,

— Поди вонъ, и не смѣй показываться мнѣ на глаза!

Аграфена Михайловна сдѣлала печальную рожу, и безмолвно пошла изъ комнаты, думая: гдѣ гнѣвъ, тушъ и милость. Но ея насмѣшливая улыбка могла-бы показать, что ядовитая стрѣла пущена была не безъ намѣренія, не пролетѣла мимо, и попала по своему назначенію.

«Объ этомъ ужь *говорятъ;* и у Графини N. N.; и я сдѣлалась басней слугъ и сосѣдей; и этотъ дерзкій Нѣмецъ осмѣлился думать, и говорить....» Княгиня такъ сильно толкнула пьедесталъ съ мраморнымъ Амуромъ, что бѣдный богъ Любви полетѣлъ съ него и отшибъ себѣ оба крыла. Княгиня такъ задумалась, что совсѣмъ не замѣтила паденія Амура....

« Въ самомъ дѣлѣ — какое несчастное стеченіе обстоятельствъ! Кто не подумаетъ?» — проговорила она въ полголоса.

О! какъ много дѣйствуетъ одно слово, одинъ намекъ! какъ правы были наши старики, говоря: Слово не дубина, а убиваетъ сильнѣе обуха!

Только теперь все вдругъ освѣтилось въ глазахъ Княгини, и устроилось въ какой-то особенный порядокъ идей, изъ которыхъ мы перескажемъ только немногія:

— Она моя невѣстка — жена моего Поля — дерзкая дѣвчонка! Неужели ты думала? — И этимъ все должно кончиться для меня! — Какая глупость съ моей стороны, какое безразсудство!

Неужели совѣсть не сказала въ это время Княгинѣ: « А отчаян-

ное положеніе твоего сына? А то мгновеніе, когда ты плакала при одрѣ его и говорила врачу: «Спасите его, спасите, чего-бы то ни стоило!»

Нѣтъ! Совѣсть ничего подобнаго ей не сказала.

Не ясно, неопредѣленно думала теперь Княгиня: «Дерзость этихъ Нѣмцевъ—лекарка эта моя дочь!...» Да, сынъ Княгини былъ уже здоровъ, и чего-же еще болѣе? Какая была надобность, если это непостижимое таинство природы, совершившееся надъ сыномъ Княгини, должно было кончиться, можетъ быть, нѣжнымъ чувствомъ любви! если земному надобно было перейдти въ небесное! какая надобность, что на свѣтлой душѣ Эммы взоръ Княгини до сихъ поръ не открылъ еще ни одного пятнышка! какая

надобность, если судьба уже благословила два сердца на всю вѣчность быть однимъ сердцемъ, и разрывая ихъ, надобно было растерзать ихъ, облить кровью, и, можетъ быть, окровавленными руками положить во гробъ — и юношу, спасеннаго Эммою, и дѣвушку эту, спасительницу юноши.... Зачѣмъ-же не догадалась глупая судьба пустить его въ міръ какимъ нибудь Нѣмцемъ учителемъ, подъ пару Нѣмкѣ, дочери небогатаго чиновника? А теперь — онъ *Князь*, а она *мѣщанка*, и судьбѣ вздумалось шалить такъ неосторожно сіятельными родословными?...

Но, что̀-бы ни думала Княгиня, она спокойно, не измѣняя ничего прежняго, встрѣтила Эмму и сына своего, когда они воротились съ прогулки.

И какъ несправедлива была Княгиня къ бѣдной Эммѣ! Прочтемъ письмо, посланное Эммою къ Фанни, черезъ нѣсколько дней послѣ того.

XI.

«Ты спрашиваешь меня, милый другъ, почему ни однажды не упоминала я тебѣ о молодомъ Князѣ; ты говоришь мнѣ, что заочно видишь, какъ я буду краснѣть, читая твое письмо. Ошибаешься, Фанни: я читала письмо твое и не краснѣла. Ты шутишь надъ отысканнымъ идеаломъ — несправедливая Фанни! Нарочно хочу написать тебѣ мою полную исповѣдь, и если-бы не грѣшно было божиться, я напередъ побожилась-бы тебѣ, что говорю сущую правду.

«Всегда бранивала ты меня за

мои странныя мечты, за мои несбыточныя понятія о томъ, что люди называютъ *любовью*. Виновата-ли я, милый другъ, что иначе не могла думать? Не знаю, какъ и отъ чего составляются въ душѣ нашей понятія; но не такого мужчину, не такою любовью могла любить я, какихъ мужчинъ знавала я на свѣтѣ, и какою любовью любила ты, Фанни, и другія подруги.

«Молодой Князь С*** также совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго ждала мечта моя — нѣтъ! Онъ не тотъ! Сказать-ли тебѣ, Фанни? Сначала мнѣ самой казалось, что этотъ бѣдный страдалецъ въ самомъ дѣлѣ приведенъ къ сердцу моему изъ милльоновъ людей, чтобы молитва моя и непонятное дѣйствіе, которымъ могу я возвратить ему разумъ, исцѣлили его,

и чтобы послѣ того онъ на вѣкъ отдалъ мнѣ свое сердце, на вѣкъ взялъ мое. Никогда подобное чувство не могло-бы запасть въ душу мою, если-бы я встрѣтила Князя въ обществѣ, въ блестящемъ свѣтскомъ кругу, съ его отличіями по роду и званію; но ты знаешь, какъ странно мы встрѣтились—я могла думать, могла мечтать о родной душѣ моей... Фанни! мысль эта мелькнула въ душѣ моей, когда не *Князь,* но какой-то несчастный молодой человѣкъ встрѣтился со мною. И при всемъ томъ, только мелькнула у меня эта мысль, Фанни, и, увѣряю тебя, тотчасъ исчезла невозвратно. До сихъ поръ, я вовсе не знаю, отъ чего именно надобна была моя воля для исцѣленія Князя. Но я поняла это леченіе такъ, что мнѣ должно было желать ему исцѣ-

ленія, желать всѣмъ сердцемъ и молить о томъ Бога. Фанни! я желала этого всѣмъ сердцемъ, я молилась — ничего болѣе не дѣлала я, но въ этомъ соединялось все мое бытіе, всѣ мои мысли. Только это заняло всю мою душу; съ этимъ поѣхала я въ деревню Княжескую; объ этомъ только крѣпко и постоянно думаю донынѣ. Недавно прибавилось къ этому еще наслажденіе: видѣть, что предвѣщаніе Доктора исполняется, и молодой Князь получаетъ постепенно умъ, здоровье и молодость, и всѣмъ этимъ онъ мнѣ обязанъ....

« Припадковъ безумія у него вовсе не стало съ самаго пріѣзда нашего въ деревню. На другой день по пріѣздѣ, онъ явился уже одѣтый настоящимъ образомъ, только блѣдный, молчаливый, угрюмый.

Такъ прошло нѣсколько дней. Онъ безпрестанно находился съ нами, но всегда молчалъ и сидѣлъ потупивъ глаза. По приказанію Доктора, онъ долженъ былъ каждый день съ нимъ прогуливаться. Странно, что всегда почти надобно было мнѣ пристально поглядѣть на него, чтобы онъ послушался. Однажды, мы остались съ нимъ одни. Я ласково взглянула на него, улыбнулась — онъ также улыбнулся, и угрюмость его пропала. Ахъ! какъ это обрадовало меня, обрадовало самою чистою, святою радостью! На другой день Докторъ велѣлъ мнѣ идти гулять съ нимъ, взявъ его подъ руку. Князь задрожалъ, когда я протянула къ нему свою руку, протеръ себѣ глаза, но не могъ не послушаться. Мы гуляли съ нимъ долго и молча. Въ другой

разъ, прогуливаясь, я начала съ нимъ говорить, и онъ охотно началъ говорить со мною. Но еще долго послѣ того не говорилъ онъ ни съ кѣмъ, кромѣ меня. Мнѣ удивительно было, что со мной разговаривать какъ будто кто нибудь ему приказывалъ. Еще удивительнѣе казалось, что онъ походилъ въ это время на ребенка, долженъ былъ прiискивать слова, съ видимымъ усилiемъ мыслить; иногда онъ отвѣчалъ совсѣмъ не то, о чемъ его спрашивали, казался опомнившимся послѣ того, думалъ, и отвѣчалъ складно. Вообрази себѣ, милый другъ, статую, которая постепенно оживляется: таковъ былъ этотъ бѣдный Князь. Онъ очень не дуренъ собою теперь, когда изглаживаются въ немъ всѣ слѣды его ужасной болѣзни; дикость глазъ

его пропала, и онъ всегда теперь одѣтъ прекрасно. По всему видно, что онъ получилъ отличное воспитаніе. Сумасшествіе уничтожило въ немъ все это; только я думаю, въ душѣ его оставались какіе нибудь слѣды прежняго: ему стоитъ напоминать теперь, и иногда легко, иногда съ трудомъ, онъ тотчасъ вспомнитъ и начнетъ дѣлать то, что дѣлывалъ прежде. Такъ я узнала, что онъ превосходно рисовалъ, и вотъ однажды велѣла ему сѣсть подлѣ себя, взяла карандашъ, и начала рисовать цвѣтокъ. Онъ смотрѣлъ внимательно. Кончивъ мой рисунокъ, я подала карандашъ ему, и сказала: «Нарисуйте и вы.» Онъ казался изумленнымъ; по обыкновенію, протеръ себѣ глаза; я пристально смотрѣла на него; онъ взялъ карандашъ; долго вер-

тѣлъ его въ рукахъ. У меня на груди было приколото нѣсколько цвѣточковъ, сорванныхъ во время нашей прогулки. Я бросила ихъ на столъ, и сказала: «Срисуйте ихъ.» И онъ началъ рисовать ихъ, и срисовалъ прелестно подлѣ моего цвѣточка; но работа казалась ему трудною: онъ думалъ, счищалъ написанное, опять рисовалъ. Наконецъ съ улыбкой посмотрѣлъ онъ на меня, и обвелъ гирляндой мой цвѣточекъ и нарисованные имъ. Точно такъ стали мы съ нимъ играть на фортепіано въ четыре руки, и теперь играемъ всякій день. День ото дня показываетъ онъ болѣе и болѣе и природный умъ свой, и прежнее превосходное свое образованіе. Онъ уже говоритъ свободно со всѣми; только все еще робокъ, застѣнчивъ кажется онъ, хотя прежде, сказываютъ, бывалъ отмѣн-

но ловокъ и разговорчивъ. Душа его также должна быть прекрасна. Вчера мы стояли съ нимъ подлѣ окна. На небѣ была великолѣпная радуга: она перегибалась по всему небу, казалась великолѣпнымъ сводомъ небеснымъ, и заходящее солнце измѣняло и переливало безпрерывно цвѣта ея. « Какая прелесть! » сказала я. — Oui — отвѣчалъ онъ, и задумчиво прибавилъ, смотря на радугу — Voyez avec quelle brillante variété il change ses couleurs; mais quelque changement qu'on aperçoive dans ses teintes, n'est ce pas toujours le signe consolateur de l'amour céleste? — У меня невольно навернулись слезы, когда слушая эти слова его, я вообразила ужасное его состояніе за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ первый разъ, самъ взялъ онъ тогда

мою руку, и уныло смотря на меня, сказалъ: Notre vie ici bas — rien que misère—un souffle et nous ne sommes plus; mais tout ce qui nous attriste et nous accable n'est fait que pour nous rapprocher de l'amour du Père céleste....

«Фанни! согласись, что только прекрасная, чистая душа могла внушить ему сіи слова. Но, милый другъ! никогда въ душѣ моей не замѣнитъ Князь того, о чемъ мечтала я съ тобою нѣкогда. Теперь мнѣ, право, нѣтъ времени ни о чемъ думать, но въ Князѣ я вижу не тотъ прелестный образъ, взоръ котораго заставилъ-бы меня потупить глаза, заставилъ сердце мое биться сильнѣе обыкновеннаго. Еслибы можно было (надобно было, хотѣла я сказать), то я назвалабы чувство мое къ нему какою-то

родственною привязанностью—буду откровенною: чѣмъ-то больше дружбы, меньше любви. Признаюсь тебѣ, что видѣть его, говорить съ нимъ, изъяснять ему разныя понятія, сдѣлалось для меня даже привычкою. Мнѣ будетъ, можетъ быть, грустно разстаться съ нимъ, но мнѣ не менѣе грустно разстаться и съ Княгинею. Я такая animal d'habitude, такъ привыкла къ нимъ, даже къ нашему чудаку Доктору. Но какая-же это любовь, Фанни? Похожи-ли мои чувства на чувства Теклы? — Ты вѣдь читала и помнишь *Валленштейна.* — Я совсѣмъ не замѣчаю въ себѣ ни тайной грусти, ни унынія. Мы такъ весело играемъ, бѣгаемъ съ Княземъ, и мнѣ всего болѣе удовольствія приноситъ то, что милая моя Княгиня радуется, смотря на насъ.

Меня любятъ здѣсь всѣ, даже старая управительница Англичанка, ужасная воркунья на другихъ. Но не думаешь-ли ты, Фанни, чтобы все это замѣняло мнѣ васъ — тебя, милая, и бабушку и дѣдушку? Ахъ! нѣтъ — никто и никогда не замѣнитъ васъ въ моемъ сердцѣ! Одного взгляда на великолѣпіе и холодныя условія приличій здѣшнихъ достаточно напомнить мнѣ, что не здѣсь мое счастіе, не здѣсь назначеніе моей жизни... Я и забыла сказать тебѣ, что мы еще не скоро съ тобою увидимся. Княгиня остается въ своей деревнѣ на всю зиму, и она упросила дѣдушку оставить меня съ нею. Повѣришь-ли, что это сначала опечалило меня, когда я объ этомъ узнала? Можешь судить послѣ сего: справедливо-ли

все то, что я писала тебѣ о Князѣ? Говорятъ, что въ деревнѣ глубокою осенью бываетъ скучно, а зимою совсѣмъ несносно. Мнѣ кажется, напротивъ, должно быть весело. Отъ чего будутъ печалить насъ желтые листья, падающіе съ деревьевъ, если мы знаемъ, что за осенью слѣдуетъ новая весна, съ новыми зелеными листьями? Грустно, если-бы этого не было. Но человѣкъ? Гдѣ у него новая весна послѣ его осени? Гдѣ? — А жизнь за гробомъ, милый другъ! Помнишь-ли послѣднія слова бѣднаго Пальмера: There is another and a better world (есть другой міръ, лучше нашего)? . . .

XII.

Княгиня. И такъ, любезный Г-нъ Докторъ, вы можете теперь ру-

чаться за рѣшительное выздоровленіе моего сына ?

Докторъ. Сколько умъ человѣческій можетъ предвидѣть, онъ внѣ всякой опасности. Дайте пройдти зимѣ, и весной мы приступимъ къ гимнастическимъ сильнымъ упражненіямъ, станемъ пить кумысъ, и къ будущей зимѣ сынъ вашъ сдѣлается здоровѣе меня, потому, что сильный ревматизмъ мой съ нѣкотораго времени даетъ мнѣ чувствовать жестокость здѣшняго климата, и я....

Княгиня *(перебивая рѣчь его)*. Я хотѣла посовѣтоваться съ вами о томъ: не надобно-ли теперь испытать какого нибудь свѣтскаго разсѣянія.

Докторъ. Нѣтъ! это еще не возможно. Ваши ночные выѣзды, театры, балы, городская жизнь во-

обще, могутъ разстроить снова его здоровье. Еще годъ уединенія, Княгиня; поскучайте въ деревнѣ еще одно лѣто.

Княгиня. Боже мой! вы не поняли меня! Могу-ли скучать въ какой-бы то ни было глуши, если это необходимо для здоровья моего Поля? Нѣтъ! я думала такъ: нельзя-ли у насъ въ деревнѣ завести небольшіе вечера. Нѣсколько добрыхъ пріятелей и родныхъ рады пріѣзжать къ намъ изъ Москвы, и собранія наши будутъ безъ шума, безъ блеска....

Докторъ. Да, такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это испытать не худо; это можетъ послужить къ разсѣянію вашего сына, и только это, можетъ быть, рѣшительно прогонитъ его задумчивость, его какую-то грусть и странную

робость. Я забылъ, что у свѣтскихъ людей разсѣяніе бываетъ стихіею, безъ которой они жить не могутъ и задыхаются, какъ рыба безъ воды. Вы правы, Княгиня: немного болѣе движенія въ жизни вашей не худо.

И черезъ недѣлю, въ день какихъ-то именинъ, или чьего-то рожденія, великолѣпно освѣщены были комнаты въ деревенскомъ дворцѣ Князя С***. Множество гостей съѣхалось изъ Москвы наканунѣ и съ утра.

XIII.

(Письмо, котораго Эмма не отправила къ Фанни. Оно было писано въ ночь послѣ Княжескаго вечера).

« Фанни, милый другъ! гдѣ ты? Приди ко мнѣ, спаси свою Эмму!

Она несчастлива, она гибнетъ, и ужасъ обнимаетъ ее, когда она подумаетъ о будущемъ!

«Я не обманывала тебя, Фанни, когда писала къ тебѣ прежде, что никакого чувства любви не ощущала я къ Полю — у меня уже нѣтъ силъ назвать его *Княземъ* — нѣтъ! я не обманывала тебя: я сама этого не знала! Теперь — стыжусь сказать тебѣ—теперь вижу, знаю, чувствую, что я люблю его, люблю такъ, что не смотря на терзаніе, какое причиняютъ мнѣ эти слова — сто разъ сряду готова я написать: *Люблю Поля!* И мнѣ надобно было узнать эту страшную истину вмѣстѣ съ ужасающею увѣренностью, что несчастное чувство мое есть безнадежное безуміе, узнать эту истину вмѣстѣ съ терзательнымъ чувствомъ ревности и

отчаянія. Все это совершилось для меня въ одинъ день — и въ одинъ день передо мной раскрылась пропасть будущности, на краю которой столь безпечно стояла я; вдругъ исчезло мое заблужденіе, пропала тишина души, простота сердца, и всѣ мученія любви я испытала въ одинъ день.... И неужели такъ должно быть всю жизнь мою — *всю жизнь?* А если жизнь моя продолжится, и вся станетъ походить на этотъ несчастный день.... грѣшно-ли молить о смерти? Неужели грѣшно? Но, великій Боже! я-ли искала Поля? я-ли увлеклась въ эту бездну несчастной страсти? Какая-же невидимая рука злаго демона увлекла меня?... Я не могу плакать, Фанни; глаза мои горятъ, въ груди жжетъ; все вокругъ меня тихо и безмолвно, а

мнѣ чудится что-то похожее на похоронный звонъ. Не сказать тебѣ всего — я не могу: меня задушитъ! Но въ силахъ-ли буду я разсказать тебѣ все? Осмѣлюсь-ли послать къ тебѣ этотъ листокъ? Зачѣмъ нѣтъ тебя здѣсь: я все сказала-бы тебѣ, и убѣжала-бы съ тобою отсюда! — но въ силахъ-ли я бѣжать отсюда?

«Дня три тому, Княгиня извѣстила меня, что у нихъ будутъ гости. Есть предчувствія: я этому вѣрю теперь — мнѣ показалось страшно это извѣстіе; я чувствовала, какъ вся кровь отхлынула у меня отъ сердца и ударила въ голову; мнѣ невольно пришли на память — непонятное впечатлѣніе, останавливавшее меня, когда я садилась въ первый разъ

въ карету съ Княгинею — мой ужасный сонъ, наканунѣ перваго свиданія съ нею — моя робость, когда я вошла въ домъ Княжескій. «Гости, съѣздъ, знатные—а ты, что будешь между ними?» Но Поль вошелъ въ это время въ комнату. Княгиня сказала ему о будущемъ праздникѣ. Казалось, что и ему это не понравилось. «Онъ одинаково думаетъ со мною!» едва не проговорила я вслухъ. Поль предложилъ мнѣ играть на фортепіано. Музыка разсѣяла грусть мою, и въ первый разъ подумала я тогда: «На что *намъ* другіе люди, *мнѣ* и *ему?* Не мнѣ-ли было суждено возвратить ему прелесть бытія? Могли-ль сдѣлать это другіе? Онъ *мой:* я пересоздала его — онъ мое созданіе. Зачѣмъ хотятъ стать между нами другіе люди? Гдѣ были

они, когда, забытый всѣми, Поль былъ страшный безумецъ, и скрежеталъ зубами при одномъ взглядѣ на человѣка?» — Мы разыгрывали *Олимпіаду* Чимарозы, и именно ту арію Мегакла, гдѣ поетъ онъ:

Addio mia vita; addio
Mia perduta speranza. Il ciel ti renda
Più felice di me.... (*).

«Я не могла продолжать: мнѣ показалось, что я предсказываю свою собственную участь.

«Сегодня съ самаго утра начали съѣзжаться гости. Простое, *дружеское* собраніе Княгини состояло человѣкъ изъ ста, дамъ и мужчинъ: у знатныхъ такъ много *друзей*...

(*) Прости жизнь; простите мои погибшія надежды! Будь счастливѣе меня....

Меня оглушили громкими именами, Превосходительствами, Сіятельствами. Щегольскіе наряды, какой-то особенный языкъ общества, условный, непонятный для меня, взгляды гостей на меня, бѣдную Эмму, явно отличавшуюся отъ всѣхъ —одну не Сіятельную, не Превосходительную, не ловкую, робкую — о! какъ все это унизило меня въ собственныхъ моихъ глазахъ! Я страшилась: не знаютъ-ли эти люди всѣхъ чудныхъ событій между Полемъ и мною. Меня приняли-бы тогда за магнетизёрку, за шарлатанку. Ахъ! какъ я терзалась! И какъ обрадовалась я, замѣтивъ, что Княгиня выдавала меня просто за бѣдную дѣвушку, компаньонку, и я не видала никакого признака удивленія, зѣванья на меня. Впрочемъ, удивленіе можемъ дать замѣтить

только мы, bourgeois, а знатные всегда стыдятся и не показывают удивленія. Я была забыта въ этой толпѣ народа. Мимоходомъ, молодыя дѣвушки говорили со мною этимъ милостивымъ, покровительнымъ тономъ, которому научаются онѣ отъ пеленокъ. Увы! тутъ всѣ были *свои*, *равные* — кромѣ бѣдной Эммы! Въ первый разъ увидѣла я и добрую мою Княгиню совсѣмъ иначе, какъ никогда еще не видывала: она иначе была одѣта, иначе говорила. И Поль явился тутъ въ первый разъ настоящимъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, щегольски одѣтый. Я изумлялась, не узнавала его — и не я была причиною этой перемѣны: *она* была тутъ, *она* — и что-же? Могу-ли я жаловаться на Поля? Она такъ прекрасна, она была всѣхъ лучше! Эммѣ-ли спорить

съ нею, когда эта красавица давно обладаетъ его сердцемъ....

« Кто-же *она?* — Ласковѣе всѣхъ встрѣтила Княгиня семейство Графини N. N. — Я слыхала объ этихъ сосѣдяхъ, но я не знала, что у Графини есть дочь. Не знаю какъ зовутъ ее по-Русски, но всѣ называютъ ее *Моиною.* И очаровательно хороша Моина, милый другъ! Стройна, прелестна, рѣзва, весела, говорлива. Поль разговаривалъ съ какимъ-то мужчиною, когда вошла Моина съ матерью. Онъ взглянулъ на нее, казался обрадованнымъ. Ахъ! какъ хорошъ сдѣлался онъ въ это время, какъ заблистали его глаза, какой румянецъ опалилъ его щеки. « Моина! вы-ли это? » говорилъ онъ, съ восторгомъ встрѣчая молодую Графиню. Такъ вотъ каковъ можетъ быть

Поль, когда любовь одушевляетъ его? И въ первый разъ — не зависть — но ревность закипѣла въ груди моей.... Еще не понимала я чувства своего: голова у меня кружилась, въ глазахъ было темно; я думала, что мнѣ просто нездоровится, поспѣшила выйдти въ другую комнату, и здѣсь все было для меня разгадано. Сердце не ошибается: пусть цѣлый міръ разувѣряетъ его — оно вѣритъ, пусть никто ничего не видитъ и всѣ вѣрятъ: его не обманешь — оно не вѣритъ. Въ другой комнатѣ сѣла я на стулъ, и едва могла отдохнуть. «Вы что-то блѣдны, сударыня?» сказала мнѣ горничная Княгини, любимица ея, Аграфена. Не знаю почему, я не могу любить этой женщины. Мнѣ все кажется, что ея сѣрые, змѣиные глаза пока-

зывають злое сердце, хотя всѣ говорять, что она очень добрая женщина. Мнѣ всегда казалось, что и она терпѣть меня не можетъ — не знаю за что. «Ничего» — отвѣчала я Аграфенѣ. Тутъ она искривила свой ротъ, и съ усмѣшкою начала мнѣ говорить: «Видѣли-ль вы Ея Сіятельство, Графиню N. N.?» — Я молчала. «Посмотрите-ка на нее, сударыня, какова красавица, и что за пребогатая, что за превоспитанная! Кажется, она со временемъ не будетъ у насъ чужою, и видно ей быть суженою нашего молодаго Князя. Онъ уже давно любитъ ее; почти вмѣстѣ росли онъ и она, и стоятъ одинъ другаго.» — У меня достало силъ уйдти отъ злой болтуньи, и дотащиться до своей комнаты; но здѣсь силы меня оставили — я упа-

ла въ обморокъ.... Первая мысль, когда меня привела въ чувство дѣвушка, ко мнѣ приставленная, была: «Несчастная! ты *любишь* его!» Я увидѣла это, увидѣла ясно, и первая мысль о любви моей слилась съ горькимъ отчаяніемъ.

«И мнѣ надобно было опять идти въ это блестящее, шумное общество; цѣлый день быть въ немъ; видѣть, что Поль забылъ самого себя и всѣхъ для Моины. И она глядѣла только на него, говорила только съ нимъ.... Мнѣ пришло въ мысль, что мой взоръ, моя воля имѣютъ непреодолимую силу надъ Полемъ; но очарованіе пропало: онъ не смотрѣлъ на меня болѣе, не обращалъ на меня никакого вниманія, ни разу не заговорилъ со мною: Эмма уже не существовала для него болѣе....

« Не знаю, какъ могла я прожить весь этотъ безконечный, ужасный день. Вечеромъ начались танцы — всѣ были веселы, шалили, смѣялись. Поль танцовалъ только съ Моиною. Она танцуетъ прелестно. Княгиня принуждена была наконецъ запретить Полю танцовать. И Моина тотчасъ отказалась отъ танцевъ; они сидѣли послѣ того вмѣстѣ и безпрестанно говорили, смѣялись. Чего не успѣли они переговорить въ это время....

« Мнѣ показалось, что и въ доброй Княгинѣ произошла какая-то перемѣна; что она холодно простилась со мною; что ея взоръ изъявлялъ даже какое-то сожалѣніе, и какую-то скрытную радость, которою она хотѣла подѣлиться со мною... Но, нѣтъ! Она конечно устала, утомилась — ей нѣ-

когда уже было со мною разговаривать...

«Бьетъ пять часовъ, а я еще не сплю, и не понимаю, какъ прежде спала я съ самаго вечера, такъ охотно, даже не утомившись после какого нибудь бала. Правда, я сегодня почти не танцовала, и мнѣ не отъ чего быть утомленною....

«Фанни! Не мой-ли чередъ теперь сойдти съ ума? Сумасшедшая! Ахъ! нѣтъ—лучше смерть, смерть...

Черезъ три недѣли послѣ вечера Княжескаго, Докторъ разговаривалъ съ Княгинею. Онъ ходилъ по комнатѣ, былъ мраченъ и задумчивъ. Княгиня спокойно сидѣла на своемъ диванѣ, съ беззаботнымъ, если не совершенно довольнымъ видомъ. Взглянувъ на нихъ, можно

было сказать: *онъ проигралъ — она выиграла.*

Но что-же *проигралъ* онъ? Что она *выиграла?* Не пояснитъ-ли этого разговоръ ихъ? Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что̀ они говорили прежде. Мы поспѣли только къ концу разговора.

— Мнѣ очень хотѣлось-бы знать причину неудовольствія вашего, любезный Докторъ, послѣ всего этого.

« Вы правы, Княгиня, правы; я ничего не могу болѣе сказать.

— И вы-же говорите, что ея здоровье совершенно поправляется.

« Да, я позволилъ ей сегодня выйдти изъ комнаты.

— Я прошу васъ еще разъ: не щадить вашихъ трудовъ и попеченій.

« То есть, микстуръ и порош-

ковъ.» Докторъ горестно улыбнулся. «Я и не жалѣлъ ихъ, Княгиня.

— И вы полагаете, что опасность совершенно прошла?

Докторъ молчалъ и ходилъ по комнатѣ. Княгиня, казалось, ожидала отвѣта.

«Не знаю,» сказалъ наконецъ Докторъ съ тяжелымъ усиліемъ — «не знаю ничего, кромѣ того только, что вся наука человѣческая есть гордость, помноженная на незнаніе, и раздѣленная по правилу товарищества: Философамъ — Юристамъ — Математикамъ — Физикамъ — Химикамъ — и *Лекарямъ!*» — Онъ шагалъ при каждомъ словѣ, и произнеся послѣднее остановился противъ Княгини, съ забавною досадою.

Она разсмѣялась. — Это ваше дѣло знать, любезный Докторъ!

«Да, мое, разумѣется; такъ заведено, и прекрасно заведено. Мы такъ легко отдѣлываемся, когда исполняемъ по условію, какое записано въ маклерской книгѣ приличій общественныхъ. Кто даетъ серебряный рубль бѣдняку, и давши велитъ лакеямъ вытолкать его, тотъ благотворитель. Кто разыграетъ лотерею въ пользу нищихъ, и съѣстъ за однимъ обѣдомъ четыре такихъ лотереи, тотъ добродѣтеленъ. Ну! Мы убьемъ человѣка, и велимъ Доктору лечить его. Докторъ лжетъ, увѣряя насъ, что онъ вылечитъ, а мы лжемъ передъ совѣстью, увѣряя, что ничего не пощадимъ для спасенія убитаго нами.

Княгиня улыбнулась.

«Да не смѣйтесь, по крайней мѣрѣ, Княгиня! Разумѣется, вамъ

теперь смѣшно: передъ вами здоровый сынъ и дуракъ Докторъ, который откровенно признается, что вся его наука вздоръ, а самъ онъ глупецъ.

— Я просила уже васъ объяснить мнѣ причины вашего неудовольствія. Развѣ болѣзнь Эммы не прекратилась?

«Нѣтъ! она прекратилась; а впрочемъ, кто-же это знаетъ.

— Ваша дружба къ этой дѣвушкѣ увлекаетъ васъ, хотя нѣтъ никакой причины безпокоиться. Развѣ не случается быть нездоровымъ всякому изъ насъ? И если-бы каждый разъ Доктора такъ боялись, какъ вы теперь, то на долго-ли станетъ ихъ? Мы, я и вы, исполнили весь долгъ нашъ къ Эммѣ: она была у меня какъ родная, и я го-

шова стараться о будущей участи этой доброй дѣвушки.

«Что разумѣете вы подъ этими словами: стараться о будущей участи?

— А что́-бы такое вы разумѣли?

«Я думаю, что возвышеніе духа, какое видѣли мы въ Эммѣ, не дается человѣку даромъ. Каждый негодяй, который вздумаетъ подняться изъ грязной кучи другихъ людей, получаетъ за это щелчекъ отъ судьбы; и бѣдная эта дѣвушка поплатится душею, или сердцемъ, за свое дерзкое возвышеніе.»

Докторъ выискивалъ выраженія, но не могъ найдти, и съ досадою сказалъ: «Просто, сынъ вашъ и Эмма любятъ другъ друга; и Эмма и сынъ вашъ могутъ погибнуть отъ этого.

Княгиня разсмѣялась. «Любезный Докторъ!» сказала она хладнокровно. «Вы знатокъ въ болѣзняхъ тѣла, но не души. Увѣряю васъ, что сердечная связь между сыномъ моимъ и Эммою — мечта, порожденная вашимъ воображеніемъ.

— Какъ: мечта? Вы пріучили меня, Княгиня, къ откровенному обхожденію. Я имѣлъ счастіе оказать вамъ услугу. Странно, что я говорю теперь съ вами совсѣмъ не по медицинской части. Но съ кѣмъ-же и говорить мнѣ? Вы добры, вы умны — вы мать. И съ кѣмъ-же вамъ говорить? Около васъ такая.... такая сволочь, что.... мнѣ надобно съ вами говорить.

« Я привыкла къ откровенности вашей, Докторъ. Можете все говорить, даже и не по медицинской

части; впрочемъ, предупреждаю васъ, что вы не знатокъ въ любви.

— Какъ-же не любовь это сначала тайное чувство, страхъ какой-то, который показывалъ сынъ вашъ? безпрекословное повиновеніе его.... ну! оно и должно было перейдти въ любовь....

« Ни сколько, Докторъ. Кто пойметъ, что имъ повелѣвали, что надъ нимъ имѣли власть по неволѣ — тотъ не можетъ любить.

— Ну! правда; положимъ, что правда. А если Эмма, передавшая ему свою душу....

« Сдѣлается такъ самолюбива, что влюбится въ душу свою, ему переданную?

— Можно-ли шутить!

« Но, что-же дѣлать мнѣ тогда?

— Я увѣренъ, что болѣзнь ея

была слѣдствіе страшнаго душевнаго перелома! она любитъ!

« Развѣ она вамъ сказывала?

— Эмма станетъ сказывать? Эта дѣвушка станетъ сказывать? О, Княгиня! какъ вы не понимаете ея!

« Но неужели мнѣ должно подвести къ ней сына моего, и сказать: возьми его и женись на немъ, хоть онъ тебя не любитъ?

— Княгиня! ради Бога! это ужасно! За что-же она погубила себя? За что она спасла вашего сына?... и это-ли награда! Княгиня! душевныя болѣзни ужасны. Я исцѣлилъ Эмму отъ горячки, но душу ея—исцѣлитъ только Богъ....

« Предоставимъ-же все Ему.

— Да! надобно Ему предоставить судьбу твою, Ему, а не людямъ, бѣдная Эмма! Но, еще

слово, Княгиня, и я, или поцѣлую ручку вашу съ такимъ-же благоговѣнiемъ, съ какимъ Католики цѣлуютъ Папину туфлю, или....

« Я предвижу вашъ вопросъ: могла-ли-бы согласиться я на свадьбу сына моего съ Эммою, если-бы онъ любилъ ее? Поцѣлуйте-же съ благоговѣнiемъ руку мою. Хоть это и походило-бы на Памелъ и Нанинъ — я согласилась-бы.

— И презрѣли-бы всѣ предразсудки вашей знатности?

« Вы почитаете меня какимъ-то исключенiемъ изъ людей! » смѣясь сказала Княгиня.

— Почти — думалъ Докторъ; — и ты не смѣялась-бы такъ, если-бы говорила правду.

Въ это время, вдали, въ залѣ показалась Эмма. Она шла тихо, блѣдная, слабая; румянецъ, яркимъ

пятномъ былъ видѣнъ на обѣихъ щекахъ ея.... неестественный румянецъ! предвѣстіе разрушительной болѣзни, которая такъ страшно терзаетъ человѣка внутри, когда наружно онъ кажется спокоенъ и здоровъ.

Княгиня пошла къ ней навстрѣчу, дружески взяла ее подъ руку, и тихо повела въ свою комнату, говоря: «Поздравляю васъ, милая Эмма, съ вашимъ выздоровленіемъ. Сядьте, сядьте; какъ вы себя чувствуете?

— Теперь хорошо, Княгиня. Я пришла поблагодарить васъ за всѣ ваши попеченія, за всю вашу нѣжность и заботливость.

«Можно-ли, милый другъ....

— Ахъ! не знаю, чѣмъ могу засвидѣтельствовать сердечную благодарность за одно то, что вы

скрыли болѣзнь мою отъ дѣдушки и бабушки! Бѣдные старики испугались-бы — они меня такъ любятъ....

« Конечно не болѣе того, какъ я люблю васъ, мой другъ.

Эмма поцѣловала руку Княгини. — Теперь позвольте мнѣ просить васъ: отпустите меня къ моимъ роднымъ. Я не нужна вамъ болѣе; а не весело смотрѣть на больныхъ....

« Какъ? вы хотите, при вашей слабости, зимою, ѣхать въ Москву?

— Силъ у меня достанетъ.

« Только *достанетъ!* И за кого почитаете вы меня, Эмма! Мнѣ согласиться отпустить васъ, теперь? Никогда! Мы дождемся лѣта, проведемъ его вмѣстѣ.

— А потомъ, надобно-же разстаться? Ахъ! вы скоро забудете Эмму, если-бы я и осмѣлилась ласкаться надеждою, что заслужила вашу благосклонность.... Но мнѣ тяжело разставаться съ вами: я такъ полюбила васъ....

Княгиня усмѣхнулась. « Полно-те говорить объ этомъ; думайте только о своемъ здоровьѣ. Не холодно-ли вамъ здѣсь? постойте, я принесу вамъ мою шаль....

— Вы безпокоитесь....

« Сидите, сидите, милый другъ!» Княгиня пошла въ другую комнату. Эмма осталась одна. Три недѣли она не выходила изъ своей комнаты, и осматривалась кругомъ. « Здѣсь все такъ-же какъ было; а я? Какая перемѣна!» Въ это время, въ дальней комнатѣ раздались звуки фортепіано. « Это онъ!» ду-

мала Эмма. Играли бывшій тогда въ большой модѣ Польскій Огинскаго. «О! какіе звуки!» Эммѣ пришла въ голову исторія бѣднаго сочинителя, его страсть, горесть, которую услаждалъ онъ сочиненіемъ своихъ Польскихъ. «Поль! перестань, перестань!» готова была она закричать, хотя Князь не могъ слышать ея голоса. Но онъ въ самомъ дѣлѣ перестаъ. «Неужели воля моя еще имѣетъ надъ нимъ власть? Какъ-бы желала я теперь взглянуть на него....»

Три недѣли Эмма не видала молодаго Князя, не видала съ самаго вечера Княжескаго. Онъ ни разу не приходилъ посѣтить больную Эмму. Только Докторъ сказывалъ ей, что Князь здоровъ; что онъ не рѣдко катается въ саняхъ и играетъ съ нимъ на бильярдѣ; что

онъ веселъ, но очень сожалѣетъ о болѣзни Эммы.

Длинная анфилада комнатъ открывалась передъ Эммою, и оканчивалась большимъ зеркаломъ, противъ котораго она сидѣла. «Боже! это онъ! онъ идетъ сюда; онъ еще *мой!*

Князь шелъ весело, насвистывая какую-то арію. Увидѣвъ Эмму, онъ, казалось, обрадовался, радостно подошелъ къ ней, и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку, говоря: «Вы здоровы, милая Эмма? какъ я радъ, что вижу васъ.... »

Какая перемѣна въ немъ и въ ней! Гдѣ эта прежняя повелительница Князя? Неужели это она, блѣдная, слабая, оробѣвшая, потупившая глаза? Неужели этотъ молодой, ловкій, невнимательный человѣкъ тотъ бѣдный сумасшед-

шій, который сидѣлъ въ углу, и молчалъ, не смѣя взглянуть на Эмму....

Княгиня вошла въ эту минуту, держа въ рукахъ шаль. Она остановилась на порогѣ, изумленная; внимательно, заботливо устремила она глаза на сына своего и на Эмму. Черезъ минуту, безпокойство ея разсѣялось. Она окутала шалью Эмму. Начался разговоръ....

Бѣдная дѣвушка! Она думала: « Поль не перемѣнился; я несправедливо подозрѣвала его! И его-ли душа покорится этой Моинѣ, этой свѣтской вертушкѣ! » Эмма оживала. Князь сбирался кататься, но велѣлъ отложить санки. Онъ остался съ матерью и съ Эммою.

XV.

Какъ страненъ человѣкъ уступками въ своей жизни! Сколько бо-

гачей, лишившихся огромнаго состоянія, благодарили судьбу за бѣдную жизнь, оставленную имъ! Человѣкъ плыветъ на гордомъ кораблѣ, почитаетъ себя царемъ стихій, досадуетъ на медленность бѣга своего; буря; корабль разбило въ щепы, и — царь стихій благословляетъ судьбу, что она выкинула его, полумертваго, на безплодный утесъ.

Бываетъ время какого-то страннаго состоянія человѣческаго, между счастіемъ и бѣдствіемъ, время какого-то самозабвенія, когда мы страшимся сами себя, и не хотимъ ни оглянуться, ни взглянуть впередъ. Это время, когда тучи нависли отвсюду, и дождь уже каплетъ огромными, лѣнивыми каплями. Еще мгновеніе — тучи разорвутся, и дождь шумя сольется

съ огнемъ молній и грохотомъ грома. Но, можетъ быть, не будетъ ни грома, ни молніи; лучи солнца пробьются сквозь мракъ тучъ; вихрь изорветъ ихъ, разбросаетъ по небу, и день кончится свѣтлымъ захожденіемъ солнца.

Такъ и въ нравственномъ мірѣ, и въ мірѣ страстей. Такъ было и съ Эммою. Безпечность свойственна человѣку; она дальняя родня наслажденію.

Молодой Князь С*** сдѣлался внимателенъ, даже изъявлялъ какую-то благодарность, какую-то нѣжность къ Эммѣ, и она оживала съ каждымъ днемъ.

Не думайте, чтобы Эмма, какъ опытная какая нибудь кокетка, надѣялась увлечь Князя въ сѣти свои. Нѣтъ! она радовалась, какъ дитя, не могла скрывать своей радости,

когда онъ говорилъ съ нею привѣтливо, нѣжно, и — ничего болѣе она не требовала, даже страшилась требовать.

Не думайте, чтобы Эмма мечтала когда нибудь достигнуть, любовью Князя, исполненія какихъ нибудь честолюбивыхъ надеждъ! Мысль объ этомъ не касалась души ея.

Молодой Князь подходилъ къ Эммѣ съ какимъ-то чувствомъ благоговѣнія. Онъ не былъ еще испорченъ свѣтомъ; онъ былъ уже испытанъ несчастіемъ, и это несчастіе было для него грознымъ разоблачителемъ людскаго сердца. Онъ зналъ, чѣмъ былъ одолженъ Эммѣ. Ему пріятно было теперь, въ свой чередъ, усладить страданія Эммы своею услужливостью. Но онъ *не любилъ* Эммы.

Однажды, когда онъ и мать его, безотлучно надзиравшая за каждымъ движеніемъ сына, просидѣли съ Эммою цѣлый вечеръ, Князь, возвратясь въ свою комнату, задумался, и сказалъ: «Какая умная дѣвушка!... какая добрая!» прибавилъ онъ, подумавши нѣсколько. Если мы хвалимъ умъ, красоту, сердце — мы не любимъ. Кто любитъ, тотъ не хвалитъ, или хвалитъ именно то, что не хорошо. Онъ, какъ будто боится высказать людямъ, что̀ плѣняетъ его: это тайна влюбленнаго, и часто онъ самъ не умѣлъ-бы растолковать ея.—Въ этотъ вечеръ Эмма была чрезвычайно словоохотна: она такъ мило, такъ добродушно говорила о мірѣ, о людяхъ, о дружбѣ, о своемъ дѣтствѣ.

Княгиня ни сколько не была обез-

покоена сближеніемъ сына съ Эммою. Она уже разгадала его душу.

Докторъ часто задумывался, нюхалъ табакъ, уходилъ справляться съ психологическими трактатами ученыхъ о любви, о дружбѣ, и хмурилъ брови.

Между тѣмъ, дни летѣли, снѣга таяли, зима умирала. Лѣса зазеленѣли. Рѣки разломали наконецъ ледяной черепъ свой, жаворонокъ запѣлъ надъ лугами. Докторъ безпокойно наблюдалъ пульсъ Эммы. Она была слаба. Повѣяла весна, и онъ предписалъ Эммѣ выѣзжать прогуливаться. Князь сопровождалъ ее въ этихъ прогулкахъ, галопируя подлѣ ея кабріолета.

Былъ прекрасный весенній день. Солнце ярко свѣтило; свѣжій вѣтерокъ вѣялъ сквозь растворенныя окна. Докторъ совѣтовалъ воспол-

зоваться хорошею погодою и погулять. Эмма сѣла въ свой кабріолетъ. Она сама правила смирною лошадкою; Князь скакалъ подлѣ нея верхомъ; жокей слѣдовалъ за ними. Рѣшились ѣхать далеко; останавливались, любовались видами окрестностей; потомъ опять ѣхали далѣе. Наконецъ, Княжескій паркъ кончился — передъ гуляющими было обширное поле, съ перелѣсками.

На другой сторонѣ поля, между сосновымъ лѣсомъ появилась большая кавалькада дамъ и мужчинъ, верхами и въ экипажахъ. Они, казалось, всѣ были щегольски одѣты. Князь увидѣлъ ихъ, и умолкъ среди начатаго разговора.

Эмма съ изумленіемъ взглянула на него. Онъ остановилъ свою лошадь, и неподвижно смотрѣлъ на

гулявшихъ вдали. Взглянувъ въ свой лорнетъ, Эмма узнала эту толпу: Моина ѣхала верхомъ, прелестно одѣтая; ее окружало много дамъ и мужчинъ, но только Моину разглядѣла Эмма. Этого было довольно. Вожжи едва не выпали изъ ея рукъ. «Князь! васъ замѣтили,» сказала она дрожащимъ голосомъ. Въ самомъ дѣлѣ, двое мужчинъ скакали черезъ поле, прямо къ Князю. Всѣ гуляющіе остановились.

Князь не отвѣчалъ ни слова, стоялъ неподвижно. Эмма повернула кабріолетъ свой снова въ паркъ, и погнала свою лошадку. Изъ перелѣска, гдѣ не могли видѣть ея, она видѣла всѣхъ. Эмма остановилась: Князь былъ уже окруженъ спутниками Моины. Она сама ловко подскакала къ нему.

Эмма погнала свою лошадку, гнала ее поспѣшно, быстро, переѣзжала съ одной дорожки на другую, сама не зная куда ѣдетъ. Свѣжій весенній воздухъ казался ей чѣмъ-то ядовитымъ; пѣсня жаворонка звучала насмѣшкою надъ людьми. Наконецъ передъ ней широкая дорога. «Куда-же эта дорога?» спросила Эмма у жокея.

— Вы, сударыня, далеко заѣхали на право. Это дорога въ . . . скую пустыню.

«Туда!» подумала Эмма. «Далеко-ли до пустыни?»

— Версты три.

«Мы еще застанемъ обѣдню?

— Кажись, застанемъ. Солнце еще не такъ высоко.

У монастырскихъ воротъ оставила Эмма экипажъ и жокея, и по-

шла въ церковь. Обѣдня уже кончилась. Въ придѣлѣ служили молебны. Въ другой придѣлъ вошла Эмма. Здѣсь, гдѣ она почитала себя никѣмъ невидимою, кромѣ Бога, упала она на колѣни, и слезы полились ручьями изъ глазъ ея; судорожныя рыданія вздымали ея грудь — она плакала, не молилась; ни слова̀, ни мысли не приходили ей въ голову.

Но Эмма не замѣчала, а подлѣ нея, невдалекѣ, стоялъ монахъ, и наблюдалъ за нею. Его блѣдное, желтое лицо, изрѣзанное глубокими морщинами, показывало, что не лѣта, но страданія убѣлили его волосы. Въ глазахъ его свѣтился умъ, видна была душа, непобѣжденная ни міромъ, ни бѣдствіями, но вся перешедшая въ упованіе, что за гробомъ есть

міръ, есть другой міръ свѣта тихаго и незаходимаго. Этотъ взоръ ничего не могъ искать на землѣ.

Приклонивъ голову къ холодному столпу, одному изъ четырехъ, на которыхъ держался куполъ церкви, холодному, безмолвному свидѣтелю столькихъ слезъ человѣческихъ, Эмма едва не лишилась чувствъ. Монахъ подошелъ къ ней, и чистымъ Нѣмецкимъ языкомъ сказалъ ей: «Сударыня! вы нездоровы — поберегите себя.» Эмма съ изумленіемъ взглянула на монаха. Она узнала въ немъ Отца Паисія, духовника Княгини, благочестиваго инока, учредителя хора въ монастырѣ. Но до сихъ поръ, она думала видѣть въ немъ одно простое благочестіе, и никогда не слыхала отъ него рѣчей. Голосъ, тонъ разговора показали Эммѣ ея

ошибку. Она увидѣла человѣка, образованнаго, бросившаго міръ, скрывшаго подъ иноческою рясою растерзанную душу свою, и вѣрою и благочестіемъ замѣнившаго надежды на бѣдное счастіе міра.

Эмма поспѣшно отерла слезы свои, встала, но оперлась о стѣну, шатаясь, едва не падая.

«Дочь моя!» сказалъ О. Паисій — голосъ его былъ голосъ отца — «если ты ищешь здѣсь утѣшенія, оставь всѣ условія міра, и предо мною, служителемъ Бога-Утѣшителя, будь младенчески открыта душею. Если грѣхъ тяготитъ тебя — я буду за тебя молиться, и напомню тебѣ, что Онъ приходилъ въ міръ не праведныхъ призывать на покаяніе, но спасти грѣшныхъ. Если бѣдствіе налегло на юную душу твою — въ словѣ Бога ты най-

дешь отраду скорбной душѣ. Но не отчаяніе, а надежда да будетъ твоимъ путеводителемъ.

— Отецъ мой! я Лютеранскаго исповѣданія.

« Что мнѣ за дѣло, на какомъ языкѣ и въ какомъ храмѣ молишься ты Богу! Его отеческія объятія равно отверсты для всѣхъ; служитель алтаря равно пріемлетъ къ сердцу каждаго несчастливца, дочь моя.

— Я несчастлива, отецъ мой! — Слезы опять полились изъ глазъ Эммы.

« Выйдемъ отсюда. Свѣжій воздухъ оживитъ тебя; братія могутъ здѣсь замѣтить скорбь твою.

О. Паисій пошелъ изъ церкви; Эмма слѣдовала за нимъ невольно. Недалеко отъ церкви было кладбище, усаженное деревьями. Дерно-

выя скамейки сдѣланы были между могилами. Ихъ осѣняли деревья, едва зазеленѣвшія свѣжими листьями; молодая травка пробивалась на могилахъ, между изсохшею прошлогоднею травою.

Здѣсь, подлѣ одной могилы, на которой рука времени уже разломала надгробный камень, сѣла Эмма, и свѣжій воздухъ оживилъ ее. Она оглядѣлась кругомъ: монастырская ограда, храмъ Божій, могилы, благочестивый, посѣдѣлый инокъ. Недалеко оттуда тянулся рядъ келлій; нѣсколько пришельцевъ въ пустыню отдыхали на могилахъ, безпечно, беззаботно. Дитя играло тутъ подлѣ бѣдной какой-то женщины, уснувшей отъ усталости. Старикъ, товарищъ богомолки, развязавъ свою котомку, вынималъ изъ нея куски черстваго

хлѣба. Эмма взглянула на небо: оно было распростерто надъ нею, свѣтлое, весеннее, оживленное роями птичекъ, мелькавшихъ по поднебесью. Эмма вспомнила, что такое-же свѣтлое небо было распростерто надъ нею, когда она въ первый разъ увидѣла сумасшедшаго Князя. Но тогда, какъ высоко стояла она надъ міромъ! — Ее окружали родные, въ мирномъ пріютѣ своемъ. А теперь она одна, среди могилъ, растерзанная, униженная міромъ....

— Дочь моя! — сказалъ ей О. Паисій, когда Эмма отдохнула немного, и плакала, уже не въ отчаяніи, но тихо, облегчительно — дочь моя! забудь во мнѣ инока. Не думай встрѣтить во мнѣ грознаго судію твоей совѣсти, твоей души. Ты видишь человѣка.

Тотъ, Кто Самъ плакивалъ кровавыми слезами, Кто умирая за міръ, былъ напояемъ горечью, Тотъ призываетъ къ себѣ только бѣдствующихъ. Я испыталъ страданія; я былъ обольщаемъ великими надеждами — я знаю міръ и скорби его — скорби страшныя, отъ которыхъ и теперь болитъ душа моя, и которыя забываются только въ могилѣ. Я терялъ милыхъ сердцу, былъ унижаемъ, отчаявался....

Онъ умолкъ. «Отецъ мой! вы меня знаете» — могла только одно отвѣчать Эмма.

— Знаю, болѣе нежели ты думаешь. Твоя душа чиста. Никакая тайна твоей покровительницы, Княгини, не скрыта отъ меня. Бѣдная жертва судьбы непостижимой! Чего ищешь ты въ мірѣ? Твое сча-

сшіе погибло. Мудрость человѣческая запушалась въ швоей судьбѣ; она оторвала шебя отъ назначенія швоего — шихо провесши вѣкъ въ кругу смиренныхъ родныхъ и друзей — и бросила въ величіе, знашность, великолѣпіе....

— Отецъ мой! не я пришла въ эшошъ чужой мнѣ міръ....

« Зачѣмъ-же осшаешься шы въ немъ, когда видишь, что онъ не швой?

— Куда-же убѣгу я!

« Туда, гдѣ шихо прошекло швое дѣшсшво. Удались опсюда, дочь моя: шы здѣсь чужая — шамъ родная.

— Могу-ли возврашишь мое прежнее спокойсшвіе, мою дѣшскую беззабошносшь....

« Ты удалишься бѣдсшвующею, но чисшою; сшрадающею, но въ мирѣ

съ Богомъ. Неужели не видишь ты, что если еще останешься здѣсь, то демонъ страстей начнетъ рыть въ сердцѣ твоемъ могилу для твоей погибели? Твое чистое чувство, въ которомъ никто не посмѣетъ теперь обвинять тебя, потускнѣетъ въ бурѣ страстей. Ревность, зависть, ненависть овладѣютъ тобою. Спаси себя, дочь моя! Смотри въ свою душу и береги чистоту ея. Кто принесетъ растерзанное сердце къ престолу Бога — тотъ будетъ тамъ сыномъ; но сердцу, отемненному страстями, если и не падшему въ преступленіе, престолъ Бога явитъ сѣдалище грознаго судіи. Пусть будутъ виновны предъ тобою люди: они отвѣчаютъ за то Богу — не будь виновна передъ ними.

— Слова ваши, отецъ мой, тер-

заютъ душу мою! Подкрѣпите меня....

И умилительная бесѣда была продолжительна между Эммою и благочестивымъ инокомъ. Всю душу свою открыла ему Эмма, и всѣ утѣшенія вѣры и надежды онъ пролилъ на сердце ея, растерзанное любовью.

Благоговѣйно поцѣловала руку его Эмма, и тихо отправилась въ Княжескую деревню. Здѣсь встрѣтило ее большое движеніе: нѣсколько экипажей и верховыхъ лошадей стояло во дворѣ. Она узнала, что Княгиня собирается ѣхать въ гости. Нѣсколько человѣкъ сосѣдей шумѣли въ бильярдной. Эмма прошла въ свою комнату по заднему крыльцу. Ей сказали, что Княгиня давно спрашивала ее. Эмма чувствовала себя утомленною, но го-

товою на все. Ей казалось, что Княгиня зоветъ ее сказать ей роковое какое нибудь рѣшеніе. «Боже! я готова!» сказала Эмма, обратившы взоры къ образу и сложивъ на груди руки. Она оправилась и пошла къ Княгинѣ. Румянецъ былъ виденъ на щекахъ ея отъ прогулки, и отъ всего, что чувствовала и слышала она въ это утро.

XVI.

— Вы загулялись, милый другъ— сказала Эммѣ Княгиня — и я начинала безпокоиться о васъ. Какой вѣтренникъ этотъ Поль: оставилъ васъ, уѣхалъ къ Графинѣ N. N., и прислалъ сказать, что тамъ пробудетъ цѣлый день.

« Мы встрѣтили Графиню съ большимъ обществомъ. Мнѣ не хотѣ-

лось, чтобы меня замѣтили, и я оставила Князя, рѣшась еще поѣздить на свѣжемъ воздухѣ.

— И очень хорошо сдѣлали. Посмотрите, какъ разцвѣли розы на щечкахъ вашихъ.

Эмма горестно улыбнулась. Княгиня не замѣтила ея улыбки, примѣривая брилльянтовыя серьги передъ зеркаломъ.

— Вы и меня взманили гулять — сказала она.—Мы ѣдемъ обѣдать къ сосѣдямъ нашимъ В. В.

« Мнѣ позволите вы остаться дома ? » съ безпокойствомъ спросила Эмма.

— Думаю, что вамъ нужно теперь всего болѣе спокойствіе, а тамъ будетъ толпа народа.

Княгиня расположилась на своемъ диванѣ, и посадила подлѣ себя Эмму.

— Я знаю, милый другъ — сказала она — что вамъ въ тягость шумъ и большой свѣтъ. Вы любите уединеніе, тишину семейной жизни, домашнее счастіе. Ахъ! кто-бы не промѣнялъ на это самой блестящей доли. Какъ грустно смотрѣть на людей, которыхъ рожденіе и воспитаніе увлекаютъ въ свѣтъ! Какъ часто, смотря на васъ, я думала даже о себѣ самой....

« Вамъ-ли говорить это, Княгиня!

— Почему-жъ не говорить мнѣ? Я чувствую, что не рождена для большаго свѣта, и только званіе и воспитаніе сдѣлали его для меня сноснымъ. Вы знаете моего мужа: могъ-ли онъ составить мое счастіе?

Откровенность Княгини изумила Эмму.

— И потомъ, потеря дѣтей, болѣзнь одного, оставшагося мнѣ сына!... Я могла-бы осчастливить человѣка съ душою и сердцемъ, милый другъ: я была-бы готова отдать за это многое. Судьба лишила меня всѣхъ средствъ жертвовать чѣмъ нибудь для людей, милыхъ мнѣ; а что можетъ замѣнить наслажденіе такимъ пожертвованіемъ.

«Пожертвованіемъ?» думала Эмма въ недоумѣніи.

— Воображаю себѣ: какое небесное чувство должно наполнять душу, напримѣръ, той дѣвушки, которая для счастія своихъ ближнихъ, своихъ родныхъ, рѣшилась-бы пожертвовать какою нибудь безразсудною страстью; промѣнять мимолетное наслажденіе на прочное добро; замѣнить прихоть во-

ображенія постояннымъ наслажденіемъ добродѣтели и тихой радости.

Эмма чувствовала лихорадочную дрожь по всему тѣлу.

Княгиня не смотрѣла на Эмму, казалась задумчивою, и перебирая въ рукахъ золотую цѣпочку, на которой были дорогіе часы ея, продолжала говорить:

— Мнѣ надобно посовѣтоваться съ вами о важномъ дѣлѣ, милая Эмма. Посовѣтоваться; не совѣтовать хочу я вамъ. Вы знаете, что я привыкла любить васъ, какъ дочь.

«*Дочь!*» Эмма вздрогнула при этомъ словѣ.

— Вы привязали меня къ себѣ вашимъ милымъ сердцемъ, вашею душою, чистою и прекрасною. Вы, конечно, не замѣтили въ домѣ мо-

емъ никакой разницы прошивъ род-
ственной любви вашихъ добрыхъ
родныхъ; вы были мнѣ подругою въ
моей скорби, и все, что могла я
дѣлать для вашего удовольствія, я
дѣлала....

Эмма подняла глаза. Взоры ея
обратились на эстампы, разстав-
ленные надъ диваномъ, и остано-
вились на одномъ большомъ, пре-
восходномъ эстампѣ. Тутъ изобра-
женъ былъ Данте, изгнанникъ изъ
отчизны, мрачный, угрюмый бѣг-
лецъ. Онъ стоялъ, въ бѣдной одеж-
дѣ, на первой ступенькѣ велико-
лѣпнаго крыльца, ведущаго въ ка-
кой-то огромный дворецъ; стран-
ническій посохъ былъ въ рукѣ его;
волосы его развѣвалъ вѣтеръ чуж-
бины, и уста его только что не
произносили словъ, выгравирован-
ныхъ внизу эстампа:

Tu proverai si come sà di sale
Lo pane altrui, e come è duro calle
Lo scendere e l'salir per l'altrui scale (*)....

— Княгиня! скажите, къ чему угодно вамъ говорить все это? Какое пожертвованіе отъ меня надобно? Что должна я сдѣлать — для чьего-бы то ни было спокойствія, счастія....

« Этого надѣялась я отъ васъ, милый другъ, и потому заботилась устроить будущую судьбу вашу. Я знаю состояніе вашихъ родныхъ....

— Развѣ я требовала отъ васъ чего нибудь и когда нибудь, Княгиня?

« О Боже мой! Къ тому-ли говорю я это? Вашъ дѣдушка старъ;

(*) Ты испытаешь на себѣ, какъ солонъ чужой хлѣбъ, и какъ тяжело всходить на чужое крыльцо и сходить съ него....

братцы ваши еще такъ малы; вы должны будете заботиться объ ихъ участи, но можете-ли вы сдѣлать это, вы, дѣвушка, одинокая....

— Есть Отецъ сиротъ, Княгиня. . . .

« Благочестивая мысль. Но мы живемъ не въ вѣкъ чудесъ, милый другъ мой. Вамъ надобно избрать себѣ надежнаго покровителя. . . » Княгиня помолчала съ минуту. «Вы знаете нашего почтеннаго знакомаго, Полковника Доброва? вы видѣли его раза три у насъ въ домѣ. Онъ предлагаетъ вамъ свою руку.

— Великій Боже! — думала Эмма. — Я была готова на все; но — я человѣкъ! Это слишкомъ, Творецъ, Спаситель мой! Есть мѣра всему, есть предѣлъ всему, кромѣ Твоего милосердія.

Полковникъ Добровъ былъ сорокалѣтній вдовецъ, богатый помѣщикъ . . . ской губерніи. Потерявъ первую жену свою, онъ отказался отъ службы, и жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, занимаясь воспитаніемъ своего маленькаго сына. Не знаю, наскучивъ-ли уединеніемъ, или по дѣламъ какимъ, онъ пріѣхалъ въ Москву, и посѣтилъ Князя лѣтомъ въ деревнѣ. Послѣ того онъ пріѣзжалъ еще разъ, говоря, что рѣшился провести зиму въ Москвѣ. Въ третій разъ пріѣхалъ онъ, и долго говорилъ съ Эммою о погодѣ, о Нѣмецкой Литтературѣ, о ея дѣдушкѣ. Черезъ недѣлю Княгиня получила отъ него хорошо переписанное письмо, содержаніе котораго мы теперь знаемъ.

Эмма молчала, а Княгиня распространилась о любви Полковника

къ первой женѣ его, о прекрасномъ его состояніи, о томъ, что онъ устроитъ будущую судьбу братьевъ Эммы.

Эмма не плакала. Княгиня кончила тѣмъ, что рѣшилась взглянуть на нее. Эмма была блѣдна, но спокойна; она даже улыбнулась.

— Позвольте мнѣ, Княгиня, обыкновенный отвѣтъ невѣсты. Я слыхала, что дѣвушки всегда отвѣчаютъ на предложенія, подобныя вашему: мнѣ надобно подумать.

« Разумѣется, милая Эмма. Моихъ словъ вы, конечно, не ожидали.

— Признаюсь. — Эмма встала и хотѣла идти.

« Да, кстати, милый другъ: не будете-ли вы писать къ вашимъ въ Москву? Сей часъ ѣдетъ туда нашъ обыкновенный посланникъ.

— Буду писать. Мнѣ необходимо надобно писать къ своимъ.

Княгиня осталась одна, нахмурила брови, и отирала потъ батистовымъ своимъ платкомъ. «Тяжелая обязанность матери!» шептала она.

Эмма остановилась на порогѣ своей комнаты. «Ты будешь гробомъ моимъ!» подумала она, обозрѣвая свою комнату. «Черезъ этотъ порогъ мнѣ уже не переходить болѣе.»

Она сѣла къ столику, и написала слѣдующія строчки:

«Фанни! Если ты меня любишь, если ты любишь своего Теобальда, поспѣши пріѣхать ко мнѣ, чтобы не умереть мнѣ на чужихъ рукахъ. Попроси своего Теобальда сходить къ дѣдушкѣ, приготовить его къ вѣсти о моей смерти, и прі-

ѣхать съ нимъ сюда. Но сама пріѣзжай прежде ихъ. Поспѣши, Фанни, ради Бога, поспѣши!....»

— Отдай эту записочку по адресу, и вотъ тебѣ на водку, только не задержи и отдай записку тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву. Мнѣ это очень нужно.

Твердо проговорила все это Эмма посланному въ Москву. Она сѣла послѣ того къ окну, и смотрѣла, какъ подъѣзжалъ экипажъ Княгини. На самыхъ этихъ вороныхъ коняхъ она пріѣхала съ Княгинею изъ Москвы.

XVII.

Княгиня возвратилась домой поздно. Когда на другой день проснулась она, Аграфена доложила ей, что барышня Эмма Ивановна вче-

рашній день опять занемогла, и, кажется, очень сильно.

— Для чего-жь ты, дура, не сказала мнѣ этого вчера, когда я пріѣхала?

«Я не хотѣла безпокоить Ваше Сіятельство.»

Княгиня оставила свой завтракъ, и пошла въ комнату Эммы.

Передъ этою комнатою встрѣтилъ ее Докторъ, только что оставившій Эмму. Онъ всю ночь просидѣлъ у ея кровати.

— Что ваша больная? — поспѣшно спросила его Княгиня.

«Ничего; ей теперь лучше. Не безпокойте ея, Княгиня.

— Мнѣ надобно ее видѣть.

«Для чего-же, Княгиня? Она теперь спокойнѣе, и проситъ послать за духовникомъ вашимъ, монахомъ Паисіемъ. Да, она еще просила ме-

ня извинить ее передъ вами, что причиняетъ вамъ столько непріятностей своею болѣзнію. Прикажите поскорѣе послать за этимъ монахомъ; а что касается до безпокойствъ, причиненныхъ вамъ нездоровьемъ Эммы, то они продолжатся не много времени. Эмма не проживетъ до вечера.

— Любезный Докторъ!...

« Да, на этотъ разъ, наука меня не обманетъ....

Княгиня не въ силахъ была ни идти къ Эммѣ, ни говорить. Она пошла въ свой будуаръ. Старый Князь встрѣтилъ ее въ залѣ.

— Правда-ли, что наша Нѣмка отчаянно больна, и умираетъ? — спросилъ онъ.

« Да, » отвѣчала Княгиня.

— Какъ скучно! Филька! вели заложить мою карету. — Adieu, ma chère! я ѣду въ Москву.

« Теперь?

— Да, ты знаешь, что я терпѣть не могу мертвыхъ, и теряю сонъ и аппетитъ, когда въ домѣ есть покойникъ.

Черезъ часъ загремѣлъ экипажъ Княжескій, и въ самыхъ воротахъ столкнулся съ старинными дрожками, на которыхъ пріѣхалъ духовникъ Княгини.

Инока ввели въ комнату Эммы. Больная сидѣла въ большихъ креслахъ, противъ окна, обложенная подушками.

«Отецъ мой!» сказала ему Эмма, слабымъ, едва слышнымъ голосомъ. «Теперь скоро кончится все: и борьба, и страданіе. Одна просьба къ вамъ, моему послѣднему утѣшителю на землѣ: совершите надо мною святое таинство обращенія въ Православную вѣру, и, закли-

наю васъ, упросите Княгиню, чтобы меня похоронили на здѣшнемъ сельскомъ кладбищѣ.

— Дочь моя! благословенно твое желаніе, и Святая Церковь Православная всегда готова принять прибѣгающаго къ ней. Но что за мысль о кладбищѣ....

«Неужели это грѣхъ? Здѣсь положены его предки.... здѣсь положатъ и *его*, гдѣ-бы онъ ни умеръ, и сколько-бы еще лѣтъ ни прожилъ. Боже! дай ему жизнь долголѣтнюю и счастливую; но придетъ и его череда. Бренныя кости мои возрадуются, что на одной Божіей нивѣ возстанемъ мы нѣкогда — возстану я, не упрекать его, но встрѣтить взоромъ святой любви, котораго не узнать ему въ здѣшней жизни; возстанетъ и онъ — не отвергнуть меня, но вмѣстѣ

приблизиться къ трону Любви безконечной.»

Благочестивый инокъ не могъ удержать слезъ своихъ. Онъ положилъ обѣ руки на голову Эммы, и молился о ней....

Едва кончился обрядъ мѵропомазанія, и Эмма причастилась Св. Таинъ, когда тихо вошла въ комнату Фанни, и со слезами упала у ногъ своей подруги.

«Неужели и дѣдушка пріѣхалъ съ тобою?» спросила Эмма безпокойно.

— Нѣтъ, я одна.

«Слава Богу! я не дождусь его, если онъ пріѣдетъ завтра.... Сядь здѣсь, подлѣ меня, Фанни; подвинь мои кресла сюда, поближе къ окну.» Всѣ оставили комнату; Фанни сѣла подлѣ своей подруги.

«Фанни! дай мнѣ свою руку. Счастлива-ли ты, Фанни, съ твоимъ Теобальдомъ?

— О, милый другъ мой!

«Фанни! если старикъ мой не переживетъ моей смерти — будь матерью братьевъ моихъ....

— Живи, милый другъ, подумай о насъ!

«Нѣтъ! земное уже исчезло для глазъ моихъ.... Но, Фанни, посмотри — мои взоры темнѣютъ — кажется, это верховую лошадь ведутъ по двору.... Онъ ѣдетъ куда нибудь! Еще разъ увидѣть его. . . . Фанни! пошли къ Полю кого нибудь, сказать, что я желала-бы видѣть его, поговорить съ нимъ....

XVIII.

Молодой Князь былъ въ своей комнатѣ, совсѣмъ одѣтый для прогулки. Другой какой-то молодой человѣкъ стоялъ подлѣ него. Они

смѣялись и разговаривали другъ съ другомъ.

— Время проходитъ, Поль; насъ ждутъ; поторопись! готова-ли твоя лошадь? Какой ты неразвязный! Все какъ будто прежняя дурь осталась въ твоей головѣ!

Вошелъ лакей Княгини.

— Что ты?

« Барышня Эмма Ивановна приказала васъ просить къ себѣ поскорѣе; ей, приказала сказать, крайняя нужда видѣться съ вами.

— Что такое, Поль? Какая барышня Эмма Ивановна?

« Компаньёнка маменьки.

— Да что у тебя съ ней за дѣла? Поль! что это такое?

Молодой Князь покраснѣлъ отъ двусмысленнаго взора своего товарища.

— Вздоръ! я тебя не отпущу.

Что за ребячество! что за любовь въ домашнемъ уголкѣ! что за романы!

« Ничего ; оставь свои глупыя подозрѣнія.

— Ну! такъ вели сказать ей....

«Она опять больна, говорятъ?» спросилъ Князь у лакея.

— Очень, говорятъ, нездорова, Ваше Сіятельство.

« Ну, такъ ты что за лекарь? Вздоръ! Если и были какія нибудь сплетни — пріѣдешь еще, и тогда можешь прощаться и плакать.

—Да, развѣ она очень нездорова?

« Не могу знать, Ваше Сіятельство.

— Чего тутъ толковать! Скажи, что ты уѣхалъ. Человѣкъ! поди, скажи, что ты не засталъ уже Князя. Не правда-ли, Поль?

« Да, да!

Эмма печально улыбнулась, когда

ей принесли отвѣтъ Князя. Она подняла руку, и указывая въ окно, сказала Фанни: « А вонъ, видишь-ли, Фанни, ему только теперь подвели лошадь его — дай мнѣ лорнетъ — это онъ, кажется, идетъ по двору.... Боже!... когда онъ воротится, ему скажутъ, что Эммы нѣтъ уже болѣе.... Прости, Поль, прости!...

Она сложила руки и закрыла глаза свои. Фанни спѣшила позвать Доктора. Онъ вошелъ, и молча, сложивъ крестъ на крестъ руки на груди, смотрѣлъ на Эмму. Смертная блѣдность уже обхватила губы ея; пальцы ея холодѣли.... Веселая ласточка прилетѣла въ это время на окошко, запѣла, защебетала, вспорхнула, и — съ ея отлетомъ не стало Эммы. Фанни рыдала, цѣлуя охолодѣвшее тѣло ея.

Дверь растворилась. Отецъ Паисій вошелъ въ комнату; за нимъ шла Княгиня. И онъ и она остановились въ изумленіи. Въ другой комнатѣ столпились люди Княжескіе. « Умерла, умерла! » говорили они.

« Умерла! Кто умеръ? Моя Эмма? » раздался среди ихъ шепота раздирающій душу вопль. Всѣ посторонились: сѣдой старикъ, въ безпорядкѣ, въ дорожной одеждѣ, покрытой пылью, поспѣшно шелъ, поддерживаемый какимъ-то молодымъ человѣкомъ — это были дѣдушка Эммы и Теобальдъ.

Священна горесть каждаго, кто потерялъ милаго сердцу; но терзательна горесть старика, теряющаго милаго сына, добрую дочь — невыносимо зрѣлище такой горести старца, переживающаго послѣднія надежды свои....

«Эмма!» воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками. «Въ самомъ дѣлѣ умерла, умерла....»

Почти безъ чувствъ упалъ онъ въ руки Теобальда, который старался утѣшать его. Бѣдный старикъ зарыдалъ, горько зарыдалъ.

— Почтенный другъ! — началъ говорить ему Докторъ. — Неужели вы полагаете, что менѣе васъ чувствуемъ мы потерю этого милаго, небеснаго созданія....

«Ты чувствуешь? ты, безчеловѣчный!» вскричалъ дѣдушка Эммы. «Не ты-ли вырвалъ ее у меня веселую, здоровую, милую, и теперь отдаешь мнѣ трупъ ея, не ты-ли, говорунъ заморскій, людоморъ!»

— Я не ожидалъ такихъ упрековъ отъ васъ, М. Г., не ожидалъ — возразилъ Докторъ. — Мо-

жете говорить что угодно, но не укорять меня въ незнаніи или небрежности. Извольте посмотрѣть мои журналы болѣзни; я готовъ анатомить тѣло вашей внучки, и доказать, что болѣзнь ея была неизлечима, заключалась въ ея сердцѣ....

Дѣдушка не отвѣчалъ ему ничего: онъ обнялъ холодный трупъ Эммы, и плакалъ....

Слезы текутъ и высыхаютъ. И милое и дорогое сердцу человѣческому забывается.

Эмму похоронили на сельскомъ кладбищѣ въ селѣ Княжескомъ, тамъ, гдѣ въ отдѣльномъ склепѣ лежали предки Князя С***, и мирно покоились вокругъ нихъ, принадлежавшіе имъ, крестьяне. Могилѣ Эммы

отвели уединенный уголокъ на этомъ кладбищѣ.

Княгиня нѣсколько времени задумывалась, но потомъ задумчивость ея прошла. «Если и было какое пожертвованіе отъ этой бѣдной дѣвушки, то могла-ли я, мать, заботливая объ участи своего сына, поступить иначе?»

Участь сына! Знала-ли ты эту участь, близорукая смертная?

Насталъ 1812-й годъ. Молодой Князь С*** вырвался изъ сѣтей своей обольстительной Моины, и не смотрѣлъ на слезы матери, которая плакала, но не смѣла уговаривать его остаться. Онъ вступилъ въ тотъ-же гусарскій полкъ, гдѣ служилъ прежде, и явился въ армію, когда она переходила съ Рязанской дороги на Калужскую, послѣ Московскаго пожара. Черезъ

нѣсколько дней послѣ того, въ Приказахъ стояли слова: «*Исключается изъ списковъ: Убитый въ сраженіи, ... скаго гусарскаго полка Корнетъ Князь С***.*» — Пуля Французскаго мародёра прекратила старинный Княжескій родъ.

Вѣрный слуга Князя, бывшій при немъ въ арміи, привезъ гробъ его, на простой крестьянской телегѣ, въ деревню праотеческую.

Здѣсь все уже было опустошено, разграблено; вмѣсто великолѣпнаго Княжескаго дворца видны были однѣ обгорѣлыя развалины. Жители села разбѣжались; церковь сельская была ограблена, превращена въ конюшню; даже гробы предковъ Князя С*** были разрыты.

Вѣрный слуга, съ немногими крестьянами, рѣшился похоронить тѣло молодаго господина своего

въ углу сельскаго кладбища. Стали рыть могилу, и дорылись до какого-то еще свѣжаго гроба.

— Кто-бишь тутъ былъ недавно похороненъ? — сказалъ одинъ изъ крестьянъ, опершись на заступъ.

« Вотъ, забылъ! А та Нѣмка молодая, что жила у Княгини, окрестилась и умерла здѣсь.

— А! да, да!

Порадовались-ли кости твои, Эмма? Привѣтно-ли встрѣтили онѣ своего сосѣда?

Могилы безотвѣтны живущимъ.

Конецъ третьей части.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

БЫЛИ И ПОВѢСТИ,

сочиненныя

Николаемъ Полевымъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1834.

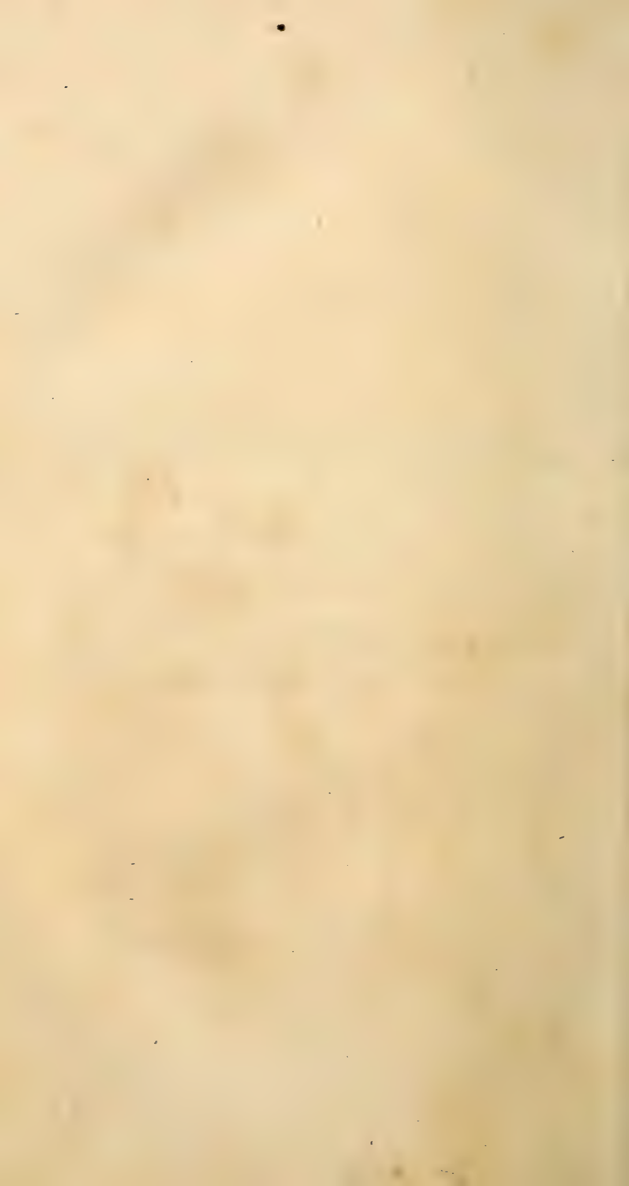
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Іюля 24 дня 1833 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.

МѢШОКЪ СЪ ЗОЛОТОМЪ.

. . И въ городѣ горе, и въ деревнѣ горе — куда отъ горя дѣваться! За то въ городѣ радость, и въ деревнѣ радость; отъ чего-же съ нею-то люди рѣдко встрѣчаются? . . .

Мы плохо знаемъ Русскія деревни: и не диво! Мы проѣзжаемъ въ нихъ, рѣдко гостимъ, никогда не живемъ. Есть-ли время наблюдать, спрашивать, записывать, если наблюдатель скачетъ на почтовыхъ, подлѣ грязной станціи кричитъ только что: *скорѣе*, *скорѣе*, и въ лаковую карету свою требуетъ только подорожную? О скакунахъ

по казенной надобности и говорить нечего. Путешественники наши ѣздятъ по городамъ, а въ городахъ обѣдаютъ у воеводъ, пьютъ чай у предводителей, и въ пятьдесятъ графъ своихъ статистическо-географическихъ описаній вставляютъ свѣдѣнія о посѣвахъ и жатвахъ, на угадъ сказанныя, которыя могли-бы они отыскать въ Петербургѣ. Капитаны-Исправники, не всѣ мастера наблюдать нравы и обычаи, умѣютъ подписывать только свои имена. А помѣщики? Да, они живутъ не въ городахъ иногда, но и не деревняхъ. Будто *псарня*—деревня, будто *господскій домъ* — деревня! Тотъ худо знаетъ бытъ нашихъ помѣщиковъ, кто назоветъ его *деревенскимъ*. Правда, есть разница между житьемъ помѣщика въ городѣ и въ деревнѣ: въ деревнѣ под-

чиваютъ васъ шиповкой, а не Шампанскимъ, возятъ гулять между полями, засѣянными хлѣбомъ, и до смерти надоѣдаютъ вамъ разсказами о жатвахъ и покосахъ; но тутъ и кончилось все деревенское! Тотъже бостонъ послѣ обѣда, тѣ-же слуги съ тарелками за обѣдомъ, тѣ-же концерты, которые надоѣли вамъ въ городѣ, тѣ-же кузины, тетушки и матушки; тѣ-же шляпки и чепчики, гувернёры и моськи, которыхъ вы видали въ городахъ зимою. Иногда помѣщикъ захочетъ показать вамъ деревенскую простоту: прикащикъ сгонитъ на барскій дворъ *мужиковъ и бабъ*, господинъ дастъ имъ поцѣловать ручку, велитъ пѣть, плясать, кланяться, и дозволяетъ напиться до пьяна.

Узнаете-ли деревню въ такомъ деревенскомъ быту? Повторю, что

сказалъ: *мы не знаемъ Русскихъ деревень.* Наши сказочники рѣдко попадаютъ на правду: они списываютъ большею частію не свое, а всего скорѣе ничего не пишутъ о Русскихъ деревняхъ. Отъ того, мы представляемъ себѣ ихъ и хуже и лучше, нежели каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ. Бульварный романистъ розовою водою разрисуетъ вамъ счастье, милое, беззаботное веселье Русскаго пастушка, нѣжную подружку его, сельскую красавицу, а читатель его, когда ѣхавши по большой дорогѣ въѣзжаетъ въ Русскую деревню, тонетъ въ грязи или колотится по деревянной мостовой, видитъ два ряда однообразныхъ, запачканныхъ или выбѣленныхъ хижинъ, нѣсколько колодцевъ по обѣимъ сторонамъ, пестрыя перила вокругъ дворовъ, толпу народа у

питейнаго дома, сельскихъ красавицъ въ понявахъ и сарафанахъ, совсѣмъ не поэтическихъ, когда за нимъ бѣгутъ ощипанные, босые мальчишки и просятъ милостыни... признайтесь, что читателю идиллій розоваго романиста Русская деревня кажется недостойною красокъ и лиры, а розовое описанiе просто враньемъ? Но и бульварный романистъ и читатель его равно ошибаются.

Нѣтъ! Не въ господскiй домъ, не на почтовыхъ и не по большой дорогѣ надобно намъ ѣхать. Посохъ въ руки, далѣе въ сторону отъ пыльной дороги, въ лѣсъ, въ поле: тамъ Русская деревня; идите въ ту деревню, вокругъ которой нетронутые ни Исправникомъ, ни помѣщикомъ, стоятъ огромные стоги сѣна, а на гумнахъ скирды хлѣба

торчатъ какъ сахарныя головы и желтѣютъ отъ лучей заходящаго солнца; мѣльница стучитъ, и колдунъ-мѣльникъ насыпаетъ возы хлѣба; тучныя, беззаботныя стада бродятъ вокругъ. Для чего толпу людей подлѣ Бахусова храма вводить въ характеристику Русской деревни? Это шалуны, повѣсы деревни: этотъ народъ вездѣ водится. Я поведу васъ лучше къ мірской избѣ, гдѣ люди бывалые, какъ лунь сѣдые, и зажиточные крестьяне толкуютъ и судятъ *міромъ* и *съ миромъ*, важно, чинно. Не презирайте ихъ совѣта: дѣло большое занимаетъ ихъ. Батюшкѣ-Царю понадобились люди: у него война за святую Русь съ басурманомъ, съ Французомъ, съ Шведомъ, и они гадаютъ, кому чередъ на Царскую службу, они разстаются съ дѣтьми, съ родными.

Пойдемъ въ церковь ихъ, простую, благолѣпную, посмотримъ на ряды крестьянъ, вглядимся, какъ тихо, внимательно слушаютъ они Слово Божіе, какъ усердно, въ простотѣ сердца, кладутъ земные поклоны. Святость религіи живо почувствуете вы только въ сельской церкви, гдѣ умъ покоренъ вѣрѣ, гдѣ жизнь безвѣстная, начинаясь крещеніемъ въ храмѣ, кончится въ немъ-же, и скромный крестъ дѣдовской могилы виденъ юному внуку изъ оконъ хижины его. Не бойтесь грубаго балахона и зипуна крестьянскаго: подъ ними часто бьется сердце золотое, доброе, горячее. Русскій крестьянинъ говорливъ, словоохотенъ: поговорите съ нимъ, спросите у него; не пугайтесь его неученаго выговора, его невылощеныхъ фразъ: вы найдете въ нихъ умъ свѣжій, простой и,

нерѣдко, сильный. Крестьянки Русскія не пастушки Аркадскія, но какъ часто вы увидите на щекахъ ихъ розы, въ сердцѣ найдете сильныя страсти, услышите отъ нихъ рѣчь умную и смысленную. Подите въ деревню вечеромъ, въ праздникъ, когда хороводы ихъ, издалека видимые, пестрѣютъ на зелени луга: до сердца Русскаго долетятъ звуки ихъ родной, унылой пѣсни; они напомнятъ ему безвѣстную красавицу, погибшую отъ любви къ милому другу, добраго молодца, который не пережилъ красной дѣвицы. . .

Нѣтъ, друзья мои, я знаю Русскихъ крестьянъ, я живалъ, говаривалъ съ ними, просиживалъ вечера въ ихъ бесѣдахъ, въ ихъ хороводахъ, слыхалъ многое, что западало мнѣ въ душу и оставалось въ памяти. У нихъ свой міръ, свои по-

вѣрья, свой умъ, свои недостатки и добродѣтели. Дай мнѣ перо Ирвингъ, Цшокке, я разсказалъ-бы вамъ много, много такого, что стоило-бы разсказа о нашихъ городскихъ красавицахъ, Швейцарскихъ пастухахъ и Шотландскихъ горцахъ. И какъ мнѣ жаль, что я не могу изобразить вамъ настоящаго быта Русскихъ крестьянъ, ихъ жизни, нравовъ, обычаевъ! И въ деревняхъ такъ-же горятъ страсти, такъ-же любятъ, такъ-же бываютъ счастливы и тоскуютъ, какъ въ бѣлокаменной Москвѣ и въ позолоченомъ Петербургѣ. Тамъ есть свои богачи, свои бѣдняки... Кстати, послушайте: мнѣ пришла теперь въ голову *быль* Русская, простая, неукрашенная: я разскажу вамъ, какъ она случилась. Мой разсказъ не выдумка. Въ Москвѣ многіе помнятъ еще эту быль

и не дадутъ мнѣ солгать. Я выведу вамъ Русскихъ крестьянъ, буду говорить ихъ языкомъ, и—припишите моему неумѣнью, если простой разсказъ мой вамъ не понравится.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Москвы жилъ былъ въ одномъ большомъ селѣ крестьянинъ . . . назовемъ его *Ѳедосѣй* , сынъ крестьянина Панкратья ; имени дѣда онъ почти не помнилъ , а прадѣдовой и могилы не зналъ: крестъ съ нея свалился, она вросла въ землю и сравнялась съ землею. Фамилій у крестьянъ нашихъ почти не бываетъ; развѣ изрѣдка привяжется къ кому нибудь изъ нихъ кличка *долгорукаго* , *немазанаго*, *сухаго*, *хромаго*. Горожане страхъ какъ дорожатъ такими кличками, а въ деревняхъ этого обычая не водится. И такъ просто

Ѳедосѣй Панкратовъ, жилъ и поживалъ въ своемъ большомъ домѣ, молился Богу, любилъ жену, любилъ дѣтей (Богъ далъ ему трехъ сыновъ) и мало зналъ горя и кручины. Добрые люди говорили, что Богъ благословилъ Ѳедосѣя за его добродѣтель, его гостепріимство и радушіе ко всякому. Въ самомъ дѣлѣ: у Ѳедосѣя всегда бывали отворены ворота для проѣзжаго и прохожаго. Принималъ онъ ласково, сѣно вѣсилъ честно, овесъ мѣрялъ съ верхомъ, кормилъ сытно, и за все бралъ дешевле другихъ. Съ проходящихъ-же Ѳедосѣй ничего не бралъ, а иногда, видя хвораго, который тащился на родину изъ Москвы, гдѣ работалъ въ потѣ лица и откуда вмѣсто деньжонокъ несъ пустую котомку, Ѳедосѣй дастъ бывало еще бѣдняку на дорогу хлѣба и гривен-

никъ, а инаго, ѣдучи по пути, довезетъ до ближней деревни, и за все требуетъ одного: *помолись за* Ѳедосѣя! Если-же шелъ странникъ, или шла странница, въ Кіевъ, или въ Соловки, Ѳедосѣй всегда бывало пошлетъ на свѣчку. Онъ любилъ и погулять съ пріятелями, но не въ кабакѣ: людъ у него собирался почетный, выборные, сотскіе; самъ староста бывало обнимается съ Ѳедосѣемъ, и увѣреніямъ въ дружбѣ, спасибамъ за хлѣбъ - за соль конца нѣтъ. Ѳедосѣй живалъ на добрую стать: только у него и у старосты въ цѣломъ селѣ были самовары, и когда бывало поразгуляются гости, то самоваръ и на столъ, и пока осушатъ его, воды не жалѣютъ; чай пивали у него всѣ гости съ сахаромъ, въ прикуску, и многіе, жалѣя сахара, уносили кусочекъ его

домой ребятишкамъ, а желтую воду, которую называли чаемъ, выпивали такъ, просто. По самоварамъ что-ли, у старосты съ Ѳедосѣемъ было особое душевное сродство и пріятельство. Ѳедосѣй радовался этому, и не безъ причины: три сына, молодецъ къ молодцу, росли у него; у старосты была дочь—загляденье, и наслѣдница всего добра. Сколько увивалось вокругъ нея молодёжи, сказать трудно! Но красавица Груня ни на кого не смотрѣла. Староста Филаретъ, отецъ ея, высматривалъ, выглядывалъ молодца, хотѣлъ избраннаго принять къ себѣ въ домъ, и вся деревня думала, что Ванюша, младшій сынъ Ѳедосѣевъ, будетъ зятемъ старосты.

Но почему такъ думали люди? Надобно признаться, что хотя всѣ

сыновья Өедосѣевы были молодцы статные, видные, добрые и работящіе, но старшій — зашибался хмѣлиной! Богъ знаетъ, откуда привязалась къ нему эта бѣда: кажется, что и въ роду ихъ не бывало пьющихъ. Кто Русскій человѣкъ не пьетъ? Но выпить съ радости не бѣда, а пить, чтобъ пьяну быть, это, всякій православный скажетъ, не лучше картежничества. Что-жь дѣлать! Бѣда такая случалась, и иногда Өедосѣй куда грозно высчитывалъ ему худыя слѣдствія его дурной склонности. Осипъ плакивалъ съ горя, крѣпился, давалъ обѣщанія отцу и матери, и опять не могъ устоять противъ искушенія. Особливо проклятыя Московскія ресторации пуще всего губили Осипа. Бывало Осипъ пріѣдетъ въ Москву, продастъ хлѣбъ, овесъ, живность,

и только что зазвенитъ у него деньга въ мошнѣ, откуда ни возьмутся *пріятели*, зазовутъ распить полгаленка чаю, разопьютъ: Осипу надобно *поставить* другой, тамъ пивца, и Осипъ начнетъ писать мыслете! Масляные здоровяки, прислужники ресторацій, хорошо знаютъ, чѣмъ приласкать деревенскаго гостя. Ихъ бѣганье, ихъ обольстительное стучанье тарелками и чашками, ихъ услужливые клики: *ась*, *ась*, *ась*, когда гость стучитъ повелительнымъ ножикомъ въ мѣдную полоскательную чашку, все это гибель крестьянскому карману, здоровью и счастью. Знаете-ли, что меня всегда грусть беретъ, когда я хожу по Московскимъ улицамъ и вижу, въ растворенныя окошки, добрыхъ нашихъ крестьянъ вокругъ засаленныхъ скатертей въ рестора-

ціяхъ! Шагу по Москвѣ не ступишь, чтобы не попался вамъ *Лиссабонъ*, *Кракавъ*, *Казань*, или рука изъ облаковъ съ подносомъ и чашками, или два самовара, намазанные по сторонамъ слова: *Растеряція*. Я готовъ бы каждому посѣтителю ихъ сказать: «Что ты здѣсь дѣлаешь, «бѣднякъ! Бѣги домой, стыдись торжественнаго, краснаго лица сво«его; купи лучше на свой рубль са«екъ домой, обновку женѣ . . . луч«ше брось ихъ въ воду, а не трать «въ ресторацiи.» . . . . Но, *пріятели* вѣрно не такъ говорятъ, и не такъ говаривали они Осипу Ѳедосѣеву. Пріятели въ крестьянствѣ тоже, что въ высшихъ обществахъ картежные игроки: это выжига, подторговщики, кулаки базарные: они бываютъ богатые и бѣдные. Всѣ порядочные люди отъ души ихъ пре-

зираютъ; многихъ можете отличить по щегольскимъ жидовскимъ кафтанчикамъ, по жилету, по галстуху, по подбритымъ волосамъ: но ихъ терпятъ въ деревняхъ, такъ, какъ терпятъ игроковъ наши знатные бояре, Графы и Князья; съ ними совѣтуются какъ съ людьми опытными. Къ несчастію, часто въ свѣтѣ принимаютъ плутовство и шалости за *опыты*, и испытаннаго въ шалостяхъ и плутовствѣ называютъ въ деревняхъ *бывалымъ*, *тертымъ калачемъ*, *прошедшимъ сквозь огонь и воду*, а въ городахъ *опытнымъ*, *перегорѣвшимъ въ страстяхъ*.

Но я заговорился, и забылъ, о чемъ шло дѣло. Разумѣется, что Осипъ не могъ уже нравиться старостѣ и быть суженымъ Груни. Братъ его средній былъ что называютъ у насъ мизантропъ, а въ де-

ревнѣ *нелюдимъ.* Съ измала онъ росъ молчаливый, угрюмый, не ходилъ въ посидѣлки и хороводы, бѣгалъ отъ людей, а въ бесѣдахъ сидѣлъ задумавшись, какъ будто иголку проглотилъ. Отцу нечего было на него пожаловаться: Сергѣй былъ притомъ овечка дома и волъ на работѣ. Что-же? Вѣдь не вложишь веселья въ душу, когда она веселиться не хочетъ! Бываютъ ужь такіе невеселые люди съ роду, Богъ знаетъ отъ чего. Такому человѣку дайте чиновъ и почестей, золота и серебра, и добрую жену и всякихъ земныхъ благъ: у него душа все отталкиваетъ, ей все не мило; хандра, какъ червякъ, точитъ сердце, и напрасно говорятъ, что у простыхъ людей ея не бываетъ. Такой нелюдимъ могъ-ли понравиться Грунѣ, веселой, рѣзвой? Сергѣй-же ска-

залъ отцу своему на отрѣзъ, что никогда не хочетъ жениться. Ѳедосѣй думалъ, качалъ головою, наконецъ сказалъ: *авось образумится*, и оставилъ попеченіе, тѣмъ болѣе, что Ванюша, третій сынъ его, любимецъ матушкинъ, былъ и красивѣе обоихъ братьевъ, и нисколько не походилъ на нихъ.

Вотъ былъ красавецъ, и душой и тѣломъ! Русые волосы его кудрявились на головѣ сами собою; румянецъ игралъ во всю щеку, хотя загорѣлое лицо и грубыя руки показывали, что Ванюша былъ не бѣлоручка. Въ самомъ дѣлѣ: никто лучше его не умѣлъ сладить бороны, обтесать доски, загородить клѣтушки, покрыть соломою навѣса, выпрячь, запрячь и въ ухабѣ сберечь, какъ говоритъ пословица. На покосѣ онъ шелъ всегда въ пер-

-вой косѣ; вѣрно узнавалъ онъ ведро и ненастье по примѣтамъ, и ничто изъ рукъ у него не вываливалось. Но бывши первымъ въ работѣ, онъ не былъ вторымъ и на посидѣлкахъ и въ хороводахъ. Когда въ праздникъ выходилъ онъ щеголемъ, въ своей черной поярковой шляпѣ, красной александрійской рубашкѣ, шелковомъ пояскѣ съ серебромъ, въ кафтанѣ на распашку, и шелъ по деревнѣ, то всякой дѣвушкѣ бывала надобность выбѣжать за вороты или выглянуть за окошко: то надобно было подать Христа ради; то надобилось бѣжать къ колодцу за водою; то курицы уходили далеко; то маленькіе братишки плакали. Но что и говорить о причинахъ, когда дѣвушка ихъ сыскиваетъ! Мнѣ кажется иногда, что Богъ замѣнилъ у жен-

щинъ умъ хитростью, и дѣвушки такъ-же бываютъ хитры въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, когда надобно украсть минутку у работы, или провести старушку бабушку и старичка дѣдушку. Я самъ видалъ... Но что толковать о старинѣ! Разумѣется, что Ванюша не былъ олухомъ при ласковости своихъ сосѣдокъ. Къ одной подвертывался онъ съ привѣтливымъ словцомъ; другой кланялся; идя мимо третьей, затягивалъ пѣсенку, въ которой величались ея черные глаза, или русые волосы. А глаза Ванюши говорили лучше всякихъ пѣсенъ: этотъ разговоръ понятенъ вездѣ. За то конца не было привѣтствіямъ. «Ванюша, здорово!» раздавался тоненькій голосокъ съ одной стороны. — «Куда ты, Ваня?» говорили съ другой.—«Иванъ Ѳедосѣичь! здрав-

ствуй. Каково ты живешь? Будешь-ли сегодня у свата Парамона?» спрашивала третья. А когда въ хороводахъ и на посидѣлкахъ являлся Ванюша, тутъ-то бывало шушуканья у дѣвушекъ. Пѣсню-ли онъ запѣвалъ, голосъ его заливался въ звонкихъ перекатахъ; сказку-ли начиналъ сказывать, прибауткамъ и присказкамъ счета не было. Дѣвушки смѣялись, хохотали, сердца ихъ бились сильно, сильно, щеки горѣли, глаза сіяли, какъ звѣзды: въ деревняхъ не умѣютъ скрывать сердечнаго чувства. Староста Филаретъ улыбался, поглаживалъ бороду и усы, и толкалъ Ѳедосѣя, когда Ванюша начиналъ пляску съ Грунею. Ѳедосѣй готовъ былъ самъ пуститься въ присядку съ радости, и только что бывало не вымолвитъ: «Ну, братъ, Филаретъ

Карпычъ: какова парочка?» Груня шла павою, а Ванюша соколомъ подлеталъ къ ней и коршуномъ вился вокругъ красавицы.

Но вотъ бѣда! Вдругъ дѣвушки разлюбили Ванюшу, и по дѣламъ: онъ пересталъ имъ кланяться, заигрывать съ ними, зашучивать. Что за спѣсь такая? Какая спѣсь! У Ванюши на сердцѣ зашевелилось что-то напущенное. Онъ сталъ не веселъ, не разговорчивъ, задумывался... Ужь не братнина-ли хандра на него навязалась? Нѣтъ! онъ разлюбилъ всѣхъ и полюбилъ *одну*, и такъ полюбилъ, что ему не спалось, не пилось, не ѣлось. Эта *одна* была Груня, дочь Старосты Филарета. Богъ знаетъ отъ чего: видалъ онъ ее прежде, и пѣвалъ съ нею, и говаривалъ, и плясывалъ, а все не догадывался, что она такая

близкая родня его сердцу, что безъ нея свѣтъ не милъ ему, а съ нею только онъ и хорошъ и красенъ. Странное дѣло, что и къ Грунѣ перешла такая-же тоска: она сидѣла дома, повѣся голову, сложа руки, и мать не одинъ разъ вспрыскивала ее святою водою, крестила, благословляла, и все было безполезно: Грунѣ не становилось радостнѣе. Дивитесь еще тому, что ни Груня Ванюшѣ, ни Ванюша Грунѣ не смѣли сказать словечка, даже стали рѣже сходиться вмѣстѣ, тосковали не видя другъ друга, а если знали, что гдѣ-нибудь могутъ встрѣтиться, то не шли туда. Еще больше: имъ показалось, что они даже не любятъ другъ друга. Если это кажется вамъ невѣроятнымъ, то вы не любили, или любили только половиной сердца. Такова бываетъ

любовь настоящая. Дѣвушки! не вѣрьте краснобаю, если онъ вамъ красиво сказываетъ, какъ онъ васъ любитъ, какъ ему ничто не мило безъ васъ! Спросите у меня: я любилъ, я натерпѣлся горя отъ злодѣя сердца, и я скажу вамъ, что тотъ, кому суждено сердце ваше, тотъ сначала покажется вамъ и дикъ, и нелюдимъ; вамъ покажется, будто онъ даже не любитъ васъ и вы его не любите! Видали-ль вы грозу? Вспомните, что сперва найдетъ черная туча, и все заволочетъ въ глазахъ вашихъ: темно, грустно, тоскливо, а потомъ уже засверкаютъ молніи и покатится громъ, и снова засвѣтитъ солнце. Туча—первая тоска любви; громъ и молнія — любовь сердечная; громомъ и молніей небо цѣлуется съ землею, какъ женихъ съ невѣстою.

Но какъ-же это случилось, что Ванюшѣ запала тоска на сердце, когда прежде ея не было? Знаете-ли вы, красавицы, ревность? Если не знаете, не дай вамъ Богъ знать ее; но то горе, что по ней только узнается любовь! Вамъ покажется — не то, что васъ не любятъ— это-бы ничего... но что любятъ другаго, или другую! Нелюбовь все еще можно снести: можно умереть, и надежда гробовой тишины развѣ не отрада душѣ? А ревность и за гробомъ не даетъ покоя: каждая улыбка счастливца шевелитъ бѣдный прахъ отверженнаго; грустно, тяжело и въ могилѣ отказаться отъ пріюта, въ которомъ отказало намъ въ здѣшнемъ мірѣ сердце человѣческое!

Вотъ такую-то тяжелую ревность узналъ Ванюша, а съ нею

узналъ и то, что онъ — *любитъ* Груню! Когда прежде онъ краемъ уха слыхалъ, что ихъ называли ровней, парочкой, любовь была для него тоже, что жизнь для здороваго: онъ ея и не чувствовалъ; а когда ревность, какъ злая болѣзнь, привязалась къ нему, онъ увидѣлъ, что безъ любви Груниной и свѣтъ Божій не милъ, такъ, какъ въ болѣзни только мы узнаемъ, что жизнь дорога, мила человѣку.

Совсѣмъ нечаянно въ селѣ появился *Москвичъ:* это былъ сынъ одного тамошняго старика, но онъ смолоду ушелъ въ Москву, жилъ въ Москвѣ долго, пропадалъ безъ вѣсти, торговалъ въ овощной лавочкѣ, переколачивалъ всякою всячиною — и совѣстью, какъ говорили многіе. Этотъ Москвичъ пріѣхалъ въ село, когда услышалъ о

смерти старика отца. « Не велико, братъ, твое наслѣдство! » говорилъ ему Староста, вводя его въ запустѣвшую отцовскую хижину, бѣдную и закоптѣлую. Но Москвичъ вѣрно зналъ лучше Старосты, что у старика водилось добро. Щегольски былъ онъ одѣтъ, весело смѣялся. И вотъ началъ онъ переворачивать старыя ветошки, распечаталъ и растворилъ сундукъ, на которомъ спалъ и умеръ старикъ, отецъ его, и — какъ изумился Староста, когда изъ сундука Москвичъ вытащилъ пучки ассигнацій, свертки рублевиковъ, все старинныхъ! По всей деревнѣ заговорили о богатствѣ Москвича; онъ гоголемъ заходилъ по улицѣ, сталъ приторговывать себѣ домъ, началъ ластиться къ дѣвушкамъ. Ванюша пришелъ на бесѣду къ Старостѣ; и что-же?

Подлѣ Груни сидитъ Москвичъ, говоритъ и смѣется, и Груня разговариваетъ съ нимъ и смѣется; Ванюшѣ показалось, что она и не глядитъ на него! Бѣдный Ванюша! Гдѣ-бы Москвичу такъ сплясать, спѣть; но Ванюша сидѣлъ, какъ истуканъ, въ глазахъ у него было темно, голова кружилась, а Мосвичъ отличался: языкъ его былъ настоящая трещотка. Онъ не умѣлъ пѣть и плясать; за то разсказывалъ о Москвѣ, о Кремлѣ, объ Иванѣ Великомъ, Сухаревой башнѣ, боярскихъ домахъ, садахъ, большомъ Московскомъ колоколѣ, и всѣ его заслушались, зазѣвались! Чего Ванюша не смѣлъ-бы сдѣлать года въ три, Москвичъ сдѣлалъ въ три дня. Онъ увѣрялъ уже всѣхъ, что свелъ Груню съ ума; что сватается уже за нее; что Староста согласенъ...

Ванюша не зналъ, что дѣлать: говорить-ли съ Груней; упасть-ли въ ноги къ отцу и матери, и просить ихъ родительскаго благословенія? Между тѣмъ другая, тяжкая бѣда легла у него на плечахъ.

Если люди говорили, что Богъ благословлялъ Ѳедосѣя за его добродѣтель, то отъ чего-же вдругъ напасти нашли на этого добраго человѣка? Люди говорятъ, что будто безъ бѣды вѣкъ прожить, значитъ не быть любимцемъ Божьимъ, и что судьбы Божіи испытываютъ человѣка бѣдствіями, чтобы онъ не забывался во всегдашнемъ счастьѣ, и въ бѣдахъ перегаралъ на новое счастье, какъ золото въ горнилѣ. Правда, истинная правда; но правду эту узнаютъ послѣ, а когда горе посѣтитъ человѣка, то куда горько быть съ этимъ

гостемъ; и *любимца Божьяго*, бѣдняка, люди страхъ какъ не жалуютъ. Справедливо-ли они поступаютъ, не знаю; знаю только, что когда у человѣка есть гдѣ попировать, есть что занять, то вокругъ него народъ вертится, какъ пчела вокругъ улья, а когда человѣкъ горемыкой засядетъ безъ хлѣба, то ни одинъ не привернется къ нему, ни одно ласковое слово не приголубитъ его; люди идутъ мимо: бѣдность не ихъ, а Божье дѣло! Иногда, смотря на міръ православный, подумаешь, что въ свѣтѣ только два рода людей: одни, у которыхъ *есть* деньги; другіе, у которыхъ *нѣтъ* денегъ; первымъ все хорошо и ладно, другимъ все плохо и неладно, и эти два разные рода не братья другъ съ другомъ!

Такъ случилось и съ Ѳедосѣемъ. Вдругъ ночью, когда всѣ спали, за

горѣлся у него домъ, разомъ вспыхнулъ, и едва Ѳедосѣй и семья его успѣли выскочить. Домъ горѣлъ, какъ свѣча; тушить было нѣкому, потому, что сосѣди отстаивали свои домы, а другіе едва успѣвали тушить головешки, которыя разносило по всей деревнѣ. Трубъ пожарныхъ въ нашихъ деревняхъ не знаютъ; правда, у воротъ каждаго дома написано, кому съ чѣмъ бѣжать на пожаръ: иному съ топоромъ, другому съ багромъ, третьему съ ведромъ; да это написано на воротахъ, а не на сердцѣ. Притомъ-же люди лѣнивы бѣгать на чужую бѣду. Пока просыпались, зѣвали, спрашивали гдѣ горитъ, жалѣли, словомъ: пока сошелся народъ—на мѣстѣ Ѳедосѣева дома было только пожарище, выгоралъ погребъ и торчали черныя вереи воротъ, да печька.

Однакожъ, смѣлымъ Богъ владѣетъ: дѣти Өедосѣевы бросались въ огонь, вынесли благословенную икону, сундукъ, вывели пару лошадей, корову, хотя едва сами не сгорѣли. Өедосѣй не плакалъ, молчалъ, когда народъ шумѣлъ, спрашивалъ: отъ чего и какъ загорѣлось, когда каждый отвѣчалъ, разсказывалъ, толковалъ, совѣтовалъ, жалѣлъ. «*Божья воля!*» промолвилъ наконецъ Өедосѣй, съ глубокимъ вздохомъ. Ахъ! онъ посмотрѣлъ на своихъ полунагихъ, обожженныхъ дѣтей, и на душѣ его стало горько.

И вотъ Өедосѣй безъ дома. Этобы еще ничего; но вдругъ открылось, что въ сундукѣ его не было пучка ассигнацій и свертка рублевиковъ, какъ у родителя Москвича. Былъ у него запасъ хлѣба и добра — сгорѣлъ; были долги за разны-

ми, но если нѣтъ должнику надежды занять еще, то заимодавецъ можетъ поклониться своимъ деньгамъ. Такъ и съ Ѳедосѣемъ сбылось: у одного изъ должниковъ его не случилось денегъ, другой обѣщалъ, третій хотѣлъ отдать: никто не платилъ. Нѣчего дѣлать. Пошелъ самъ Ѳедосѣй занимать. Знаете-ли, что для человѣка, бывшаго богачемъ, ничего нѣтъ тяжеле первыхъ дней его скудости! Еще платье его и лицо не угнетены злодѣйкою-бѣдностію, еще не привыкъ онъ къ униженію, къ безстыдству, съ какою бѣднякъ проситъ, обѣщаетъ, слышитъ отказы, кланяется, а люди уже перемѣнились къ нему совершенно, видятъ въ немъ нищаго, и тѣмъ сильнѣе язвятъ его сердце своими шутками, разспросами, самою жалостью своею. По

крайней мѣрѣ, такъ все кажется бѣдняку. Я увѣренъ, что люди добрѣе, нежели мы о нихъ думаемъ, судя по видимому; но винитпе несчастное положеніе всѣхъ предметовъ въ мірѣ: счастливецъ смотритъ на нихъ съ одной стороны, гдѣ свѣтъ, а несчастливецъ съ другой, гдѣ тѣнь: одному свѣтло, другому темно. Бѣдность иногда похожа на преступленіе: не объ ней говорятъ, а она краснѣетъ; о ней сожалѣютъ, а она думаетъ, будто надъ нею смѣются. Что дѣлать! И вотъ нужда гнетъ бѣдняка помаленьку, пока онъ отучится глядѣть на небо, и станетъ ходить наклонясь къ землѣ, какъ будто ищетъ потеряннаго клада; но клады нынѣ рѣдки на бѣломъ свѣтѣ... гдѣ найдти ихъ! Такъ и идетъ дѣло въ своемъ порядкѣ, пока могила

всѣхъ уравняетъ, богачей и бѣдняковъ.

Уже добрыя дѣти Өедосѣя очистили мѣсто пожарища; на деньжонки, которыя успѣли собрать, купили лѣсу, ладили, строили, но еще недоставало много, чтобы на мѣстѣ бывшаго большаго дома построить хоть небольшой домишко, вмѣсто тесу покрыть его соломой, и укрыться отъ зимняго холода. Өедосѣй жилъ въ избѣ своего сосѣда, изъ дружбы... Но въ чужомъ углу куда тѣсно жить: и горшокъ щей Өедосѣевыхъ какъ будто мѣшалъ горшку щей его хозяина, и хозяйской коровѣ мѣшала корова гостя. Задумавшись, Өедосѣй пришелъ къ Старостѣ Филарету, старому другу, съ которымъ часто пивалъ изъ одной кружки. Въ сѣняхъ встрѣтила его Груня, обрадо-

валась, чуть не заплакала, и Ѳедосѣй, вспомня былое, также чуть не заплакалъ. «Добрая примѣта!» подумалъ онъ, вошелъ въ свѣтлицу, помолился... Черный воронъ, Москвичъ, сидѣлъ уже тутъ, и Староста на веселѣ шумно разговаривалъ съ Москвичемъ. «Ѳедюха, здорово! Что скажешь, братище?» проговорилъ Староста, поворачиваясь къ Ѳедосѣю, но не вставая. Будто морозомъ обдало Ѳедосѣя: съ нимъ говорили уже, какъ съ бѣднякомъ! Но, скрѣпя сердце, онъ хотѣлъ заговорить о постороннемъ: его не сажали, а когда онъ самъ сѣлъ, Староста поднялъ бороду къ верху и горделиво промолвилъ: «Аль усталъ, Ѳедюха? Ты сегодня что-то нарядѣнъ.» Только тогда Ѳедосѣй замѣтилъ, что на немъ былъ праздничный старый кафтанъ

его. «Да другаго кафтана не осталось, Филаретъ Карпычъ, и по неволѣ наряжаюсь.» — Плохо, Ѳедюха, скоро износить—отвѣчалъ Староста. «Тогда выпрошу у нищаго лохмотья, или стану грѣться на солнышкѣ: Богъ даромъ даетъ намъ свѣтъ и тепло.»

Оба замолчали. «Мнѣ недосужно, братъ, теперь: у насъ, вотъ съ господиномъ-то есть дѣльцо; такъ, знаешь, лишніе люди мѣшаютъ,» сказалъ Староста. — И я было за дѣльцомъ къ тебѣ, Филаретъ Карпычъ...—«Да, что у насъ съ тобой за дѣла, говори: не въ займы-же вѣдь ты пришелъ просить?» Ѳедосѣй поблѣднѣлъ съ горя. «Неуже-ли,» подумалъ онъ, «на лицѣ у меня уже написано, что я пришелъ къ нему христорадничать!» И въ горести опустилъ онъ голову.

Староста, ничего не замѣчая, началъ говорить о скудости, дороговизнѣ, тяжелыхъ временахъ. Москвичъ *ничего* не говорилъ; но взоры его... Ахъ! взоры богача, когда съ бѣднякомъ говорятъ о бѣдности, нестерпимы: въ нихъ высказано все, что человѣкъ таитъ во глубинѣ своего сердца и откроетъ только въ день Послѣдняго Суда! Когда Староста кончилъ рѣчь, и снова повторилъ свой вопросъ: «Такъ тебѣ видно деньжонокъ надобно?» Ѳедосѣй глухо отвѣчалъ: *Нѣтъ!* схватилъ шапку, поклонился и ушелъ.

Твердыми шагами дошелъ онъ до пожарища своего; но когда увидѣлъ тамъ дѣтей своихъ, работающихъ на жару, въ потѣ лица, когда услышалъ веселую пѣсню, которую пѣлъ Ванюша, едва сдвигая тяжелое

бревно — силы его оставили, онъ сѣлъ на отрубкѣ и горько зарыдалъ. У крестьянъ чувства грубѣе нашихъ слабыхъ, нервныхъ чувствъ; но когда горесть пробьетъ крѣпкую кожу, потрясетъ сильные мускулы, горесть походитъ на тяжкую лихорадку. Развѣ грубый крестьянинъ не налагаетъ на себя рукъ, не губитъ иногда души своей? Какому же сильному чувству должно возмутить душу человѣка въ здѣшнемъ мірѣ, когда онъ губитъ ее на вѣки и въ будущемъ свѣтѣ! Будемъ дорожить горестями, слезами кресіьянина: слезы его ѣдки, и напечатлѣнное ими никогда не изглаживается передъ Богомъ. . .

Дѣти Ѳедосѣя, видя отца своего всегда грустнымъ и унылымъ, не утѣшали его: они не умѣли утѣшать словами. Когда Ѳедосѣй за-

плакалъ, они перестали только пѣть, и молча работали.

Я скажу вамъ, напротивъ, дивное дѣло: съ тѣхъ поръ, какъ сгорѣлъ домъ Ѳедосѣя, дѣти его совсѣмъ перемѣнились. Сергѣй, всегда задумчивый, угрюмый, вдругъ повеселѣлъ, началъ смѣяться; иногда сидѣлъ долго одинъ, разводилъ руками, что-то говорилъ про себя, крестился, но не грустилъ. Ванюша былъ какъ темная ночь на другой день послѣ пожара, а на третій такъ сдѣлался веселъ, что мать долго смотрѣла на него и творила молитву. Разскажу, отъ чего все это было.

Принимая участіе въ общей печали, Ванюша еще болѣе сокрушался, когда думалъ, что въ этомъ пожарѣ сгорѣли всѣ его надежды на счастье: онъ сталъ бѣд-

някомъ! «Что-жъ за бѣда?» говорилъ онъ. «Я молодъ, здоровъ, поле «у насъ не выгорѣло: сыты будемъ; хату сгоношимъ опять, «хотя и поменьше, а можетъ Богъ «благословитъ насъ, еще разживемся лучше прежняго. Но Груня! «Господи Боже мой! ей ужъ не «бывать за мною: она богата, «отецъ ея Староста, а я сынъ «бѣдняка! И сама Груня станетъ-«ли ждать, пока я разбогатѣю? «Этотъ Москвичъ проклятый оглушитъ отца звономъ своихъ де-«негъ, облелѣетъ дочь своими ла-«сковыми словами... пропала моя «голова!» Но тутъ началъ онъ думать, что Груня и не любитъ его, что онъ никогда не былъ ей милъ. Вотъ бѣдный Ванюша ходилъ цѣлый день кручиненъ, печаленъ, куда дѣвалась у него вся охота

работать, трудиться. — Но отъ чего сдѣлался онъ веселъ на другой день? Если хотите: это маленькая дѣвичья тайна, и я боюсь, чтобы дѣвушки не почли меня болтливымъ, не перестали мнѣ сказывать тайнъ своихъ... А знаете-ли, какъ весело быть повѣреннымъ тайнъ милой дѣвушки, говорить откровенно съ ея чистою, какъ весеннее небо, душею? Что дѣлать! Я обѣщалъ сказать, и исполню обѣщаніе.

Въ деревнѣ Ванюшѣ показалось душно; ему мерещилось, что все еще дымъ отъ пожара выѣдаетъ глаза и невольно заставляетъ навертываться на глазахъ слезы; онъ побрелъ въ поле, въ лѣсъ, ходилъ самъ не зналъ гдѣ; вдругъ глядь... передъ нимъ Груня! Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Груня ходила

въ ближнюю деревню къ теткѣ, и какъ будто знала, что поворотя ближнею, окольною дорогою, она встрѣтитъ что-то радостное. Мудрый Сократъ имѣлъ у себя услужливаго демона, который шепталъ ему куда идти; у дѣвушекъ есть такой демонъ: это ретивое ихъ сердце, вѣщунъ и отгадчикъ. Груня ахнула, испугалась; Ванюша также испугался. . . Чего-бы кажется? Но испугъ бываетъ продолжителенъ только при людяхъ, а тогда, кромѣ алаго солнца, катившагося за дальнее поле, и свѣтлой вечерней звѣзды, блиставшей на другомъ краю небосклона, не было другихъ свидѣтелей: Ванюша и Груня были одни одинёхоньки, и черезъ нѣсколько минутъ рука Груни была въ рукѣ Ванюши, и одинъ взоръ Груни высказалъ ему все, о чемъ

онъ крушился, горевалъ и тосковалъ.

«Груня душа моя!»

— Ванюша милый другъ мой!

Они забыли вчерашній пожаръ, забыли, что теперь они не были уже ровнею въ глазахъ людей, и крѣпко обняли они другъ друга.

Не буду разсказывать, что они говорили. И что-бы могъ я разсказать вамъ? Такихъ разговоровъ не помнятъ и сами разговаривавшіе: помнятъ только, что сердцамъ ихъ было хорошо, какъ на небѣ, что время летѣло непримѣтно, а что говорено—Богъ знаетъ! Одно слово: *люблю*, остается отъ всей бесѣды.

Ванюша узналъ, что Груня *любитъ* его, сказалъ Грунѣ о своемъ горѣ, и—«Не уже-ли ты думаешь, что я забуду тебя, когда ты сталъ бѣденъ?» сказала ему Груня.

— Нѣтъ, не думаю; но твой отецъ, Груня... Охъ! этотъ Москвичъ...

« Провались онъ съ своимъ золотомъ и съ деньгами! Кромѣ тебя, ни за кѣмъ не быть Грунѣ: ты, или никто! »

Тутъ Груня разсказала, какъ безстыдно налгалъ на нее Москвичъ. Груня ни однажды не сказала ему даже ни одного ласковаго слова. Онъ сватался, правда, за нее, и Филаретъ былъ согласенъ, но Груня отказалась, и со слезами молила отца не губить ее.

— Тебя принудятъ, Груня! Кто противъ власти родительской?

« Да развѣ языкъ у меня отсохнетъ сказать: *нѣтъ!* если-бы и насильно притащили меня къ налою? Вѣдь батюшка нашъ Священникъ

всегда спрашиваетъ... Ты разживешься — подождешь. . . »

— А между тѣмъ?

« А между тѣмъ, будто я не найду отговорокъ: годъ притворюсь больною, на другой — безумною. . . »

— Груня, Груня! я буду причиною, что вмѣсто веселья житье твое будетъ горькое.

« Но какое-же веселье было мнѣ до сихъ поръ? Я теперь только и стала весела, когда узнала, что ты вправду меня любишь. Не бойся: я сказала уже батюшкѣ, что дала обѣщанье идти въ Кіевъ съ бабушкой на богомолье, и къ Троицѣ... За тебя буду я молиться, Ванюша, за твое здоровье — и вотъ годъ пройдетъ, тамъ еще годъ... Довольно-ли тебѣ *два* года?

— Груня! — вскричалъ Ванюша —

въ два года я разбогатѣю снова, право разбогатѣю, и пусть тогда отецъ твой возметъ за тебя все мое доброе! — Онъ такъ крѣпко обнялъ Груню, что она испугалась, вырвалась и убѣжала.

И послѣ этого еще-бы не повеселѣть Ванюшѣ, еще-бы матери его не удивляться его веселью! Ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что *два года* Богъ вѣсть сколько времени; что въ два года онъ успѣетъ опять нажить столько, чтобы потягаться съ Москвичемъ и перетягать его. Радостно вставалъ онъ на зарѣ, радостно работалъ и пѣлъ за работою. Груня прошла мимо, и цѣлый день пролетѣлъ для него весело.

Веселись, бѣдное дитя природы, веселись: ты не знаешь еще, какъ тяжело, невозможно пріобрѣсть права на руку Груни, если для

этого надобно *нажить деньги!* Все другое легко: будь добръ и честенъ, наживешь *доброе имя;* будь работящъ и прилеженъ — будешь *сытъ и доволенъ.* Но *нажить деньги* трудно, и быть счастливымъ, если безъ этого не льзя быть счастливымъ — не суждено тебѣ никогда! Золото не падаетъ съ неба въ суму бѣдняка; люди не дарятъ его тому, кто на него можетъ купить себѣ счастье. Отецъ твой узналъ уже эту истину у отца Груни. . .

Но въ свѣтѣ не безъ добрыхъ-же людей. Недуманно, нежданно, вдругъ застучала по деревнѣ повозка: ѣхалъ торгашъ, *ходевщикъ, Суздалъ.* Знаете-ли, что это за люди?

Такъ называются торгаши, которые ѣздятъ изъ одного конца

Руси въ другой, по городамъ, ярмаркамъ, деревнямъ, и вездѣ добрые гости, вездѣ умѣютъ выгадать копѣйку, поторговаться. Ходевщиками называютъ ихъ потому, что они вездѣ ходятъ съ своимъ товаромъ, и въ барскій домъ, и въ крестьянскую избушку; Суздалами потому, что большая часть ихъ родомъ изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ земли много, но хлѣбъ худо родится, и жители принуждены промышлять рукодѣльемъ, а другіе торговать. Нѣтъ худа безъ добра: они наживаютъ огромныя деньги, которыхъ не выпашетъ себѣ крестьянинъ въ самой хлѣбородной губерніи. Съѣзжаясь въ Москву, Суздала забираютъ себѣ товаръ, половину въ долгъ, половину на деньги, укладываютъ въ повозку, и ѣдутъ куда глаза глядятъ. Имъ

все рука: продать, купить, промѣнять; есть у них книги и пестредка, парча и холстъ, бархатъ и ситецъ. Пріѣхалъ Суздалъ въ деревню — вотъ и ярмарка, а гдѣ ярмарка, тамъ и ходевщикъ.

Такой-то торгашъ пріѣхалъ теперь въ деревню, и прямо къ гостепріимному Ѳедосѣю, когда тотъ, сложа руки, смотрѣлъ на новый домишко свой, и не зналъ, что дѣлать. Домишко выведенъ былъ только до верхняго вѣнца окошекъ, и достроить его было нечѣмъ.

Какъ изумился старый знакомый, когда, вмѣсто пріюта, приволья, хлѣба-соли и чаю, онъ увидѣлъ всегдашнюю свою квартиру въ обгаркахъ, и радушнаго, всегда веселаго хозяина въ горѣ, въ раздумьѣ!

Начались разспросы, разсказы. Гость качалъ головою, кряхтѣлъ, и, выслушавъ все, весело хлопнулъ Ѳедосѣя по плечу, примолвя: «И! не грусти! Гдѣ была вода, тамъ и будетъ.»

— Будетъ? — спросилъ печально Ѳедосѣй.

«Будетъ!» повторилъ гость. «Пойдемъ къ тебѣ на квартиру, да отдохнемъ; утро вечера мудренѣе.»

Хоть и въ чужомъ углу, Ѳедосѣй угостилъ пріѣзжаго чѣмъ Богъ послалъ. Привыкши ночевать и въ хоромахъ боярскихъ и въ цыганскомъ таборѣ, ходевщикъ напоилъ лошадей своихъ, задалъ имъ на ночь овса, помолился, растянулся на лавкѣ, положа кафтанъ подъ голову, и тотчасъ захрапѣлъ. Назавтра, чѣмъ свѣтъ всталъ онъ,

смазалъ свою повозку, и отвелъ Өедосѣя въ сторону.

Молчаливо пошелъ съ нимъ Өедосѣй. Онъ и не думалъ просить у него помощи. Кромѣ того, что у купца никогда не бываетъ лежачихъ денегъ, извѣрившись въ пріятеляхъ, Өедосѣй не хотѣлъ лишній разъ слышать отказа. Какъ-же изумился Өедосѣй, когда гость его самъ предложилъ ему 100 рублей готовыхъ, и 100 рублей, черезъ три мѣсяца, съ тѣмъ, если онъ отдастъ ему сына Сергѣя въ работники! «Я говорилъ ужь съ нимъ,» сказалъ добрый Суздалъ, «и Сергѣй твой согласенъ: малой онъ не разгульный, приучиться къ нашему дѣлу не долго; я становлюсь старъ, а поле твое обработаютъ двое другихъ сыновей. Я далъ себѣ зарокъ не давать въ долгъ и въ ссу-

ду; но теперь не въ долгъ даю и зарока не переступаю. Мнѣ надо помощника.» Θедосѣю казалось, что Богъ умилостивился надъ нимъ. Позвали Сергѣя, и тотъ пришелъ веселый, радостный. Объяснилось все дѣло: Сергѣя всегда тяготило деревенское бездѣйствіе; все ему казалось, что не на одномъ мѣстѣ человѣку должно жить, а бродить по бѣлу свѣту; отецъ вѣрно не отпустилъ-бы его прежде, но теперь Сергѣй исполнялъ свое желаніе, давалъ неожиданную помощь отцу, видѣлъ передъ собою открытымъ бѣлый свѣтъ, и радовался пуще Ванюши. Суздалъ вынялъ свою кожаную книжку, отсчиталъ новенькими бумажками 100 рублей, вычелъ за промѣнъ, Сергѣй одѣлся, и повозка покатилась въ ближнее село, гдѣ въ тотъ день была ма-

ленькая ярмарка. «Въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей!» говорилъ Ѳедосѣй, пересчитывая въ третій разъ свою сотню рублей. Ему казалась она богатствомъ, когда прежде и самъ онъ ссужалъ другимъ по полусотнѣ.

Пошу послѣ этого угодить на людей! Когда Ѳедосѣй былъ богатъ, онъ не зналъ цѣны своимъ деньгамъ, Ванюша его печалился, Сергѣй хмурился; теперь, когда всѣ они обѣднялн, Ванюша былъ веселъ, Сергѣй тоже, и Ѳедосѣй узналъ, что Русская пословица не лжетъ: не въ счетѣ деньга, а въ цѣнѣ.

И такъ отстроили домикъ Ѳедосѣевъ. Еще до заморозовъ попросилъ онъ къ себѣ Священника, отслужилъ молебенъ, и съ благословеніемъ Божіимъ перешелъ въ новое свое

жилище. Осипъ поѣхалъ въ Москву и привезъ всю выручку сполна. Теперь, имѣя опять домъ, и не нуждаясь ни въ чьей помощи, Ѳедосѣй явился на мірскую сходку по прежнему, былъ уважаемъ другими, но не могъ однакожь не замѣтить разницы прежняго и нынѣшняго житья своего. Никто не попрекалъ его ни чѣмъ, но... уже голосъ его не былъ силенъ въ мірскомъ опредѣленіи; иногда его просто не слушали; сидѣлъ онъ въ двадцатомъ мѣстѣ, и ни Староста къ нему, ни онъ къ Старостѣ не ходили въ гости. Случись же, какъ нарочно: Москвичъ выстроилъ себѣ домъ подлѣ Ѳедосѣя, и этотъ домъ, заслоняя своею тѣнью домикъ Ѳедосея, точно какъ будто туча застилалъ его душу. Ѳедосѣй не сказывалъ ничего домашнимъ; но смѣкалъ, что между

Москвичемъ и Старостою дѣло слажено. Зная, что Ванюша любитъ Груню, Ѳедосѣй не могъ не подумать: свадьба Москвича убьетъ бѣднаго парня! Кромѣ того, гдѣ тонко, тутъ и рвется: недостатки все одолѣвали Ѳедосея. Все купи, все заведи съизнова: и чашку, и ложку, и плошку. Надолго-ли достанетъ крохъ небольшихъ, когда въ запасѣ ничего нѣтъ? Годъ этотъ, какъ нарочно, случился неурожайный; отъ безпрерывныхъ дождей сопрѣло сѣно; грязи стояли до Рождества: ни выйдти, ни выѣхать. .

Но Ванюша все еще былъ веселъ, хотя полгода прошло, а о большихъ деньгахъ не было еще слышно. Сколько разъ сидѣлъ онъ и думалъ: какъ наживаютъ деньги? Если-бы надобно было за богатство два эти года работать на каторгѣ — съ

какою охотою пошелъ-бы туда Ванюша, чтобы через два года принесть Старостѣ кусокъ фунта въ два золота, и купить себѣ на него радости и счастья!

«Батюшка!» сказалъ онъ однажды Ѳедосѣю—«скажи, сколько надобно рублей, чтобы люди называли богатымъ?»

— Сколько? — отвѣчалъ отецъ смѣючись. — Столько, чтобъ быть сыту, не просить въ займы, и припрятывать копѣйку на черный день.

«Я слыхалъ, что на Руси съ голоду еще никто не умиралъ здоровый,» отвѣчалъ Ванюша. «Да я не о томъ спрашиваю. Вотъ теперь Москвича называютъ богачемъ: какъ думаешь, что у него много-ли?»

— А чужая душа потемки—Богъ вѣсть! Говорятъ, рублей не одна

сотня лежитъ у него, а можетъ и тысяча найдется, съ хвостикомъ.

« Тысяча? Стало, если-бы у тебя была тысяча, ты былъ-бы богачъ?»

— Что дѣлать, дитятко! Было и у меня, можетъ статься, да Богу было не угодно.

« Эхъ, родной! да мы опять наживемъ: вѣдь деньга дѣло нажитое.»

— Трудно нынѣ, Ванюша, нажить. Къ сотнѣ другая сотня все таки льнетъ, а на копѣйку другая копѣйка ворогомъ смотритъ. У меня и отъ отца осталось благословенье; и послѣ того двадцать лѣтъ жилъ я, да копилъ: и тутъ все къ тысячѣ не доставало цѣлой сотни. А если копѣйки не будетъ доставать, такъ все тысяча неполная,

Ванюша замолчалъ. *Двадцать лѣтъ! Тысяча рублей!* Эти слова повторялъ онъ про себя разъ сотню, и они принудили его задуматься. *Двадцать* лѣтъ! Да это цѣлый вѣкъ! А изъ двухъ годовъ, которые врѣзались у него въ сердцѣ, прошло уже болѣе полугода. Чего не придумывалъ, чего не передумалъ Ванюша! Все, кромѣ покушенія на добро ближняго. Грѣшный человѣкъ: иногда вспадало ему на умъ запалить огнемъ хоромы Москвича; пусть-бы и его тысяча рублей сгорѣла, чтобы ни ему, ни Ванюшѣ не доставалась Груня... Но черезъ минуту, такая мысль ужасала доброе сердце Ванюши; онъ крестился и прогонялъ нечистое наущеніе, каялся въ грѣхѣ. Иногда перебиралъ онъ въ головѣ разсказы о кладахъ, объ исканьѣ ихъ въ Ива-

новъ день, о травѣ папоротникѣ, которая въ самую полночь цвѣтетъ огнистымъ цвѣтомъ. Онъ готовъ былъ на всѣ ужасы привидѣній, только-бы достать эту невиданную траву. Но Ивановъ день давно прошелъ: надобно было ждать его.

Кто-же изъ насъ въ жизни не ждалъ Иванова дня? Кто не подстерегалъ цвѣтка папоротника, невиданнаго людьми? Цѣлыя поколѣнія гонятся другъ за другомъ, ищутъ цвѣтка этого, и не находятъ его въ здѣшнемъ мірѣ. Этотъ цвѣтокъ—счастье. Для Ванюши все счастье казалось заключеннымъ въ *тысячѣ рублей*, для другихъ оно не много поцѣннѣе, и осудимъ-ли Ванюшу, что онъ не спалъ всю ночь въ Ивановъ день, пугался, робѣлъ, но ходилъ по лѣсу, гдѣ каждый сукъ казался ему Лѣшимъ, въ каж-

домъ Ивановомъ червячкѣ сверкали глаза кошки? Нѣтъ: не было цвѣта папоротника; пропала надежда на кладъ!

Лѣто казалось Ванюшѣ хуже осени; деревня стояла по прежнему, а ему казалась она пуста и темна, какъ тюрьма преступника: въ ней не было Груни. Съ весною бабушка ея отправилась пѣшкомъ на богомолье, поклониться Кіевскимъ Чудотворцамъ, и Груня съ нею. Ванюша не смѣлъ проститься съ Грунею; только низко поклонился ей, когда бабушка ея, кашляя и горбясь, переступала потихоньку, а Груня лукаво, ласково кивнула ему головой. Вся семья Старосты провожала богомолокъ. Ванюша не смѣлъ подойдти къ милой, не смѣлъ сказать ей: *прости*; да и силъ не достало-бы у него сказать это слово! Когда

вся семья была уже далеко, побрелъ и Ванюша, вышелъ въ сторону, на дорогу, смотрѣлъ, пока Груня съ бабушкой скрылись вдали, смотрѣлъ, когда уже ничего не было видно и вечернія тѣни застилали широкій путь.

Началась жатва, сняли хлѣбъ; урожай былъ благословенный. Вдругъ однажды, Ванюша приходитъ къ отцу и начинаетъ говорить ему, что наступаетъ осень, а за тѣмъ будетъ зима; что ему нѣчего дѣлать дома осенью и зимою; что Осипъ одинъ управится съ работами. Ѳедосѣй вытаращилъ глаза, смотрѣлъ на Ванюшу. Что сдѣлалось съ малымъ? бормоталъ онъ.

Ванюша объяснилъ наконецъ, что онъ хочетъ въ это время заработать нѣсколько рублей лишнихъ, и чтобы не лежать на печи даромъ,

просить отца позволить ему ѣхать въ Москву, и зиму быть тамъ извощикомъ. « Лошадь лишняя у насъ есть, » говорилъ Ванюша. « Я пристану къ дядѣ Парфентью; онъ дасть мнѣ сани; я увижу и узнаю Москву; стану возить тамъ добрыхъ людей. Что-же? Десятковъ пять иногда заработываютъ, а если и меньше, родимый, то честная денежка стоитъ неправеднаго рубля. »

— Въ Москву, извощикомъ!—подумалъ Өедосѣй. Предложеніе было неожиданно; онъ сначала не соглашался, но подумалъ, подумалъ, и согласился.

Съ чего пришла эта мысль Ванюшѣ? Право не знаю. Ему тошно было смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ прежде видалъ онъ Груню. Бабушка

ея занемогла въ Кіевѣ, и принуждена была тамъ зазимовать у стараго родственника, котораго всѣ звали дядею, хотя никто уже не помнилъ, кто былъ ему настоящимъ племянникомъ. Но дядя былъ богатъ, держалъ въ Кіевѣ лучшій постоялый дворъ, а Староста Филаретъ не любилъ отказываться отъ родства съ богатыми. Потомъ думалъ Ванюша... не смѣшно-ли? — что онъ перебьетъ разсказы у Москвича, и лучше его будетъ разсказывать о Москвѣ бѣлокаменной. Москва сверхъ того казалась ему чѣмъ-то такимъ, гдѣ наживаютъ деньги: все новое, неизвѣстное бѣлѣнитъ юныя горячія головы! Ванюша не могъ думать о Москвѣ безъ того, чтобы мысль о *тысячѣ* рублей не приходила ему въ голову. Онъ спалъ и видѣлъ эти два слова вмѣстѣ: что-то не-

понятное, необъяснимое волновало его душу...

Но разсуждайте, какъ угодно, а Ванюша уже на дорогѣ въ Москву. Туда ѣхалъ попутчикъ; Ванюша привязалъ лошадку къ тѣлегѣ, и залегъ въ сѣно, набитое въ тѣлегу. Тутъ была ему свобода думать о прошедшемъ и будущемъ. Онъ не умѣлъ мечтать по нашему, но и у него сколько было воздушныхъ башенъ! Что-то будетъ, что-то увидитъ, что-то встрѣтитъ онъ въ Москвѣ!

Рано поутру подъѣхали наши странствователи къ Москвѣ, по старой Каширской дорогѣ. Было осеннее холодное утро, небо голубое, чистое. «Вотъ и матушка Москва!» сказалъ Ванюшѣ сопут-

никъ. Ванюша во всѣ глаза смотрѣлъ впередъ. Верстъ семь оставалось еще до заставы; но передъ нимъ открылся уже рядъ Московскихъ церквей и безконечное протяженіе домовъ, башенъ, крышъ зеленыхъ, красныхъ, бѣлыхъ. Влѣво возвышались розовыя стѣны и золотыя главы Донскаго монастыря; прямо бѣлѣлась застава Серпуховская; вправо разбѣгались глаза далеко. Звонъ Московскихъ колоколовъ доносился до слуха Ванюши, изумленнаго, обрадованнаго. « Это что такое? » спрашивалъ онъ у сопутника, указывая на что-то, горѣвшее, какъ жаръ, вдали, на небѣ.— Иванъ Великій. — «Иванъ Великій!» повторилъ Ванюша. « А Сухарева башня гдѣ?»—Ея не видно еще; да то-ли ты увидишь.

Тѣлега катилась безпрерывно; они въѣхали въ Москву.

Я увѣренъ, что въ будущее время Энциклопедія увеличится многими томами противъ нынѣшней. Кромѣ того, что извѣстныя нынѣ знанія и науки будутъ раздвинуты, усовершенствованы, думаю, явится много наукъ и знаній *совсѣмъ новыхъ*, о которыхъ мы и не слыхивали. И какъ не подумать этого послѣ Галлева *Головошишкословія* (такъ одинъ Профессоръ переводилъ мудреное названіе Галлевой науки) и послѣ *Животнаго Магнетизма?* Нисколько не сомнѣваюсь, что современемъ люди сдѣлаютъ науку изъ *Физіогномики*, и мечты добраго Лафатера не будутъ мечтами. Изъ всѣхъ наклонностей че-

ловѣка, ни однѣ не выказываются такъ явно у всякаго, какъ *три* слѣдующія: наклонность лечить; наклонность угадывать людей по лицу; наклонность слушать разсказы о чудесахъ. Отъ первой уже переморили довольно народа, и хотя никто нынѣ не вѣритъ лекарямъ, но кто изъ насъ не скажетъ другому какого нибудь лекарства, только упомяни о болѣзни? Люди лечатъ теперь душу, тѣло, карманы, государства: все неудачно, все не такъ, и все не отказываются лечить и быть лечимыми! Отъ наклонности къ чудесамъ не исцѣлились люди семь-тысячь-лѣтнимъ опытомъ, и съ того времени, какъ Адамъ былъ обманутъ обѣщаніемъ чудесъ, донынѣ чудеса вѣрнѣйшая уда, на которую поймаете каждаго Адамова внука и каждую Еввину

внучку. Я хотѣлъ поговорить только о *Физіогномикѣ*, и, виноватъ! заговорилъ о другомъ. Вотъ въ чемъ дѣло: если Физіогномика будетъ когда нибудь усовершенствована, то она принесетъ много добра. По глазамъ, рту, носу, бровямъ, щекамъ люди станутъ узнавать другъ друга, лучше всякаго зеркала. Физіогномика прорубитъ окошечко въ душу каждаго человѣка, и изъяснитъ, отъ чего, напримѣръ, желтая, пухлая, кислая рожа, мышьи глаза, оттянутыя губы — признаки человѣка сварливаго, злаго, ненавистника всему доброму; отъ чего другое лицо... но я боюсь высчитывать здѣсь различныя лица. Иное можетъ оскорбить случайнымъ сходствомъ какую нибудь рожу, дышущую на бѣломъ свѣтѣ. Пусть дышетъ она безопасно, пока еще

не усовершенствована Физіогномика; но, будетъ время, худое для многихъ, и, можетъ быть, Физіогномика распространитъ свои замѣчанія весьма далеко: сообразивъ множество лицъ и рожъ (эти два слова не синонимы въ Русскомъ языкѣ), она дастъ свои понятія о цѣлыхъ народахъ; изъ нихъ извлечетъ физіогномію областей, городовъ и, можетъ быть, въ Географіяхъ будутъ современемъ писать физіогноміи городовъ на ряду съ числомъ жителей, промышленностью, ученостью города.

Что̀, если-бы теперь можно было сдѣлать это, не откладывая вдаль, и вотъ кстати, когда герой нашего разсказа явился въ Москву, къ *лицу безъ образа* нашей старушки приложить физіогномическій циркуль и представить ее въ вѣрномъ пор-

трехъ? Тогда легче-бы мнѣ было описывать, и что встрѣтилъ Ванюша въ Москвѣ, и какія впечатлѣнія врѣзывались въ душу его, по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ и разсматривалъ Москву.

Добрая Москва! я люблю тебя искренно, и, кажется, кости мои будутъ тлѣть на одномъ изъ мирныхъ кладбищъ твоихъ. Твое имя дорого моему сердцу; твои башни, твои золотыя маковки лелѣяли мои юношескія надежды, когда еще въ дремучихъ лѣсахъ Сибири я зналъ тебя только по имени, по разсказамъ бывалыхъ людей; я живо помню, съ какимъ восторгомъ приближался я къ тебѣ, съ какою грустью бродилъ послѣ по твоимъ развалинамъ, съ какою радостью видѣлъ обновляемыя твои стѣны, храмы, башни и громадныя зданія! Не

сердись-же, милая, если такъ давно, такъ искренно любя, я осмѣлюсь говорить о тебѣ правду. Твои недостатки наши; а объ себѣ почему не сказать?

Москва городъ большой, и единственный, который только на Руси можетъ существовать: широкій, длинный, неправильный, городъ, который строили семь вѣковъ, въ которомъ отъ каждаго вѣка что нибудь осталось, смѣшалось, измѣнилось, но не истребилось, и все вмѣстѣ похоже на жилище богатаго Русскаго помѣщика нашего времени. Войдите въ жилище этого помѣщика: тутъ Европа и Азія, всѣ языки, всѣ страны, всѣ вѣка; на чердакахъ гнѣздятся гувернёръ Французъ, дядька Нѣмецъ, нянька Англичанка; въ передней ливреи прошлаго вѣка и жокейскія кур-

точки нынѣшняго; въ буфетахъ Саксонскій фарфоръ, Русскіе старинные серебрянные кубки и Китайскія куклы; въ гостиной говорятъ по-Французски, въ залѣ поютъ по-Италіянски, въ кабинетѣ горюютъ по-Русски. Такъ и въ Москвѣ есть все, старое и новое, родное и чужое, Европейское и Азіятское, великое и смѣшное. Громадныхъ домовъ множество, и всѣ они разбросаны; улицы огромныя, и всѣ кривыя. Вотъ старое вѣковое зданіе; подлѣ палаты вельможи прошлаго вѣка; далѣе новый карточный домикъ, съ Итальянскимъ мезониномъ, отъ котораго гніетъ кровля и въ цѣломъ домѣ холодно; тамъ садъ; потомъ огромный казенный домъ; далѣе пустырь и Греческая табачная лавка; еще палаты; тутъ обгорѣлый при Французахъ домъ,

хлѣбныя лавки, Французскія моды, бульваръ, церковь. Окрестности Московскія прелестны; но вы едва пройдете по дорогамъ отъ грязи, и отъ того, что въ одномъ мѣстѣ мостъ сгнилъ, а пока дѣлаютъ новый, каменный великолѣпный мостъ, положены черезъ ручеекъ бревны, по которымъ и Кіарини подумаетъ, какъ перейдти; тамъ песокъ, тутъ ручей, черезъ который нѣтъ перевоза. За то полюбуйтесь Москвою издали; посмотрите на толпы народа; поглядите на пестроту, движеніе; прислушайтесь къ стуку, колокольному звону, шуму, говору; взгляните на Кремль, на Красную площадь, и — вы согласитесь, что Москва точная Русь: нашъ Русскій духъ, наши недостатки и добродѣтели, Русское худо и добро, огромность и слабость,

все это, какъ будто живыми словами, вырѣзано на берегахъ Москвы и Яузы.

Такова Москва. Но что-же Ванюша могъ найдти въ Москвѣ, увидѣть, узнать? Не знаю, что найдетъ, но увидѣлъ и узналъ онъ многое. Рано въѣзжая въ Москву, онъ изумился, какъ тихъ, спокоенъ этотъ необозримый городъ: ни души по улицамъ, кромѣ дворниковъ, булочниковъ, будочниковъ; ставни оконъ заперты; все спитъ: только не спала молитва благочестивыхъ людей; церкви, мимо которыхъ ѣхала телега нашихъ странствователей, были отворены; сквозь двери ихъ мелькали свѣчи передъ иконами и слышалось священное пѣніе. Долго изъ улицы въ улицу поворачивалъ сопутникъ Ванюши. Вотъ миновались огромныя зданія,

начались домишки, хуже, хуже, и Ванюша доѣхалъ почти вплоть до другой заставы. Тѣлега остановилась передъ старымъ деревяннымъ домомъ; сопутникъ Ванюши всталъ, снялъ шляпу, помолился, и началъ отворять ворота: открылся длинный, грязный дворъ, съ обоихъ боковъ и съ задней стороны обставленный высокими навѣсами на столбахъ. Множество лошадей стояло у колодъ; множество саней, дрожекъ, нѣсколько каретъ было подъ навѣсами. Грустно посмотрѣлъ Ванюша вокругъ, и заглянулъ во дворъ. Ахъ! Москва издалека такъ хорошо бѣлѣла, свѣтлѣла, горѣла первыми лучами солнца, такъ изумляла его своими домами, храмами... Надобно-же ему было проѣхать всю Москву, и для чего? Чтобы на краю Москвы найдти грязный, бѣд-

ный пріютъ! «Не уже-ли это Москва?» спрашивалъ Ванюша, смотря вокругъ на бѣдныя лавочки, народъ засаленный и дурно одѣтый. Застава передъ глазами казалась дурнымъ предзнаменованіемъ Ванюшѣ; изъ за нея, какъ будто шепталъ ему голосъ: « За чѣмъ ты пожаловалъ сюда, незванный гость? Въ однѣ двери ты въѣхалъ; вотъ другія: изволь выѣзжать! И безъ тебя тѣсно въ Москвѣ, и безъ тебя довольно искателей счастья гранятъ Московскую мостовую ногами и колесами! »

Какое-то унылое чувство ощущаетъ человѣкъ, вырванный изъ мирнаго уголка и брошенный въ море большаго города, особливо пестрой Москвы. Не зная еще ея, онъ составляетъ себѣ понятіе по-своему; видитъ ее, перемѣшиваетъ свое

понятіе съ видимымъ; обширность давитъ его воображеніе; сближеніе крайностей — обыкновенная участь большихъ городовъ—изумляетъ его взоры, и первое чувство послѣ того унылость, отчужденіе отъ новаго мѣстопребыванія, воспоминаніе о старомъ, знакомомъ уголкѣ, гдѣ каждая травка, какъ будто родная, каждый человѣкъ знакомъ съ дѣтства, и солнце свѣтитъ веселѣе и хлѣбъ слаще! Тутъ жестоко страдаетъ и самолюбіе человѣческое, когда пришелецъ видитъ себя для всѣхъ чуждымъ. Нѣтъ ему ни слова, ни привѣта: онъ одинъ, одинъ, и *чувствуетъ* это одиночество; *не для него* все живетъ и движется вокругъ; всякій занятъ своимъ, спѣшитъ, идетъ мимо пришлеца, его никто не знаетъ, когда прежде утромъ встрѣчало его

ласковое слово роднаго, и на каждомъ шагу привѣтъ знакомаго.

Такія чувства испытываетъ всякій, кромѣ знатныхъ и богачей, которые изъ палатъ своихъ переѣзжаютъ въ палаты Московскія, для которыхъ вездѣ и все равно: въ Москвѣ, въ Парижѣ, въ Россіи, въ Америкѣ. Послѣ, со временемъ, если существенность не бѣдна, призраки прошедшаго стираются въ памяти. Шумъ, блескъ выгоняютъ изъ души мысль о родинѣ, о быломъ; пришлецъ едва помнитъ ихъ, какъ милые младенческіе годы. Но хорошо, у кого не бѣдна настоящая существенность, хорошо, если человѣкъ умѣетъ хотя разцвѣчивать ее яркими красками!

Бѣдный Ванюша не былъ любимцемъ воображенія: оно играло у него немногими грубыми цвѣтами,

а что окружало его, то не могло утѣшить, приласкать надеждою, согрѣть дыханіемъ радости. Уже готовъ онъ былъ раскаяваться, что поѣхалъ въ Москву, уже спутникъ его, который черезъ два дня долженъ былъ снова увидѣть зеленые луга родины, казался Ванюшѣ счастливцомъ, а самъ себѣ Ванюша показался выброшеннымъ зимнею вьюгою на придорожный сугробъ, когда въ полѣ вьется снѣгъ и вѣтеръ воетъ въ далекомъ бору. «Гдѣ найдти мнѣ здѣсь счастье свое!» сказалъ онъ самъ себѣ. «Но, развѣ ты *здѣсь* ищешь своего счастья?» прибавилъ онъ. «Тебѣ надобно денегъ, денегъ, денегъ, и ихъ ты достанешь. Такъ! Вѣщій сонъ мой сбудется. Пойдемъ къ дядѣ Парфену.»

Вѣщій сонъ видѣлъ Ванюша, за-

снувши въ телегѣ, передъ самою Москвою. Ему показалось, что онъ идетъ въ какомъ-то городѣ, у котораго посрединѣ одной улицы помѣстилось-бы полдеревни ихъ. И вотъ передъ нимъ безконечная площадь, домы, лавки, церкви, какая-то красная башня, и множество народа. Среди этого народа бродилъ Ванюша; вдругъ старичекъ, сѣдой, добрый, подходитъ къ нему и говоритъ: «Знаю, чего ты ищешь; молись Святому Спасу.» Три земные поклона положилъ Ванюша передъ красною башнею, на которой была икона Спаса, и старичекъ повелъ его по широкой улицѣ... Тутъ сонъ Ванюши смѣшался: ему видѣлись золото, серебро, луга, поля родины и Груня. Онъ помнилъ только, что Груня обняла его, и съ ея поцѣлуемъ разлетѣлся сонъ.

По грязному двору, котораго и осенній холодъ не могъ заморозить, Ванюша вошелъ въ обширную хоромину. Тутъ безконечныя палати, печь, грязь, куча народа, множество конской сбруи бросились ему въ глаза. За длиннымъ столомъ сидѣло и стояло множество народа и хлѣбало щи изъ чашки, величиною съ полъ-ушата; другіе одѣвались; иной молился, другой пѣлъ, третій передъ завтракомъ прогонялъ остатки сна стаканомъ пѣнника: точная ярмарка! Это все были будущіе товарищи Ванюши, извощики рессорные, *калиберные*, каретные, ломовые. Въ свѣтелкѣ, рядомъ съ этою ярмаркою, Ванюша нашелъ дядю Парфентья. Старикъ, бородатый, плѣшивый, красный, въ красной рубахѣ и старомъ плисовомъ камзолѣ, съ разломанными

счетами въ рукѣ и съ мѣломъ въ другой — таковъ явился дядюшка Ванюши. Онъ считалъ тогда на стѣнѣ мѣловые значки, расчитываясь съ извощикомъ, и доказывая ему, что три мѣрки овса слѣдуетъ прибавить къ замѣченнымъ на нарѣзкѣ.

« Дядя Парфенъ, здорово, » робко проговорилъ Ванюша.

— Кто тамъ? Что ты?—сказалъ Парфентій хмурясь, — какой дядя?

« Я братъ Осипа Ѳедосѣева. »

— Будто ты? Видишь, худое-то дерево какъ тянется! Будто ты Ванюшка Ѳедосѣевъ?

Начался бѣглый разговоръ, безпрестанно перерываемый приходомъ и уходомъ извощиковъ, спросами жены, крикомъ дѣтей, которыхъ Парфенъ отечески унималъ за вихоръ. Ванюша объяснилъ Парфентію все дѣло.

« Охъ, вы голь!» воскликнулъ Парфентій. «Вѣдь несетъ-же нелегкая въ Москву! И безъ того вашей братьи здѣсь биткомъ набито. Въ нынѣшнее-ли время зашибить копѣйку, когда ужь тутъ на обухѣ рожь молотишь, а часто приходится локти грызть!»

— Дядюшка, я тебѣ въ накладъ не буду; за хлѣбъ за соль возьми, а на кормъ я ужъ вѣрно добуду...

« Добудешь ноги, на чемъ бѣжать. Дядюшка пиши должокъ на стѣнку, а примись-ка послѣ за тебя, такъ бабьяго вою не оберешься.»

Плохое было привѣтствіе на первый разъ, и диво-ли, что Ванюша, послѣ такого разговора съ дядею Парфентьемъ, вышелъ за ворота печаленъ, со слезами на глазахъ.

« Добрый молодецъ! Спасу Хри-

стову на свѣчку ; Богъ благословитъ тебя,» проговорилъ ему кто-то.

Ванюша вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ сѣдой старикъ, съ кружкою, въ которую собиралъ онъ на свѣчку къ церкви Спаса.

Какъ этотъ нечаянный случай обрадовалъ Ванюшу! Съ какою радостію вынялъ онъ цѣлую гривну и положилъ старику, съ какимъ восторгомъ слушалъ благословеніе старика!

И дядя Парфентій не всегда бывалъ сердитъ, не всегда каркалъ, будто зловѣщій воронъ. Вечеромъ, на досугѣ, онъ разговорился съ Ванюшею о родинѣ, о Ѳедосѣѣ, о дѣлахъ Ванюши, считалъ, пересчитывалъ, выспрашивалъ у Ванюши, и заключилъ привѣтствіемъ: «Ну, ты,

малый, кажись, добрый! Смотри: не пей, не дерись, будь услужливъ, да уважай дядю. Ремесло, за которое ты принимаешься, таково, что безъ гибкой спины, о которую палка Хожалаго не ломается, ничего не добудешь. Нынче вѣдь и не нашъ братъ беретъ только поклономъ, а намъ не уже-ли умнѣе бояръ быть!»

И вотъ Ванюшу повели въ Частный Домъ, потомъ еще и еще куда-то; подьячіе писали, брали съ него на водку, на калачи, и, когда выпалъ первый снѣгъ, Ванюша на своей лошадкѣ, въ плохихъ пошевняхъ, съ мѣднымъ значкомъ на спинѣ, на которомъ выбито было названіе части города, сталъ на ближнюю биржу, и сдѣлался членомъ республики Московскихъ *волочковъ* и *ванюшекъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя назвать

республикою, то можно уподобить цѣлому гражданскому обществу міръ Московскихъ извощиковъ. Странное животное человѣкъ: онъ все разнообразитъ, ладитъ по своему, такъ, что куда ни брось его, вездѣ отъ него раздвигается кругъ, какъ будто отъ камня, кинутаго въ воду. Эти круги сталкиваются, сбиваютъ другъ друга, и составляютъ что-то свое, особенное, въ чемъ, какъ-бы ни мало оно было, отражаются человѣкъ и страсти его, и добро и худо природы человѣческой. Такъ и въ мірѣ Московскихъ извощиковъ есть свои условія быта, изъ коихъ только геніи-извощики вылетаютъ, и въ коихъ богатство выигрываетъ, умъ служитъ подставкою, а бѣдность и глупость, какъ вездѣ, бываютъ родныя сестры. Ванюша скоро увидѣлъ, что ему

не угоняться за другими, если онъ не пуститъ гончею собакою свою совѣсть, и если не будетъ равняться съ товарищами, а это равенство было ему куда не по сердцу. Биржа, гдѣ стоялъ Ванюша, составляла только часть міра того постоялаго двора, въ которомъ, подъ покровительствомъ Парфентья, кочевали пришлецы отвсюду и всякіе. Они разъѣзжались каждое утро на нѣсколько биржей, и соединялись въ одно общество поздно вечеромъ. На каждой биржѣ были записные, вѣковые жильцы-извощики, знавшіе всю подноготную въ Москвѣ и управлявшіе общими мнѣніями; власть ихъ была деспотическая, ибо основывалась на кулакахъ и дружбѣ съ будочниками. Эти жильцы улицъ были народъ отборный, закаленный въ бояхъ и рестораціяхъ; у нихъ были свои

льстецы, рабы, прислужники. Волненія на биржѣ, при появленіи пѣшеходца, всѣ дѣлались подъ ихъ рукою. Тутъ были неизъяснимый дѣлежъ, угощенье, череда. Главные коноводы всего болѣе вырабошывали ночью, возя удалой народъ на лихихъ дрожкахъ, Богъ знаетъ куда, и гдѣ кидали горстью двугривенные, какъ соръ не уважали синихъ и красныхъ бумажекъ, и гордились только бѣлыми. Ихъ подручные отличались безстыдною ловкостью, когда надобно было подавать сани; наглостью, когда должно было отбить товарища; низостью, когда прихоть сѣдока угрожала ихъ спинѣ. Такой народъ всѣхъ скорѣе заработывалъ копѣйку, но не впрокъ; а кто не хотѣлъ быть угодникомъ высшаго званія гражданъ биржи, не гулялъ, не дѣлился въ шалостяхъ съ нис-

шимъ званіемъ, тотъ смѣло могъ ручаться, что всегда воротится домой съ мѣлочью, которую утромъ взялъ на сдачу. Ванюша не умѣлъ и не могъ поладить съ своими согражданами, и вскорѣ общій голосъ прокликалъ его *негодяемъ, не товарищемъ, лукавцемъ.* Онъ съ изумленіемъ видѣлъ, какъ старики, подобно ему пріѣхавшіе извозничать, сгибались передъ шалунами и коноводами, и какъ самый дядя Парфентій былъ всегда на сторонѣ сильнаго, кривилъ вѣсы правосудія; наглая ложь, безстыдство и обманъ выигрывали. Онъ переѣхалъ на другую биржу: вездѣ одно и тоже! Оставалось удаляться отъ биржей, стоять на уголкахъ, ѣздить изъ улицы въ улицу. Но распри, междоусобія, ссоры, *бури въ стаканѣ воды* и тутъ не давали Ванюшѣ покоя.

Его встрѣчали на ночлегѣ насмѣшкою, провожали свистомъ. Никто, правда, не смѣлъ прикоснуться къ Ванюшѣ, который, кромѣ сильныхъ рукъ, былъ еще любимцемъ тетки, жены дяди Парфентья. Новая бѣда: дядя Парфентій былъ ревнивъ, какъ Турокъ, и красивое лицо Ванюши, ласкавая, тихая рѣчь, услужливость его не нравились Парфентью. « Да вѣдь ты самъ велѣлъ мнѣ угождать другимъ? » говорилъ ему Ванюша.— Мнѣ, а не бабамъ, угождать товарищамъ да власти, а ты съ товарищами не ладишь и власти въ усъ не дуешь. Вчера хожалый Ѳома шелъ еле-живъ сыръ, ты ѣхалъ мимо, и не хотѣлъ довезти его до будки; а какъ тетка кличетъ пособлять, такъ Ванюша сломя голову бѣжитъ. Смотри, пріятель! —

Но, можетъ быть, ловкость, чест-

носпѣ, умъ Ванюши награждали его за всѣ неудовольствія барышами? Ванюша и самъ надѣялся на это. Онъ скоро узналъ Москву, ея крюки, извилины, безчисленныя церкви и безконечные переулки. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что если стать въ Китаѣ, протянуть и сложить обѣ руки, то десять пальцовъ на рукахъ, считая отъ Варварскихъ до Боровицкихъ воротъ, будутъ указателями главныхъ улицъ: Варварки съ Солянкой, Ильинки съ Покровкой, Мясницкой, Лубянки съ Срѣтенкой, Петровки, Дмитровки, Никитской съ Кудринымъ, Вздвиженки съ Поварскою, Знаменки съ Арбатомъ и Лѣнивки съ Пречистенкой и Остоженкой; что поперегъ перерѣзываютъ всѣ сіи улицы валы Бѣлаго и Землянаго городовъ, означенные бульварами, которые начавшись отъ одного мѣста

на берегу Москвы рѣки, примыкаютъ къ другому и описываютъ два полукруга. Накинувъ такую геометрическую сѣтку, Ванюшѣ легко было разсчитать всѣ мѣста, и вы видите, что смысла у него доставало на все. Черезъ два мѣсяца его не затрудняли ни *Путинки,* ни *Крапивки*, ни *Чигасы*, ни *Болвановка*, ни *Яндовы*, ни *Драги*, ни *Листы:* вездѣ, какъ по писанному ѣздилъ Ванюша. Но его тощая лошадка, бѣдная одежда, плохія пошевенки не казались признаками ловкости; у него не было безстыдства хвалиться, перебивать у другихъ, перекрикивать другаго, когда на голосъ: *Извощикъ!* будто ястребы кидались отвсюду его товарищи. Ахъ! какъ много выигрываютъ на бѣломъ свѣтѣ мѣдный лобъ и ловкій языкъ, въ передней вельможи и. . .

на биржѣ Московскихъ волочковъ! Съ грустью видалъ Ванюша, что люди садились на сани хуже его, только за то, что извощикъ умѣлъ увѣрить, будто онъ лучше; торжественно катили съ ѣздоками товарищи, а Ванюша, повѣся носъ, оставался на мѣстѣ и постегивалъ хлыстикомъ по снѣгу. Но если и удавалось Ванюшѣ поймать добычу, онъ изумлялся, что за народъ такой горожане: прихотливый, сварливый, и скупой не скупой, а Богъ знаетъ, какъ назвать. Богачъ въ глазахъ его бросалъ деньги за вздоръ, а когда доходило до наемки санокъ, торговался за копѣйку, какъ будто за сокровище, и Боже сохрани, если не доставало сдачи хоть двухъ грошей! Ванюша привезъ однажды изъ Охотнаго ряда какого-то толстяка, который ку-

пилъ тамъ пять фунтовъ пѣтушьихъ гребешковъ и — за *гривну* оставилъ въ закладѣ рукавицу Ванюши, не боясь, что бѣдняжка отморозитъ руку, пока выработаетъ сдачу!

Считая и пересчитывая, Ванюша думалъ, что къ веснѣ все останется однакожъ у него что нибудь. Уже прощался онъ съ Москвою, хотѣлъ навсегда разстаться съ ея великолѣпіемъ, богатствомъ, щедростью и — нѣчего дѣлать — отказаться отъ мечты своей! Золотые сны его разлетѣлись и горе давило сердце. Но какъ изумился онъ, когда, увидѣвъ невозможность ѣздить по Москвѣ на саняхъ, пришелъ къ дядѣ Парфентью, и сталъ просить разсчета, и когда тотъ, принявшись за свои счеты и мѣлъ,

объявилъ его въ *долгу!* Бѣдный Ванюша! онъ не смѣлъ съѣсть крупичатаго калача, ни разу не лакомился грушами и клюковнымъ квасомъ, а вычетъ на вычетъ, съ пословицею: *деньга счетъ любитъ,* Парфентій объявилъ, что не выпуститъ его изъ Москвы, и, взявъ всю заработку, требовалъ остальныхъ денегъ. Ванюша обѣщалъ прислать, просилъ уступить; тетка вздумала защищать его; неумолимый дядя Парфентій вспыхнулъ, затопалъ ногами, выкинулъ сотню браней. Что оставалось дѣлать Ванюшѣ? Онъ остался *заработывать долгъ.*

Уже снѣгъ по Московскимъ улицамъ превращался въ грязь, уже зимняя настилка ихъ была вырублена и таяла въ огромныхъ кучахъ, когда Ванюша перепрягъ лошадь свою изъ саней въ волочокъ, и пе-

чально выѣхалъ изъ воротъ Парфентьева дома. Не съ кѣмъ ему было даже и погрустить. Теперь: когда кончится его работа, что подумаетъ отецъ, что скажетъ Груня, и гдѣ она? Свѣтлое небо Московское казалось Ванюшѣ туманно, и онъ прежде всего отправился туда, откуда каждый день начиналъ свое странствованіе: къ *Спасскимъ воротамъ*.

Я уже говорилъ вамъ о вѣщемъ снѣ Ванюши, но не досказалъ самаго удивительнаго. Когда въ первый разъ пришелъ Ванюша къ Лобному мѣсту, онъ невольно изумился и остановился съ благоговѣніемъ. Вспомнилъ-ли онъ великія событія, пролетѣвшія по этому святому мѣсту: казни Грознаго, торжество Самозванца, парады Наполеона, воздвиженіе памятника

Минину и Пожарскому рукою побѣдоноснаго Царя, отъ имени благодарнаго Отечества? Нѣтъ! Ванюша не зналъ Исторіи. Изумили-ль его благоговѣніе, съ какимъ каждый проходящій снимаетъ шляпу и шапку, и преклоняется предъ святыми Спасскими воротами, или диковинная церковь Василія Блаженнаго, видъ Царскаго терема, обширныхъ рядовъ, изваяніе спасителей Отечества? Изумили; но онъ даже испугался, когда, взглянувъ на Спасскія ворота, узналъ ту *красную башню*, которая видѣлась ему во снѣ, площадь, многолюдство и всѣ предметы! Только не было благодѣтельнаго старика. И въ душѣ пришлеца возрасла тайная молитва благодарной надежды, укрѣпилась мысль, что въ Москвѣ точно найдетъ онъ свое счастье. Послѣ сего каждый

день начиналъ онъ тремя земными поклонами у Спасскихъ воротъ. И теперь туда прiѣхалъ онъ, помолился, и поѣхалъ возить добрыхъ людей.

День за днемъ летѣлъ; настало лѣто. По Московскимъ улицамъ поднималась лѣтняя примѣта, пыль; бульварные клочки дерну и деревцы на подпоркахъ покрывались бѣдною зеленью. Москвичи выѣзжали дышать чистымъ воздухомъ въ болотахъ Кускова, Кассина, Останькова, наслаждаться деревенскою жизнью подлѣ трактира въ Марьиной рощѣ, въ огородахъ Сокольниковъ, и наслаждаться природою въ скучномъ Нескучномъ. Душною тюрьмою казалась тогда Ванюшѣ Москва, гдѣ отъ каменныхъ домовъ и мостовыхъ было жарко, какъ въ натопленной печи, особливо ему,

всегда жившему на волѣ въ поляхъ и рощахъ, будто птичка поднебесная. Въ Москву и добрая птичка, казалось, не смѣла залетать: только слышалъ онъ чириканье воробьевъ, видѣлъ стада грачей, воронъ и коршуновъ.

Вотъ однажды пріѣхалъ Ванюша, раннимъ утромъ, къ Лобному мѣсту. Тамъ не было еще ни одной души. И самъ Ванюша дивился, что такъ рано подняло его съ мягкаго сѣна. Тихо повернулъ онъ свою лошадку и поѣхалъ по Ильинкѣ, безпечно глядя на забранные ряды, изъ которыхъ еще ни одинъ сторожъ не выглядывалъ. Вдругъ лошадь его на что-то наступила, что-то заборонило подъ колесами. Ванюша смотритъ, и видитъ на

мостовой, среди улицы, кожаный мѣшокъ, небольшой, чѣмъ-то туго набитый. «Находка!» сказалъ Ванюша, соскочилъ съ волочка, схватилъ мѣшокъ... Тяжесть необыкновенная!.. Что это такое? Онъ оглядывается во всѣ стороны: нигдѣ нѣтъ слѣда человѣческаго. Я не знаю, что думалъ тогда Ванюша. Онъ поспѣшно положилъ находку передъ собою, самъ не зная для чего, повернулъ лошадь назадъ, погналъ скорѣе, скорѣе, хотѣлъ остановиться, посмотрѣть, дрожалъ, радовался, боялся встрѣчи и, между тѣмъ, погонялъ лошадь далѣе, далѣе...

Вотъ онъ за Тверскою заставою. Тогда еще не было тамъ высокаго, гладкаго Петербургскаго шоссе; дорога шла песками, между сосновымъ лѣсомъ, съ лѣвой и полемъ и ого-

родами къ Бушыркамъ съ правой стороны, гдѣ теперь розводятъ садъ, до самаго Петровскаго Дворца. Ванюша свернулъ въ лѣвую сторону, въ лѣсъ, оглянулся: никого и ничего не видно, кромѣ деревьевъ. Тутъ онъ снялъ свою находку, и думалъ, держа ее въ рукахъ: «Что тутъ? Ну! если все это мѣдныя деньги? Богъ мнѣ послалъ такое добро; я расплачусь съ дядею Парфеномъ, и мигомъ въ деревню! О, если-бы далъ Богъ!..» И онъ поспѣшно развязываетъ мѣшокъ, смотритъ... не вѣритъ глазамъ, становитъ мѣшокъ къ дереву, протираетъ глаза, крестится... берется за мѣшокъ снова... Такъ! Онъ не ошибся: мѣшокъ полнехонекъ золота!..

«*Мѣшокъ съ золотомъ!*» вскричалъ Ванюша, и самъ испугался

своего голоса, раздавшагося въ лѣсу. Онъ схватилъ мѣшокъ, бросился далѣе въ чащу лѣса, и тогда только остановился, когда дорожка совсѣмъ пропала и идти было не куда.

Ванюша, добрый Ванюша! Неужели и тебя, едва прикоснулся ты къ проклятому золоту, демонъ корыстолюбія уже схватилъ своими когтями? Куда ты бѣжишь? Если это *не твое*, гдѣ скроешся хищникъ чужаго? Если *твое*, за чѣмъ прячешься въ темноту лѣса: иди на бѣлый свѣтъ, передъ добрыхъ людей! Только воръ и разбойникъ мѣняютъ житье между православными на гнѣздо совы, когда руки ихъ тяжелѣютъ золотомъ, вспрыснутымъ кровію братьевъ...

Но Ванюша самъ не могъ-бы тогда сказать, что съ нимъ дѣ-

лалось. Не корыстолюбіе овладѣло имъ: въ его душу, юную, не привыкшую къ страстямъ, не могла вдругъ поселиться страсть гибельная, задушающая всѣхъ своихъ сестеръ: она, или вползаетъ въ душу устарѣлую, изношенную уже другими страстями, или бываетъ слѣдствіемъ привычки съ младенческихъ ногтей, привычки глядѣть на золото, видѣть его въ грудахъ и сундукахъ, когда голосъ опытнаго корыстолюбца нашептываетъ юному наслѣднику о неизъяснимомъ наслажденіи сидѣть подлѣ сундуковъ, и думать, смотря на золото: *оно мое!* Нѣтъ! Ванюша, который, какъ благополучія ждалъ мѣшка мѣдныхъ денегъ, увидѣвъ мѣшокъ золота сдѣлался на нѣсколько времени безмолвенъ, безчувственъ, думалъ, что видитъ все это во снѣ,

ощупывалъ себя, землю, деревья, глядѣлъ на небо, и прикасался къ дорогому мѣшку тихо, осторожно, какъ будто боясь, что онъ обожжетъ его, какъ будто страшась, что онъ разлетится дымомъ въ рукахъ. Щеки его горѣли, глаза сверкали, и между тѣмъ ему казались темно, неявственно всѣ предметы; жаръ палилъ языкъ его; Ванюша съ жадностію срывалъ травку, еще не обсохшую отъ утренней росы, и сосалъ съ нея росу.

«Что-жъ это такое?» спросилъ онъ наконецъ самъ себя, сѣлъ на землю, вынулъ изъ мѣшка одну монету, другую, третью; все полуимперіялы, имперіялы. Ванюша едва могъ увѣрить себя, что каждый изъ нихъ стоитъ по 20 и по 40 рублей. Онъ думалъ: сколько ихъ пойдетъ въ сотню, въ тысячу руб-

лей, считалъ пятками полуимперіяловъ и насчиталъ десять пятковъ. «*Тысяча!*» воскликнулъ онъ съ радостнымъ воплемъ, и тотчасъ новая мысль блеснула въ его головѣ. Тысяча рублей, отсчитанная Ванюшею, какъ будто и не уменьшило нисколько мѣшка: онъ казался непочатымъ. «Да, сколько-же въ тебѣ всего?» закричалъ Ванюша, какъ будто бездушный мѣшокъ могъ понимать слова его. «Сосчитаю!» вскричалъ громко Ванюша. Онъ поспѣшно сбросилъ съ себя кафтанъ, разостлалъ его на травѣ, схватилъ мѣшокъ, и разомъ высыпалъ на кафтанъ все золото: желтые, блестящіе кружечки грянули звонко, покатились, упали въ груду, и лучи солнца ярко отразились на золотѣ.

Благословлять, или проклинать память твою, первый сыскавшій золото, ты, который нашелъ крупинки его въ землѣ, или въ пескѣ, и прельщенный сіяніемъ кусочковъ, принесъ ихъ къ своимъ братьямъ, показалъ имъ свою находку? Думалъ-ли ты, когда въ первый разъ взоръ Человѣчества въ твоемъ взорѣ былъ устремленъ на этотъ блестящій металлъ, думалъ-ли ты, что въ рукѣ твоей сѣмена гибели, ужасовъ, бѣдствій? Для чего не скрылъ ты въ глубинѣ морей своей находки; для чего не бросилъ ея, какъ страшный перстень Соломона, въ морскія хляби, не вслушался въ смѣхъ Искусителя, коимъ привѣтствовалъ онъ начало новыхъ бѣдствій бѣднаго человѣка! Кто видалъ груду золота, небрежно брошенную, кто знаетъ, какъ

обольстительно играютъ лучи солнца на такой бездушной грудѣ, тотъ пойметъ дѣтскую радость неопытнаго сердца, съ какою смотритъ юноша на золото, звѣзду земную, и скорбь, съ какою глядитъ старикъ на темнѣющіе передъ нимъ лучи ея, когда ночь смерти застилаетъ ему глаза!

Долго считалъ Ванюша, и въ это время онъ ни о чемъ не могъ думать. Такъ послѣ блеска молніи, пока раскатъ грома грохочетъ по небесамъ и сыплется въ отголоскахъ по землѣ, человѣкъ не изумленъ, не испуганъ, но ничего не мыслитъ. Механически двигались руки Ванюши по золоту; но уже насчиталъ онъ тысячу, двѣ, три, пять, десять, и въ половину, въ треть не уменьшилась куча! Еще насчитано десять: куча все еще

огромна! Тутъ недостало ни силъ, ни счета, ни мѣста у Ванюши: онъ все раскладывалъ стопками, застановилъ ими весь свой кафтанъ, вдругъ смѣшалъ ихъ, сдвинулъ все снова въ одну огромную кучу, и самъ не понималъ: сколько тутъ тысячь—*тысягъ*, когда за два, за три часа у него были въ кошелькѣ копѣйки, и тѣхъ, какъ вѣрно зналъ онъ счетъ!

«*Ге! ге! гей! гей!*» раздалось вдалекѣ, и Ванюша задрожалъ, не имѣлъ силъ сойдти даже съ мѣста, только закрылъ поспѣшно полами кафтана золото и робко прислушивался. По самой опушкѣ лѣса проходилъ гуртъ воловъ въ Петербургъ. Ванюша только теперь увидѣлъ всю свою неосторожность. Ясно различалъ онъ мычанье воловъ, лай собакъ, забѣгавшихъ близко къ

нему въ чащу лѣса, хлопанье длиннаго бича, и чуть слышный говоръ Малороссіянъ, проводниковъ гурта. Что если увидятъ его? Гдѣ его лошадь съ волочкомъ? Что подумаютъ? Онъ поглядѣлъ на небо, и увидѣлъ, что уже былъ полдень. Время пролетѣло невидимо. Ванюша самъ не зналъ, куда дѣвалось цѣлое его утро.

Но гуртъ прошелъ мимо; все умолкло вдали; всюду тихо; только иволга уныло насвистываетъ свою пѣсню, вѣтерокъ колышетъ листочками деревъ и изрѣдка раздается голосъ кукушки. Ванюша тихо раскрылъ кафтанъ свой, собралъ въ мѣшокъ все золото по прежнему, и понесъ его къ своей лошади. Жарко дыша, смирно стояла забытая лошадь, и какъ будто дивилась, что заботливый хозяинъ оста-

вилъ ее, не надѣвши ей на голову торбы съ овсомъ. «Ну, сивко!» сказалъ Ванюша, трепля свою лошадь, «теперь и моя и твоя работа кончилась!» Онъ положилъ мѣшокъ свой подлѣ себя, сѣлъ, выѣхалъ изъ лѣсу и почти доѣхалъ до большой дороги.

Но тутъ Ванюша опять остановился. «Сумасшедшій! что ты дѣлаешь? Куда ты ѣдешь?» сказалъ онъ самъ себѣ. «Назадъ, назадъ, спрячь мѣшокъ и поѣзжай порожнякомъ.» Онъ поворотилъ лошадь, убѣжалъ въ лѣсъ, выбралъ мѣстечко, замѣтилъ его, палкою вырылъ ямку, положилъ въ нее мѣшокъ, забросалъ землею, хворостомъ, пошелъ, останавливался, ворочался, былъ какъ въ лихорадкѣ, и наконецъ поѣхалъ опять.

И такъ Ванюша сдѣлался обладателемъ такого богатства, ко-

тораго и сосчитать даже не умѣлъ? Спросимъ у него: счастливъ-ли онъ? Богъ вѣсть! Если счастіе оказывается тихою радостью, спокойствіемъ души, веселостью, надеждами на будущее, то золото не сдѣлало Ванюши счастливымъ. Состоянія его не льзя было назвать радостнымъ, и едва-ли спокойна душа, когда, то холодный, то горячій потъ выступаетъ на лицѣ, сердце колотится, какъ будто хочетъ выскочить, во рту сухо, горько. Ни одна мысль о счастьѣ не свѣтила въ душѣ Ванюши. Къ стыду моего добраго героя, скажу, что онъ ни разу не подумалъ о Грунѣ, объ отцѣ, о селѣ своемъ. Все кипѣло, крушилось у него въ головѣ, и ничто не представлялось ему въ ясныхъ, понятныхъ образахъ.

«Я нашелъ кладъ; Богъ меня благословилъ имъ,» думалъ Ванюша. «Но кто-нибудь потерялъ эти деньги? Что, если онѣ не пойдутъ мнѣ въ благословеніе, если потерявшій, можетъ быть, вкладываетъ теперь голову свою въ петлю, и душа его падаетъ на мою душу? Но кто-жъ это знаетъ? Береги онъ лучше: что съ воза упало, то пропало; у него, вѣрно, еще осталось больше, а то онъ сталъ-бы крѣпче смотрѣть за своими деньгами. Но не укралъ-ли я эти деньги? Нѣтъ! Я взялъ ихъ середи бѣла дня, съ виду. Кто-же видѣлъ это, кромѣ Спасовой иконы, предъ которою я молился каждый день? Но трудовыя-ли онѣ твои? Чѣмъ ты заработалъ ихъ? Куда съ ними дѣваешься, какъ скроешь ихъ отъ людей? — Зачѣмъ скрывать? . . Нѣтъ!

нѣтъ лучше скрыть: возьму два полуимперіяла, расплачусь съ дядей Парфеномъ, захвачу свой мѣшокъ и уѣду въ деревню. Тамъ — закопаю деньги, и прокляну такъ, чтобы не даровымъ достались онѣ вору и разбойнику; скую желѣзный ящикъ, складу погребъ; буду караулить ихъ день и ночь! Но дядя Парфенъ спроситъ: откуда я взялъ два полуимперіяла? Скажу: нашелъ. Кто спрашиваетъ, откуда деньги берутся у человѣка! Лишь только были-бы онѣ. Но если онъ подумаетъ, что я укралъ? А вотъ посмотримъ...»

«Что за чудо: видно дорога до Москвы растянулась, или я не туда поѣхалъ съ дуру,» промолвилъ Ванюша, замѣчая, что онъ ѣдетъ весьма давно. Онъ оглядѣлся: не вдалекѣ отъ него лѣсъ, гдѣ закопалъ онъ

деньги; впереди застава Тверская. Ванюша и не замѣчалъ до сихъ поръ, что лошадь его распряглась, стояла на одномъ мѣстѣ и щипала траву, а самъ онъ сидѣлъ неподвижно на волочкѣ своемъ и держалъ вожжи, не чувствуя, что и не двигается съ мѣста.

«Съ нами крестная сила!» говорилъ Ванюша, запрягая снова лошадь. «Право, мнѣ кажется, что я одурѣлъ. Уже не напущенное-ли это? Не проклятыя-ли это деньги? Съ тѣхъ поръ, какъ я нашелъ ихъ, право, не вспомнюсь. Брошу ихъ, забуду: пусть гніютъ онѣ до скончанія вѣка! Нѣтъ, лучше возьму и поѣду прямо въ деревню; но, нѣтъ, не льзя... Что скажутъ обо мнѣ? Меня поймаютъ...

«Да развѣ я укралъ ихъ?» продолжалъ онъ, приближаясь къ за-

ставѣ. «Нѣтъ!» А тайный голосъ, едва внятно, говорилъ ему другое... Казалось, что знакъ проклятія чернѣлъ на лбу его. Всякъ, кто встрѣчался ему, былъ веселъ, пѣлъ, говорилъ; Ванюша молчалъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ, и мысль: *онѣ не мои!* въ первый разъ такъ сильно заговорила въ душѣ Ванюши, что никакія другія мысли не могли пересилить. «*Онѣ не мои!*» повторялъ онъ, и ему представилось, какъ горько будетъ ему снова упасть въ прежнее свое бѣдное состояніе, ему, обладателю богатства *безсчетнаго!*

«Да, не видишь что-ли ты, Ванька проклятый!» закричалъ громкій голосъ, и Ванюша увидѣлъ, что онъ ѣдетъ по Тверской Ямской, и наѣхалъ прямо на булочника, разставившаго холстинный навѣсъ

надъ своими булками и калачами. Ванюша хотѣлъ взглянуть еще разъ на лѣсъ, гдѣ спряталъ онъ деньги: лѣсъ этотъ не былъ уже видѣнъ, и — безъ памяти поворотилъ онъ лошадь, погналъ за заставу, къ лѣсу, бросился въ лѣсъ, къ знакомому мѣсту: все цѣло. Снова пустился Ванюша къ Тверской заставѣ, и въѣхалъ въ городъ.

Уже вечерѣло. « Нѣтъ! » сказалъ Ванюша, «не оставаться имъ тутъ. Мнѣ не уснуть, если не подложу ихъ подъ голову. »

« Кой чортъ этотъ Ванька разъѣздился! » сказалъ часовой, прохаживаясь передъ гауптъ-вахтою подлѣ заставы.

— Я ничего не укралъ!—вскричалъ громко Ванюша, которому казалось, что въ голосѣ часоваго онъ слышитъ голосъ судіи.

« Этакому и воровать! » отвѣ-

чалъ часовой, смѣючись, и продолжая свою мѣрную прогулку.

Но Ванюша не смѣлъ уже возвратиться въ Тверскую заставу. Онъ вытащилъ свой мѣшокъ, завернулъ тщательно въ холстину, и далекимъ объѣздомъ въѣхалъ въ заставу Прѣсненскую. Была ночь, когда онъ пріѣхалъ къ дядѣ Парфентью. Безпрерывно въѣзжали во дворъ его товарищи. Голодный, утомленный, изнуренный, обладатель мѣшка съ золотомъ видѣлъ во всемъ подозрѣніе, умыселъ, прислушивался къ каждому слову, и когда одинъ изъ извощиковъ спросилъ у него веревочки и хотѣлъ прикоснуться къ его холстинѣ, Ванюша едва не бросился на него, какъ неистовый, едва не ухватилъ его за горло, какъ бѣшеная собака.

Сколько думалъ, сколько мучился

онъ, пока успѣлъ укрыться отъ всѣхъ глазъ, схватить свое золото и спрятать въ старомъ сараѣ, между обломками тѣлегъ, дрожекъ, саней. Тамъ, на длинныхъ шестахъ, уже давно покоились курицы, и появленіе человѣка вспугало ихъ всѣхъ; крылатые крикуны закричали, закудахтали... О! Ванюша готовъ былъ провалиться съ ними и съ золотомъ сквозь землю!

Несчастный! тебя мучило оно, какъ мучитъ человѣка первое преступленіе; но еще ты не знаешь всей бездны, куда ты упалъ! Погоди: она раскроется передъ тобою, если ты гонишь отъ себя тайный, благодѣтельный голосъ совѣсти, пока еще чистой, но уже тускнѣющей подъ ядовитымъ дыханіемъ низкой слабости! Еще шагъ— и—ты погибъ: возврата не будетъ.

Дикій и мрачный вошелъ Ванюша въ избу, гдѣ собирались всѣ извощики. Онъ боялся встрѣтиться со взорами своихъ товарищей, боялся говорить, какъ будто страшась, что на его лицѣ, въ его голосѣ, они прочтутъ, узнаютъ роковую его тайну.

Дядя Парфентій, каждый вечеръ отбиравшій у него деньги, не встрѣтился съ нимъ. Ванюша залѣзъ въ самый дальный уголъ палатей; ему не хотѣлось ни ѣсть, ни спать; только огромный ковшъ воды проглотилъ онъ; забылъ и лошадь свою: кто-то, добрый человѣкъ, отпрягъ ее и поставилъ къ колодѣ съ сѣномъ.

Никто не замѣтилъ положенія Ванюши; но какъ ни былъ смущенъ,

разстроенъ Ванюша, онъ замѣтилъ, что всѣхъ занимало нѣчто необыкновенное: всѣ собирались въ кружки, говорили въ полголоса, чего-то ждали. Наконецъ явился дядя Парфентій, и все умолкло.

Дядя Парфентій былъ въ своей китайчатой троеклинкѣ, и въ шляпѣ; онъ только что возвратился домой, и не скидая платья сѣлъ онъ на лавку, громко провозгласивъ: «Ну, штука!»

— Что?—вскричало множество голосовъ.

Ванюша не обращалъ вниманія; но холодъ прошелъ у него по тѣлу, когда дядя Парфентій началъ разсказывать, что онъ былъ на съѣзжей; что ему тамъ объявили о важной потерѣ, и велѣли спросить у всѣхъ извощиковъ: не нашелъ-ли кто потеряннаго, или украденнаго, не видалъ-ли, не слыхалъ-ли кто? Ут-

ромъ пропалъ у купца изъ Мѣняльнаго ряда кожаный мѣшокъ, въ которомъ находилось 40,000 рублей золотомъ.

Общій крикъ удивленія былъ отвѣтомъ. Извощики всѣ уже слышали объ этомъ, но рѣшительное, вѣрное подтвержденіе успѣло изумить ихъ всѣхъ.

« Ну! идетъ потѣха! » продолжалъ дядя Парфентій. « Во всей Москвѣ только и разговоровъ; вездѣ, въ постоялыхъ домахъ, трактирахъ, на улицахъ, смотрятъ, подслушиваютъ, спрашиваютъ. Его Превосходительство изволилъ сказать, чтобы потеря была непремѣнно сыскана. »

Тутъ пустился онъ въ объясненія, сожалѣнія, качанья бородой и головой, спросы. Никто не зналъ, не видалъ, не слыхалъ.

А гдѣ былъ тотъ, кто *одинъ* въ

цѣлой Москвѣ зналъ? Онъ лежалъ неподвижно, молча; только тогда, какъ дядя Парфентій, кончивъ разговоръ, пошелъ въ каморку и началъ раздѣваться, а слушатели, забывая ужинъ, толковали, говорили, судили, судорожнымъ усиліемъ сползъ Ванюша съ палатей, кое-какъ доплелся до каморки, и спросилъ Парфентья: «Неуже-ли, дядя Парфенъ, нигдѣ никакого слѣда не найдено?»

Если-бы дядя Парфентій не былъ совершенно занятъ новостью, то онъ замѣтилъ-бы ужасную перемѣну лица Ванюши, блѣднаго, какъ полотно, замѣтилъ-бы впадшіе его глаза, разстрескавшіяся губы, и самую странность вопроса о томъ, о чемъ сей часъ только Парфентій подробно разсказывалъ. Но Парфентій радъ былъ случаю повторить,

и повторилъ все снова, тѣмъ болѣе, что къ нимъ подошли еще слушатели.

«Ну, а что-же, дядя Парфенъ, будетъ тому, кто найдетъ, да утаитъ?

— Что? Обыкновенно: кнутъ и Сибирь! — отвѣчалъ Парфентій.

А! какой ужасный свѣтъ озарилъ теперь передъ Ванюшею бездну, зіявшую подъ ногами его! Онъ бросился вонъ, оглушенный, обезумѣвшій, не чувствовалъ, какъ ударился о притолку. Подъ сараемъ блестѣлъ фонарь на столбѣ; все было тихо, спокойно; и эта тишина, это спокойствіе казались гробовымъ покоемъ несчастному Ванюшѣ. «Я уже воръ, разбойникъ: я завладѣлъ чужимъ; уже Царево правосудіе грозитъ мнѣ казнію, уже изъ всей Москвы, гдѣ нѣтъ счета

людямъ, на мнѣ наклейменъ знакъ погибели»... Онъ ходилъ подъ сараями, не замѣтилъ, какъ товарищи его отужинали, легли; все замолкло; фонарь погасъ. Теперь не корысть, не сребролюбіе терзали Ванюшу—нѣтъ—мысль: *я преступникъ!* тлѣла въ груди его, какъ трупъ, на распутіи брошенный. Гдѣ тогда были вы, помышленія о счастіи, надежды радости, которыми утѣшалъ себя нѣкогда Ванюша, и ты, Раскаяніе, примиритель отверженнаго съ Богомъ и Добродѣтелью! Онъ не смѣлъ идти къ людямъ, не смѣлъ сказать слова, не смѣлъ подумать о будущемъ.

«Ну! будь что будетъ!» вскричалъ онъ наконецъ голосомъ отчаянія. «Господи! я не вынесу этого: лучше смерть и мука, здѣсь и въ аду!»

Онъ вошелъ въ избу. Въ каморкѣ Парфентья еще свѣтился огонь; Парфентій, лежа, высчитывалъ продажу, творилъ молитву. Всѣ другіе громко храпѣли.

« Дядя Парфенъ, дядя Парфенъ! » сказалъ Ванюша, сѣвши въ безсиліи подлѣ столика, въ каморкѣ.

— Ну! что ты? — отвѣчалъ Парфентій, безъ вниманія, какъ человѣкъ, у котораго перервали важное занятіе.

« Я... нашелъ пропажу » ... едва могъ промолвить Ванюша.

— Какъ? — воскликнулъ Парфентій, и столь быстро вскочилъ съ лавки своей, что испуганный котъ, дремавшій подлѣ него, опрометью вспрыгнулъ на печь.

« Дѣлай, что хочешь.... Суди меня Богъ и Царь: пропажа у тебя на сараѣ. »

— Тише, тише! — прошепталъ Парфентій, какъ будто присутствіе 40,000 рублей золотомъ въ его домѣ, внушало ему благоговѣйное молчаніе.

Тихо пересказалъ ему Ванюша, какъ поднялъ онъ мѣшокъ. Но далѣе Парфентій не могъ вытерпѣть. «Пойдемъ!» сказалъ онъ, зажегъ фонарь, и, не обуваясь, пошелъ къ сараю. «Тише!» твердилъ онъ безпрестанно дорогою. — «Полѣзай и принеси,» промолвилъ Парфентій, подошедъ къ сараю.

— Нѣтъ, дядя Парфенъ, я не пойду: мнѣ страшно; поди самъ... подъ осью, въ углу, гдѣ корзина...

Быстро полѣзъ Парфентій, а Ванюша стоялъ и слушалъ беззаботный разговоръ двухъ извощиковъ, которые лежали въ сторонѣ, подъ сараемъ.

« Ну, братъ Гришка! если-бы я нашелъ, ужъ такъ-бы и быть, а меня-бы ты не увидѣлъ въ Москвѣ.

— Да куда-бы ты провалился?

« Вотъ: куда! Русская земля не клиномъ вышла, а по золотой дорожкѣ слѣда не нашелъ-бы самъ дѣдушка домовой. »

— Ну, къ бѣсу! Если-бы мнѣ попалось, я вынялъ-бы сотни двѣ, да взялъ себѣ, а остальное отдалъ....

Смѣхъ кончилъ ихъ разговоръ. Парфентій несъ уже мѣшокъ, закрывъ фонарь. Богъ знаетъ отъ чего, этотъ заколдованный мѣшокъ и на дядю Парфентья произвелъ такое-же дѣйствіе, какъ на Ванюшу: дядя блѣднѣлъ, краснѣлъ, дрожалъ, клочки остальныхъ волосовъ безъ вѣтра шевелились на головѣ его. Онъ пошелъ молча къ сѣнямъ, перемѣняя руки, какъ будто держа раз-

каленные уголья, и въ сѣняхъ положилъ мѣшокъ на столъ.

«Хоть-бы сосчитать ихъ»... сказалъ онъ глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя Парфенъ! ради Бога веди меня и неси мѣшокъ, куда хочешь, въ яму, въ острогъ, на съѣзжую...

Парфентій не утерпѣлъ, развязалъ мѣшокъ, взялъ въ руки по горсти монетъ, положилъ, еще взялъ, и руки его тряслись.

«Экое богатство!» проговорилъ онъ. «Гмъ! богатство... богатство, а все тлѣнъ и прахъ... богатство»... Онъ, какъ будто проглотилъ послѣднее слово, оправился, и, завязывая мѣшокъ, продолжалъ измѣнившимся голосомъ: «Видно праведно нажито: и въ огнѣ не горитъ, и въ водѣ не тонетъ, и на дорогѣ не крадутъ... Пойдемъ!»

Парѳентій схватилъ первый зипунъ и шляпу, какіе попались; не выпуская мѣшка, надѣлъ кое какъ; онъ и Ванюша отправились къ Частному Приставу.

Былъ въ Иркутскѣ случай замѣчательный. Тамъ, въ дальнемъ переулкѣ, который ведетъ отъ кладбищенской Крестовской церкви, жилъ старикъ, съ женою старушкою и племянницею дѣвочкою. Его считали богатымъ, по крайней мѣрѣ съ деньгами. Вдругъ однажды, поутру не отпираются окна и ворота въ домикѣ; прошелъ день: все молчитъ, никто не выходитъ изъ домика. Сосѣди собрались, потолковали, пришли: все заперто; отперли, входятъ: старикъ, старушка, дѣвочка — убиты, зарѣзаны.

Старикъ, съ разрубленною головою, лежалъ на лавкѣ, и рука, которою хотѣлъ онъ перекреститься, замерла на лбу съ сложенными перстами; старушка, задушенная, лежала подъ подушками въ другомъ углу, и дѣвочка, съ перерѣзаннымъ горломъ, была подлѣ окошка, изъ котораго, какъ видно, хотѣла выскочить. Сундукъ старика стоялъ среди избушки, разломанный. Кто убійца? Знаковъ и слѣдовъ не было; искали, искали, похоронили убитыхъ, и уже опустѣлый домикъ, отъ котораго бѣжали вечеромъ прохожіе, разрушался, когда вдругъ приходитъ въ Полицію человѣкъ и говоритъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому убилъ старика, жену и племянницу его. «Вотъ, что нашелъ я у нихъ въ награду!» сказалъ онъ, и положилъ на столъ семь гривенъ

мѣди, пяти-рублевую ассигнацію и два старинные цѣлковые. «Ради Господа, велите меня судить и наказать скорѣе, и вотъ деньги, мною найденныя у старика: онѣ цѣлы, онѣ прилипали къ рукамъ моимъ, когда я хотѣлъ ихъ отдавать другому, хотѣлъ бросить ихъ!» Вскорѣ страшное наказаніе надъ нимъ совершилось; онъ перекрестился и сказалъ: «Теперь только вижу свѣтъ Божій!» Его разспрашивали и узнали, что онъ бѣгалъ за Байкалъ и къ дикимъ Братскимъ, молился, пускался въ новыя злодѣйства, но нигдѣ не находилъ покоя: ему мечтались повсюду тѣни убитыхъ; кровь ихъ капала на каждый кусокъ хлѣба, багрила каждую каплю воды, которую глоталъ убійца, и невинная душа дѣвочки, какъ Ангелъ мщенія летая предъ нимъ, твердила ему днемъ и ночью:

«*Иди и скажи!*» Привидѣнія исчезли, когда онъ искупилъ страданіемъ преступленіе. Благоговѣйно пошелъ убійца въ бездонные Нерчинскіе рудники, какъ примѣръ Божьяго правосудія и до предѣловъ гроба.

Я разсказалъ вамъ ужасный примѣръ сей, чтобы объяснить: отъ чего Ванюшѣ сдѣлалось легче, когда золото, имъ утаенное, было возвращаемо назадъ; когда онъ увидѣлъ, что медленность, нерѣшительность, мысль овладѣть чужимъ добромъ, все это, на цѣлый день сдѣлавшее его обладателемъ мѣшка съ золотомъ, было обвиненіемъ его, что онъ былъ воръ, хищникъ, преступникъ предъ судомъ своей совѣсти—увидѣлъ, и предавалъ самъ себя въ руки грознаго суда. Такъ, онъ не выдержалъ испытанія: онъ не принесъ золота съ дѣтскою про-

стотою, и не сказалъ: «Вотъ я нашелъ золото, но оно не мое; отдайте его, кому оно слѣдуетъ!».. Горе ему: онъ грѣшенъ, и только въ раскаяніи спасеніе его...

Парфентій засталъ Частнаго Пристава еще не спящимъ. У него были гости. Въ огромной комнатѣ, по стѣнамъ коей щели заклеены были полосками писанной бумаги и убраны портретами и старыми географическими картами, сидѣло съ десятокъ человѣкъ, вокругъ двухъ столовъ, съ картами, пуншемъ и табакомъ; табачный дымъ разстилался облаками, и самъ Приставъ выступилъ съ трубкою, въ халатѣ, и съ вопросомъ: «Что ты?»

Но какъ измѣнился вдругъ спокойный, важный видъ Пристава, куда полетѣла трубка его, когда Парфентій вытащилъ изъ подъ полы

мѣшокъ, и объявилъ, что племянникъ его нашелъ потерю, занимавшую всю Полицію Московскую.

И карты также полетѣли въ стороны отъ этихъ словъ! Торжественно положили тучную пропажу на зеленый столъ. Не смотря на горесть, печаль, Ванюша не могъ не замѣтить, что мѣшокъ съ золотомъ производитъ на всѣхъ чудное дѣйствіе. Онъ не зналъ, что лихорадка бьетъ каждаго, кто прикоснется къ таинственному мѣшку, и увидѣлъ, что самый Приставъ, такъже, какъ дядя Парфентій, и дрожалъ, и краснѣлъ, и блѣднѣлъ, развязавъ мѣшокъ, взявъ въ горсть золота и перебирая его передъ свѣчкою.

Говорили немного. «Сидорова сюда!» закричалъ Приставъ. Явился Сидоровъ, небритое, со всклоченными волосами, въ фризовой ста-

рой шинели созданіе, выпучилъ глаза на мѣшокъ, молча общелкалъ перо о столъ, и написалъ показаніе со словъ Ванюши.

По данному знаку, явились два Казака и стали по обѣимъ сторонамъ Ванюши. Тутъ задрожалъ онъ, какъ осиновый листъ, слезы потекли градомъ, колѣна его подломились.

« Батюшка, Ваше Благородіе! помилуйте! » воскликнулъ онъ. « Божусь, что я не взялъ ни копѣйки: все тутъ, что нашелъ я! »

Зачѣмъ не хотѣли утѣшить его ласковымъ словомъ! Зачѣмъ никогда не подумаютъ исполнители правосудія о мученіи, какое еще прежде кары долженъ вытерпѣть самый преступникъ въ ужасномъ молчаніи, въ грозномъ видѣ судей! Но таковъ обычай почти всѣхъ судей и

всѣхъ судовъ. Ни слова не было въ отвѣтъ; мѣшокъ запечатали печатью Частнаго Пристава, печатью Парфентія; самъ Приставъ понесъ его въ низъ, въ присутствіе; Ванюшу схватили Казаки, и онъ—въ тюрьмѣ, душной, ужасной, гдѣ приходъ его разбудилъ двухъ или трехъ человѣкъ, крѣпко спавшихъ. «Здорово, товарищъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, не поднимая головы.

Товарищъ! Ванюша товарищъ злодѣя, можетъ быть, убійцы! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ искупаетъ только минутную дань человѣческой слабости въ смердящемъ воздухѣ тюрьмы! Онъ не спалъ среди храпѣнья заснувшаго крѣпко злодѣйства, и Ангелъ утѣшитель слетѣлъ къ нему въ молитвѣ; тихія слезы смывали пятно съ его совѣсти.

Когда лучи солнца проникли сквозь тусклыя стекла тюрьмы, уже не было отчаянія въ груди Ванюши: скорбная преданность судьбѣ видна была на лицѣ его.

Застучалъ и упалъ тюремный затворъ. Ванюшу вывели изъ тюрьмы; рядомъ съ нимъ пошли два казака и привели его въ домъ Оберъ-Полиціймейстера. Тутъ ввели его въ прихожую и велѣли ждать. Онъ стоялъ убитый горестью, безмолвный, когда отворились двери, вышелъ вчерашній Приставъ, и велѣлъ ему идти далѣе.

Въ другой комнатѣ сидѣлъ старикъ, въ синемъ Русскомъ кафтанѣ, съ пуховою шляпою въ рукахъ. Длинная сѣдая борода окладисто падала отъ лица его. Онъ не обращалъ ни на что вниманія и казался задумчивымъ. Почтительно сталъ

у дверей Приставъ; по другую сторону дверей Ванюша.

Ахъ! первымъ лучемъ отрады былъ для него приходъ добраго начальника! Онъ явился не судіею мрачнымъ, ужаснымъ, таинственнымъ, но добрымъ, милостивымъ блюстителемъ правосудія и кроткимъ исполнителемъ обязанности, часто тяжелой. Лицо его было оживлено милосердіемъ и добротою.

«Григорій Васильевичъ!» сказалъ онъ, протягивая руку къ старику, съ почтеніемъ кланявшемуся, «здравствуйте. Я радъ, что хотя непріятный случай доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть. Сядемъте. Кажется, что ваша потеря нашлась. Но разскажите мнѣ сперва дѣло подробно и обстоятельно.

Старикъ былъ богатый купецъ изъ Мѣняльнаго ряда. Онъ промѣ-

нивалъ въ годъ милльоны, велъ дѣла съ братомъ, жившимъ въ Петербургѣ, и по мѣрѣ возвышенія или пониженія курса, повозки съ ассигнаціями, серебромъ, золотомъ, летали у нихъ въ Петербургъ или Москву. Наканунѣ получилъ онъ кибитку серебра и мѣшокъ золота; сложивши всѣ мѣшки на тѣлегу, привезъ онъ ихъ въ рядъ, рано поутру, когда еще никого небыло въ рядахъ, чтобы никто не замѣтилъ полученія серебра, и слухъ о полученіи не уронилъ курса. Возъ въѣхалъ въ рядъ, и за нимъ забрали снова доски, которыми запирается рядъ. Въ то время, какъ возъ вдвигали въ рядъ, тяжелый, небольшой мѣшокъ золота скатился съ воза и упалъ на улицѣ; схватились его тотчасъ, бросились смотрѣть на улицу, искать домой: нигдѣ не

было; немедленно подано было объявленіе въ Управу Благочинія; слѣдствія уже намъ извѣстны.

«Сколько было въ мѣшкѣ?»

— Сорокъ тысячь безъ промѣна, отвѣчалъ купецъ. «Какою монетою?»

— Полуимперіялами, частію имперіялами; думаю, немного было Наполеончиковъ и Австрійскихъ.

«Какой былъ мѣшокъ?»

— Англійской крѣпкой кожи, съ буквами: Т. В. Ф.

Тутъ обратился Оберъ-Полицiймейстеръ къ Ванюшѣ: «Не робѣй, мой другъ, и разскажи мнѣ все: кто ты, откуда, какъ нашелъ ты мѣшокъ?»

И Ванюша заговорилъ краснорѣчиво: какимъ образомъ отецъ его раззорился, какъ онъ думалъ найдти

въ Москвѣ свое счастье, какъ нашелъ гибельный мѣшокъ, какъ изумленный, обезумѣвшій, не зналъ куда съ нимъ дѣваться, и какъ открылъ все дядѣ. «Грѣшный человѣкъ!» продолжалъ онъ. «Я не хотѣлъ красть, но умъ за разумъ закатился у меня, и — судите теперь меня, какъ вамъ угодно. . .»

Всѣ казались растроганными, кромѣ Частнаго Пристава, все холодно слушавшаго и, неподвижно, въ струнку вытянувшись, стоявшаго у дверей. «Сколько-же хотѣлъ-бы ты взять себѣ изъ мѣшка, если-бы тебѣ дали на волю?» спросилъ его добрый Оберъ-Полиціймейстеръ. Сколько воображаешь ты себѣ самымъ большимъ богатствомъ?»

— Тысячу рублей, если-бы далъ мнѣ Богъ — отвѣчалъ Ванюша, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу

—тысячу рублей, и я былъ-бы самое счастливое Божіе созданіе!»

«Тысячу! Много брать, великъ кушъ! Вотъ вашъ мѣшокъ, Григорій Васильевичъ!» сказалъ потомъ Оберъ-Полиціймейстеръ купцу, вставая и сбросивъ салфетку со стола; мѣшокъ съ золотомъ лежалъ подъ нею. «Считайте, все-ли, но позвольте начать счетъ мнѣ.» Онъ развязалъ мѣшокъ, отсчиталъ пятьдесятъ полуимперіяловъ, отложилъ къ сторонѣ, и обратясь къ купцу спросилъ: «Такъ-ли?»

—Нѣтъ, не такъ, Ваше Превосходительство —отвѣчалъ купецъ, самъ подошелъ къ столу, отсчиталъ еще пятьдесятъ полуимперіяловъ, положилъ къ отдѣленнымъ уже пятидесяти, и сказалъ: «Теперь такъ.»

«Благодарю васъ,» промолвилъ Оберъ-Полиціймейстеръ, пожимая снова руку купца. «Иванъ Өедосѣичъ,» сказалъ онъ смѣясь, «ты чуть было не сдѣлался плутомъ, но за то суди тебя Богъ, а въ глазахъ человѣка ты достоинъ награды за свою честность. Держи шляпу: вотъ это тебѣ *двѣ тысяги* рублей, и—разживайся на здоровье!»

Ванюша не говорилъ ни слова: онъ плакалъ... Эти слезы были уже слезы радости, и жаль, что людямъ столь рѣдко удается плакать *такими* слезами. . .

Разсказъ мой конченъ. Вы угадаете остальное. Не знаю, понравился-ли вамъ герой моего разсказа: я представилъ все, какъ было, какъ случилось, ничего не прибавилъ,

не скрылъ. Но если Ванюша возбудилъ ваше участіе, я скажу вамъ, что онъ тотчасъ оставилъ Москву, не смотря на предложенія, ласки, поклоны дяди Парфентья, и униженность всѣхъ своихъ бывшихъ товарищей. Онъ поѣхалъ прямо въ Троицкую Лавру, и тамъ, когда онъ молился у гроба Святаго Сергія, подлѣ него стала на колѣни и также молилась молодая странница. Ванюша вглядѣлся въ нее: это была Груня; она пришла къ Троицѣ по обѣщанію съ своею бабушкою; воротились онѣ обѣ вмѣстѣ, пѣшкомъ: такъ слѣдовало по обѣщанію Груни; Ванюша не хотѣлъ уже съ ними разставаться. При входѣ въ родную деревню попались имъ два человѣка, которые шли обнявшись и на веселѣ. Кто такіе они были? Староста Филаретъ и Ѳедосѣй!

Молва прилетѣла въ деревню прежде Ванюши, и самъ Староста, первый пришелъ пенять Ѳедосѣю, что онъ забылъ стараго пріятеля, а Ѳедосѣй не хотѣлъ помнить стараго зла, и ждалъ добра отъ настоящаго. Золото озолотило будущее для него и для Ванюши.

Если-бы я разсказывалъ выдуманное, то мнѣ въ окончаніи надобно-бы, осчастлививъ добрыхъ, наказать злыхъ; но въ бѣломъ свѣтѣ не всегда такъ бываетъ. Гдѣ и когда разсчитывается здѣшнее добро и зло, извѣстно не намъ, и въ нашихъ глазахъ иногда добрые остаются въ убыткѣ, а злые въ барышахъ. Впрочемъ, кто-же въ моей повѣсти *Злые?* Староста Филаретъ, Москвичъ?.. Друзья мои! много-ли останется агнцовъ, если ихъ отдѣлимъ мы къ козлищамъ? Нѣтъ, нѣтъ! черезъ

три года Сергѣй пріѣхалъ къ отцу, веселый, съ молодою женою, и пировалъ тогда на свадьбѣ Москвича, гдѣ Тысяцкимъ былъ Ѳедосѣй, Дружкою Ванюша, а Староста Филаретъ плясалъ, держа на рукахъ милаго, хорошенькаго внучка своего, Филарета Ивановича.

РАЗСКАЗЫ

РУССКАГО СОЛДАТА.

ЧАСТЬ II.

СОЛДАТЪ.

Субординація, экзерциція, послушаніе, обученіе, дисциплина, ордеръ воинскій, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, побѣда, *слава, слава, слава!*

Суворовъ.

III.

Если-бы вы меня спросили, Ваше Благородіе, каково мнѣ было тогда, и потомъ, когда привезли меня въ городъ, и когда совершилась моя судьбина, когда сдѣлался я Царскимъ слугой вѣковѣчнымъ — вѣдь я не сказалъ-бы вамъ, что мнѣ слишкомъ было тошно. Нѣтъ! прежде, когда слышалъ я отцовское проклятіе, произнесенное надъ Дуняшею, когда безпріютно брелъ

я съ нею домой отъ дяди, когда потерялъ своего сынишка—тогда—охъ! тогда, куда какъ плохо мнѣ приходилось! И отъ того, полагаю, было мнѣ очень плохо, что я еще худо свыкся тогда съ горемъ: оно приходило гостить ко мнѣ, какъ нашъ братъ, солдатъ, приходитъ на временный постой, и—ничего не бережетъ у обывателя; легче, когда онъ поселится на постоянной квартирѣ; тогда и онъ къ другимъ и другіе къ нему какъ-то привыкнутъ. Вѣдь ко всему привыкнуть можно, правое слово ко всему. И много значитъ, когда ужь не льзя воротиться назадъ. Горе сдѣлалось у меня жильцомъ безповоротнымъ, и—все мнѣ было равно послѣ этого, меньше-ли, больше-ли оно.

Я воображалъ себѣ: какъ тяжело было-бы мнѣ переносить все,

что со мной сдѣлалось, если-бы надобно было мнѣ хоть что нибудь оставлять на бѣломъ свѣтѣ, и жалѣть хоть о чемъ нибудь, такъ, какъ другимъ моимъ товарищамъ! Насъ было свезено въ городъ много; нѣсколько дней продолжался прiемъ, и каждый день приводили насъ къ Казенной Палатѣ, гдѣ мы лежали на солнышкѣ, пока по очереди водили насъ въ прiемную. Вокругъ насъ собиралась толпа народа. Чего смотрѣлъ этотъ народъ? Богъ ихъ вѣдаетъ! Въ чужестранныхъ земляхъ видалъ я послѣ того, что народъ сбѣгается глядѣть, какъ казнятъ вора, либо разбойника. Этакое страшное зрѣлище—думалъ я—не приведи Господи видѣть! И не понимaлъ я, какую утѣху въ этомъ находятъ другiе? Пусть-бы хоть казнились, учились страху Божiю

въ этой страшной расплатѣ за преступленіе; а то, случалось мнѣ замѣчать, что вора вѣшаютъ, а другіе тутъ-же въ народѣ изъ кармановъ кошельки таскаютъ....

Такъ и вокругъ насъ собирался народъ, не знаю, право, за чѣмъ, а только ни на одномъ лицѣ не видалъ я никакого чувства сострадания и милосердія, ни одна слезинка не падала ни изъ чьего глаза на нашу горькую участь. Смотрѣли на насъ эти народы, да и только тебѣ, какъ будто смотрятъ на *курьёзъ*. Не диво, что мы сами скоро пригладѣлись, какъ вдругъ блѣднѣлъ товарищъ, когда его выкликали по имени; какъ матери, сестры, отцы и братья становились на колѣни, пока вели его въ Палату, и молились Господу, чтобы Онъ помиловалъ ихъ; какъ старуха

мать падала потомъ безъ памяти, когда раздавалось въ Палатѣ: «*Лобъ!*» и это страшное слово переходило изъ устъ въ уста по лѣстницѣ, и передавалось въ народъ; и какъ потомъ начинался вой и плачъ, когда новаго рекрута выводили съ забритымъ лбомъ, накинувъ на него солдатскую шинель; и дюжина рукъ хваталась за него, какъ за мертваго, и дюжина голосовъ высчитывала свои прошлыя радости и свое прежнее счастье....

Да, если бы люди понимали все, что перенесъ солдатъ, съ тѣхъ поръ, какъ жребій выпалъ ему служить Отечеству, до тѣхъ поръ, когда Царь Государь его пожалуетъ, скажетъ ему: *спасибо*, за его вѣрную службу, и выпуститъ его на покой, такъ на рукахъ-бы носили они каждаго служиваго. Диво-

ли, что и нашъ братъ, солдатъ, иногда вымѣщаетъ на православныхъ свою невзгоду, когда видитъ онъ, какъ равнодушно православные смотрятъ на слезы его матери, какъ не скажутъ ему слова ласковаго, когда онъ, для чести и добра ихъ, отрекается отъ всего свѣта бѣлаго? Чье солдатское сердце не растаяло-бы, какъ снѣгъ весною, когда ему сказалъ-бы хоть *одинъ* добрый человѣкъ: «Братъ, пріятель! не кручинься: таковъ видно твой жребій, чтобы послужить Отечеству за Церковь Божію, за батюшку Государя, за свою братію Христіанъ! Не кручинься, что тебѣ пришлось отстаивать грудью землю Русскую! Царь тебя будетъ милòвать и миловать. Воротишься ты потомъ на свою сторону, такъ мы успокоимъ твою старость, и

найдешь ты, что жена твоя тебя дожидается, дѣти малыя твои подросли на твое утѣшенье, а земляки твои тебя чествуютъ, и заслушиваются твоихъ разсказовъ, о томъ, гдѣ бывалъ ты, что видалъ ты, какъ билъ ты враговъ поганыхъ сильнаго царства Русскаго»... Слышитъ-ли когда нибудь солдатъ подобное слово? — А еще жалуются, что *иногда*, съ сердцо̀въ, солдаты расплачиваются по своему.... Разсудите-ка поближе....

Ну, да толковать много не стану, Ваше Благородіе, какъ закричали и въ мой чередъ: «*Лобъ!* и забрили мнѣ лобъ, и дали мнѣ шинель солдатскую — носи не изнашивай, лѣтомъ не зябни, зимой не потѣй....

Тяжело мнѣ стало, когда однимъ словомъ на всегда зарѣшилась участь

моя, и земляки мои раскланялись со мной, обнялись въ послѣдній разъ, понесли челобитье брату, поклонъ матери и могиламъ сына, да жены; когда остался я одинъ одинехонекъ, безъ родныхъ, безъ пріятелей, безъ привѣта людскаго, такъ, что если-бы я умеръ на другой день, такъ, кромѣ Церкви Божіей, меня и помянуть было-бы не кому: Она всѣмъ мать!

Грустно мнѣ было потомъ, когда я вошелъ въ солдатскую казарму, и видѣлъ тысячу человѣкъ, и ни одного знакомаго лица.

Тяжко, грустно, но не плакалъ я. И когда потомъ вытянули меня, какъ тростинку, заставили поднять ногу прямо, глаза откинуть на право, на сердитаго капрала, съ усами и съ фухтелемъ — я переродился, казалось мнѣ. Вся

прошедшая жизнь вылетѣла изъ меня, при командѣ: «*Слушай!*» вылетѣло и всякое помышленіе о будущемъ. Новое житье-бытье началось у меня, не крестьянское, а солдатское. Я дивился даже теперь тому: какъ и о чемъ люди плачутъ, когда видѣлъ, что рекруты, провожая матерей и отцовъ своихъ, плакали? Но и для меня слезы еще не пересохли въ то время....

Мѣсяца три продержали насъ, добрыхъ молодцовъ, въ одномъ мѣстѣ, и потомъ отправили нашу партію въ дальній городъ. Когда выступили мы, да грянули пѣсню, горе сваливалось съ души, будто скорлупа съ яица. Э! была не была! Начали мы знакомиться другъ съ другомъ, дружиться да ладить, пересказывать, да посмѣиваться.

« Ты откуда?

— Оттуда-то.

« Что, у тебя остались мать, жена?

— Никого, братъ, не осталось. Весь тутъ, какъ видишь; младшій братъ, хотѣлъ было жениться; да жеребій благословилъ въ Царскую службу по очереди.

« А у меня и жена и трое дѣточекъ дома; да женѣ воля на всѣ четыре стороны: жили мы, какъ кошка съ собакой; а дѣточки и безъ меня выростутъ у старика дѣдушки.

— А меня, братцы, заѣло зеленое вино, да гульба молодецкая! Государю люди надобны; замѣнилъ собой добраго человѣка; пошелъ охотой; деньги взялъ и тѣ прогулялъ разомъ; у солдата хлѣбъ да-

ровой, одежда не купленая, хаты не нанимай! Все трынь трава!

И громкая пѣсня, которой выучили насъ старые служивые, грянула:

> Какъ подъ дождичкомъ трава,
> Такъ солдатска голова —
> Весело служитъ не вянетъ,
> Службу Царску бойко тянетъ!

Мы перешли два перехода, и вотъ однажды привалили мы къ берегу— «Давай перевоза!» По рѣкѣ, съ другой стороны, плывутъ къ намъ два порома, и на нихъ возы и обозы, всякій народъ и скотъ. Мы разлеглись на берегу, ждемъ отдыхаемъ Смотрю издали: что это мнѣ кажется? Ну, точно моя Дуняша: ея ростъ, ея лицо, ея одежда; перекрестился, отворотился—опять гляжу. Такъ у меня на сердцѣ и

зашевелилось. Да, развѣ мертвые воскресаютъ и въ наше время? Эхъ! не напоминай стараго, чего не воротишь! Поромъ ближе — что̀ ты будешь дѣлать! Ну, точно Дуняша! Да ужъ, это она—ретивое меня не обманетъ; я ее узнаю и въ царствѣ небесномъ, между тысячами тысячь! Поднялся, бѣгу къ берегу, смотрю: и она меня замѣтила и узнала, протянула руки.... Рѣка глубокая текла между нами—самъ я не чувствовалъ, какъ вошелъ въ воду, по колѣни, по поясъ, чуть не по горло. Дуняша кричала, рвалась; ее насильно удерживали, пока мои товарищи кричали мнѣ съ берега, что я утону, а Капралъ, испугавшись, думалъ, что я съ ума сошелъ, хочу съ горя топиться, и—размахивая руками, бѣгалъ онъ по берегу, будто курица съ утя-

тами.... Но я не утонулъ, досталъ поромъ рукой, вскочилъ туда—да, это была Дуняша; она такъ крѣпко обняла меня, хоть я былъ мокрехонекъ... и плакала, и смѣялась...

Тутъ поромъ привалилъ къ берегу. Капралъ схватилъ меня за воротъ, и сердито закричалъ: « Какъ смѣлъ ты, бездѣльникъ! безпокоить твоего начальника, причинять ему огорченіе? Вѣдь я думалъ, что ты въ рѣку бросился, хочешь утопиться!

—Виноватъ, Ваше Почтеніе! жена.

« Какая у солдата жена, кромѣ ружья! Мочить въ водѣ, портить казенную аммуницію.... Вотъ я тебя научу къ женѣ бросаться....

— Что̀ дѣлать, Ваше Почтеніе! безъ вины виноватъ. Она у меня такая красавица, такъ любили мы другъ друга....

« Красавица! » Капралъ взглянулъ на Дуняшу и расхохотался. Она стояла подлѣ меня, испугавшись, дрожа. Я взглянулъ на нее, и самъ немного оптшалъ: вмѣсто прежней моей дородницы, я увидѣлъ худую, рябую, блѣдную бабу. Такъ перевернула ее оспа, что Дуняша сдѣлалась дурна, и стара, и подслѣповата, и едва оправясь отъ болѣзни, была она еле въ чемъ душа держится; и она-же верстъ пятьдесятъ прошла пѣшкомъ, только-бы со мной повидаться....

— Ну, для ради такой красавицы избавляешься отъ фухтеля! — сказалъ Капралъ, засмѣялся и отошелъ въ сторону, а я сталъ вглядываться въ Дуняшу, вглядѣлся, и увидѣлъ, что она все прежняя Дуняша: тѣ-же глаза, тотъ-же голосъ; ряба немножко, блѣдна не-

множко, да, за то какъ-же она меня любитъ—и я обнялъ ее, какъ прежде обнималъ. И какъ вспомнилъ я тогда все минувшее, подумалъ, какъ она меня любитъ, подумалъ, что изъ могилы пришла она—проститься со мною... такъ слезы у меня и полились изъ обоихъ глазъ, и такія ѣдучія, что твоя сѣра горючая! Изволите видѣть, онѣ видно были застарѣлыя, потому, что я не плакалъ съ самаго отъѣзда изъ дому.

«Такъ ты не разлюбилъ меня, голубчикъ мой, свѣтикъ мой! за то, что я стала не хороша?»

— Тебя разлюблю я, моя душенька? Да развѣ красоту твою любилъ я? Да, ты и теперь мнѣ кажешься красавицей? —

И, право, не лгáлъ я: она мнѣ

казалась такой красавицей, Богъ вѣсть отъ чего, право, не лгу, хоть другія и говорили, что она ряба и не красива....

— Какъ-же ты оставилъ меня! За чѣмъ ты закабалилъ себя въ рекруты!

«Очередь пришла послужить Царю-Государю, Дуняша. Видно такъ Богу было угодно. Не бойся—увидимся весело! Ворочусь Капраломъ, подожди.

— А сколько ждать? Нѣтъ! сердце вѣщуетъ, что въ послѣдній разъ я тебя вижу! Прости, мое ненаглядное сокровище! Видно Господу угодно было, чтобы допустить меня еще разъ съ тобой проститься. А для меня ужъ и саванъ сшили, и гробъ сколотили. Не знаю, дотащусь-ли домой! Ну, да все равно: приля-

гу гдѣ нибудь на дорогѣ, и прими меня, Господи! За чѣмъ ворочусь я домой, когда нѣтъ тебя со мною? Теперь тебя и золотой казною не выкупишь изъ Царской службы, а дожидаться, пока ты самъ воротишься. . . . много воды утечетъ.... И слезъ-то мнѣ Богъ не даетъ — не чѣмъ мнѣ моего горя смочить....

Такъ посидѣли мы, поговорили, поплакали. Капралъ позволилъ Дунашѣ идти со мною до перваго города, гдѣ положена была остановка. И тутъ въ послѣдній разъ стало мнѣ опять радостно, опять весело.

Но если радость является не такъ, какъ добрый жилецъ, а временной гостьей, лучше-бы она совсѣмъ не приходила! И добрый булатъ, когда его, то въ огнѣ по-

калить, то въ холодную воду сунуть, то опять въ огонь, то еще въ воду — теряетъ свою крѣпость, а человѣкъ тоже: обтерпѣвшись въ горѣ, онъ свыкается съ нимъ, и ужъ ничего нѣтъ хуже этихъ заплатокъ радости на ветхомъ рубищѣ печали и горести.... Да, видите, не по нашему замышленію дѣло дѣлается...

Мы пошли съ почлега, и Дуняша пошла со мною; успѣвала, бѣдняжка, за нашей солдатскою ходьбою, хоть несла мѣшокъ съ дорожнымъ запасомъ. Но ея силъ не стало далѣе; полумертвая упала она, когда мы остановились. Я испугался. «Небойся, дружечикъ мой,» говорила она — «ничего — вѣдь это съ радости. Вы здѣсь останетесь дня на три—успѣю отдохнуть—ничего!»

— Мнѣ нечемъ и попотчивать тебя, душа моя. Право, копѣйки за душею нѣтъ!

«У меня есть. Возьми, вотъ тутъ въ мѣшкѣ два рубля мѣдью; я заложила свой сарафанъ праздничный—вѣдь тебѣ въ дорогу годится, а мнѣ на что?

Дуняша разсказала мнѣ, что она, какъ будто сквозь сонъ слышала мой голосъ, когда я съ нею прощался; и когда послѣ того не стало меня слышно, а всѣ завопили и заголосили обо мнѣ, ее, какъ будто кто приподнялъ, да встряхнулъ; она опомнилась и спросила: гдѣ я? — Разсказали ей правду безъ утайки—и къ чему скрываться было? вѣдь ужь рано или поздно узнаетъ — шила въ мѣшкѣ не утаишь; что сдѣлалось, того не во-

ропишь. Но она долго слушала ничего не понимая, и потомъ объ одномъ только стала думать: «Допусти, Господи! еще разъ повидаться съ нимъ до моей смерти!» На третій день начала она вставать, но долго еще не могла ходить. Тесть мой приказывалъ ей не пускаться въ дорогу. «Дальнія проводины, лишнія слезы!» говорилъ онъ. Но Дуняша узнала, что насъ погонятъ по дорогѣ верстахъ въ пятидесяти, и тихонько ушла, ни кому не сказавшись.

На третій день объявили намъ дальній походъ; сдали насъ партіонному офицеру. Дуняшѣ не льзя было идти съ нами, да и силъ ее недостало-бы — да и куда-же идти....

Тутъ—грѣшный человѣкъ! — раскаялся я, что такъ скоро рѣшилъ

свою участь, особливо, когда разсудилъ, да раздумалъ, что Дуняша не переживетъ разлуки со мною. Темнѣе осенней ночи показалась мнѣ будущая судьба моя. Я подумалъ даже—страшно сказать! — не убѣжать-ли мнѣ? Но потомъ началъ я молить Бога отогнать отъ меня злыя помышленія. И куда убѣжалъ-бы я? Развѣ въ воду? И что-же потомъ? Посрамленіе и погибель временная и мука вѣчная! Нѣтъ Сидоръ! — думалъ я — за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ! Чему быть, тому не миновать!

Не знаю: счастьемъ или несчастьемъ назвать то время, когда я прощался съ Дуняшею. Конечно, это прощанье значило все равно, что разбередить рану, которая было задохлась, онѣмѣла и

замерла; но опять и то, что мнѣ какъ-то отраднѣе стало, когда подумалъ я, что могъ еще разъ проститься съ Дуняшей; что она жива еще, а пока она жива, такъ есть еще кому на свѣтѣ помнить обо мнѣ, и Богу помолиться, и душу помянуть. А ужь это вѣрно, что на томъ свѣтѣ душѣ человѣческой легче, когда ее поминаетъ здѣсь родная душа, и къ Богу молитву объ ней посылаетъ, вынизанную слезами сердечными, какъ жемчугомъ крупнымъ, перекатнымъ.

Ну, а Дуняша моя почти радовалась, прощаясь со мною. Въ деревнѣ нашей наговорили ей, будто Староста и Засѣдатель неправедно отдали меня въ солдатство; что если похлопотать, да попратить, такъ меня воротятъ, гдѣ-бы я ни былъ. И еще болѣе: если-

бы могъ я поставить за себя рекрута, такъ и по очереди отданнаго, все еще меня воротятъ. Дура Дуняша всему этому вѣрила, и не могла нарадоваться, только о томъ и говорила, хотѣла просить отца своего, хотѣла продать все, что у нея было, идти въ работу сама. «Лишь-бы знать-то мнѣ, гдѣ ты будешь; пиши ко мнѣ, мой дружечикъ, почаще, а ужь я, либо добьюсь того, что тебя воротятъ, сама пойду въ Губернію, стану просить самого Губернатора, либо—не переживу». . . .

Она сдержала свое послѣднее слово.... Я не хотѣлъ печалить ее, не спорилъ; но, когда пришлось мнѣ обнять ее въ послѣдній разъ—было это на большой дорогѣ—нашъ отрядъ вышелъ за городъ и дожидался офицера своего—случился празд-

никъ какой-то, большой — и много каретъ и дрожекъ ѣхало мимо насъ на гулянье за городъ, и пѣшеходы шли туда, и всѣ были такъ разряжены, такъ веселы — и всякій ѣхалъ съ своею женою, съ своими дѣтьми — и разнощики толпой бѣжали за гуляющими... Обнявши свою Дуняшу, чувствуя, что это въ *послѣдній* разъ — охъ! какъ невыносимо было, Ваше Благородіе, тяжко несказанно, такъ, что я, грѣшный человѣкъ, готовъ былъ возроптать тогда на милосердаго Господа. . .

«Одна малая частица того, что стоятъ эти кареты и коляски,» думалъ я, «выкупила-бы меня, сдѣлала богатымъ и счастливымъ, соединила меня съ Дуняшею.» . . И я готовъ былъ упасть на колѣни передъ этими богачами, которые смѣясь

и радуясь, такіе здоровые, такіе веселые, ѣхали мимо, и не думали даже и поглядѣть на насъ — я готовъ былъ вымаливать у нихъ, у каждаго хоть по немногу ихъ, счастья... Но—ударили, забили въ барабанъ, и мы отправились въ походъ; мнѣ не льзя было и оглянуться, посмотрѣть: стоитъ-ли еще Дуняша и смотритъ-ли на меня....

Два, три перехода, даже до самаго прихода въ полкъ, чуть было не положилъ я на себя руки, и не одинъ разъ, вертя въ рукахъ ружье мое, думалъ я: « Только пошевелить курокъ, и—поминай какъ звали! » Мнѣ казалось иногда ночью, что Лукавый стоитъ подлѣ меня, и шепчетъ мнѣ это въ уши; но я вставалъ, крестился, и демонское обаяніе проходило отъ креста и молитвы. Я оглядывался вокругъ

себя, видѣлъ своихъ товарищей, видѣлъ, что я не одинъ... Недиво, коли солдаты крѣпко стоятъ другъ за друга: ихъ связываетъ одинакая участь; ихъ дружитъ общая судьбина, общая дума, что нѣтъ у нихъ ни отцовъ, ни матерей, ни роду, ни племени, ни впереди надежды, ни назади памяти — пріютишься не гдѣ, завидовать не кому, думать не о чѣмъ—легъ свернулся, всталъ встряхнулся — весь тутъ! Солдатъ Божій человѣкъ, одинъ, какъ солнышко на небѣ у Царя Небеснаго...

Я писалъ къ Дунашѣ; отвѣта не было; посылалъ и со вложеніемъ письма—не было вѣсти съ родины. Потомъ пересталъ я писать; прошелъ годъ, прошло два, прошло три — пересталъ и думать. И когда объ этакихъ вещахъ думать солдату! Ученье, смотръ, переходъ, дневка,

остановка; маршируй съ одного края матушки-Россіи въ другой; неси, няньчай неизмѣннаго товарища, ружье солдатское; стой на караулѣ; потомъ чистись, да ладься на ученье.... Говорятъ, будто есть у богачей какая-то особая болѣзнь — *скука*. Подъ солдатскую-бы я суму всякаго, кто хандритъ, да съ жиру бѣсится—повѣрьте, что все забудетъ, и развеселится, и выздоровѣетъ. — Оно не то, изволите видѣть, что *развеселится*, а радъ будетъ покою, какъ нежданному, доброму гостю, радъ будетъ отдыху, какъ сестрѣ родимой. Какъ-бы разсказать вамъ о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ? Жаль, что не умѣю, а не можете-ли вы представить себѣ, Ваше Благородіе, что солдатъ человѣкъ, у котораго душа перешла въ ружье, а сердце бьется

въ патронѣ. Отъ того штыкъ ему братъ родимый, и не выдаетъ солдата — послушливѣй жены любимой вѣрнѣе брата крестоваго; а пуля слуга его, самая вѣрная: куда пошлютъ ее — слушается, летитъ прямехонько и скорехонько, скорѣе мысли человѣческой. . .

III.

Нѣсколько лѣтъ не получалъ я писемъ отъ Дуняши; не зналъ ничего, что дѣлается на родинѣ; жилъ съ ружьемъ, на ружьѣ и ружьемъ, не видя ничего, кромѣ казармъ да ученья, смотра да коммандира; и отъ всего этого сталъ я совсѣмъ другой человѣкъ: походилъ на такого человѣка, у котораго перемѣнили руки, ноги и голову, и приставили ему другія ноги, желѣзныя,

другія руки, мѣдныя, другую голову, съ мозгомъ, вмѣсто прежней, мужичей безъ мозгу. Не хвастая скажу, что сдѣлался я лихой солдатъ, такъ, что меня ставили въ примѣръ товарищамъ; коммандиры меня любили; товарищи слушались; палка рѣже другихъ гуляла по моей спинѣ. Безъ палки не льзя, Ваше Благородіе, истинно не льзя, такъ, какъ не побивши жены, чѣмъ докажешь, что любишь ее въ самомъ дѣлѣ—ну, то есть, очень любишь?

Когда, изволите видѣть, приставили мнѣ другую голову, какъ я докладывалъ вамъ, увидѣлъ я, что былъ я мужикомъ большая дурачина, и что наука пособляетъ уму и разуму. Вотъ и принялся я учиться, и скоро выучился грамотѣ, такъ, что никто лучше моего не-

умѣлъ написать репортички, и меня произвели въ унтеръ-офицеры.

Но кто вѣкъ свой провелъ въ казармѣ, да на ученьѣ, тотъ еще *плохой солдатъ, въ половину солдатъ, въ четверть солдатъ*, какъ говорилъ нашъ отецъ Суворовъ. Нѣщъ! для полнаго солдата надобно побывать въ походѣ, помыкаться на чужой сторонѣ, окуриться порохомъ, поджариться на огнѣ. Слыша разсказы старыхъ товарищей, куда какъ мнѣ хотѣлось поработать штыкомъ, повидать чужой стороны, отвѣдать духа бусурманскаго, чѣмъ пахнетъ штыкъ, когда свалишь имъ полдюжины. Особливо былъ у насъ въ полку одинъ старый служивый, лихой фельдфебель, еще съ Румянцевымъ подъ Кагуломъ бывалъ, и съ Суворовымъ на Измаилъ шелъ. Вотъ, какъ бывало нач-

нетъ Зарубаевъ разсказывать, такъ у насъ слюнки текутъ. Разсказалъ-бы я вамъ, да гдѣ — только испортишь разсказъ Зарубаева! Вѣдь дѣло мастера боится.

«А что, Зарубаевъ,» иногда спрашивали мы его, «какъ ты думаешь: скоро-ли опять начнется война? Скоро-ли опять выпустятъ Царскую армію на непріятеля?» — А Богъ вѣсть! — говаривалъ онъ. — При нашей матушкѣ-Государынѣ мы почти безпрестанно дрались, да тогда были на то *резоны*. Видите: съ одной стороны были тогда Татары, съ другой Турки, съ третьей Персіяне, съ четвертой Шведы, съ пятой Поляки, съ шестой Прусаки, съ седьмой Китайцы. Государыня и подумала: «Ну, хорошо, пока еще они боятся, да пока мы готовы, стоимъ съ ружь-

емъ въ рукахъ. Да вѣдь на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты. Задумаешь отдохнуть, положишь ружье, вздремнешь, а они, какъ всѣ вдругъ нагрянутъ, такъ вотъ тебѣ и разъ; рукъ-то у меня всего двое!» Она и начала, знаете, изподтиха, приосамилась, приоправилась, и говоритъ прежде всего Турецкому Султану: «Послушай, Султанъ: не вели ты Татарамъ Крымскимъ шалить!» А Татары-то, знаете, жили тогда въ Крыму, туда на полдень отъ Курска, и къ нимъ по степи нельзя было пройдти; а они то и дѣло, на лошадяхъ, переѣдутъ черезъ степь, да и давай грабить, жечь, рубить; ни церкви Божіей не оставятъ, ни младенца не пощадятъ, за ноги, да объ уголъ. А какъ соберутся мстить имъ за кровь неповинную, христі-

анскую, да за церкви Божіи, такъ они гикнутъ, да только ихъ и видѣли, улетятъ на своихъ лошадяхъ, и слѣда по ковылю, да по степи не сыщешь. Ну, а Султанъ ихъ похваливаетъ, да дѣвокъ себѣ беретъ, которыхъ Татары увезутъ изъ Россіи — вѣдь онъ Махметовой вѣры, и у нихъ вина не пьютъ, а женъ хоть сотню держи. Этакіе болваны: не знаютъ вкусу въ винѣ, не знаютъ и того, что и съ одной женой горе беретъ, а съ сотней, такъ просто со свѣта бѣги! Отъ того у нихъ такой содомъ бываетъ между женами, что Султанъ самъ не радъ, и дѣла ему дѣлать нѣкогда, и на войну онъ неѣздитъ— все сидитъ у себя, да женскія сплетни и ссоры разбираетъ. Вотъ Султанъ отвѣчаетъ: « Нѣтъ, Катерина Алексѣевна, я Татаръ не

уйму, *саламалыкъ* (по Турецки, то есть, *нехочу*)! А Государыня говоритъ: «Уйми,» а онъ говоритъ: «Нѣтъ неуйму»! — Такъ, постой-же — сказала Государыня,— вотъ я тебя проучу, копченая ты борода, Саламалыкъ Махметовичъ! Вѣдь у тебя и Царьградъ-то твой чужой; ты вѣдь его у Грековъ взялъ, когда православнаго Царя Константина убилъ. Отдай ты мнѣ Крымъ, Очаковъ, Измаилъ, Бендеры, Кафу—и... начли ему сотни двѣ городовъ. «Да, какъ-бы дескать не такъ, то есть, тово воно, какъ оно, изволишь видѣть!» отвѣчалъ Султанъ. Но не успѣлъ анъ трубки докурить, не успѣлъ оглянуться, онъ ужь наши генералы, Румянцовъ, Потемкинъ, Панинъ, и пошли, да и пошли! Да, вѣдь какъ пошли: Султанъ собралъ было тму тмущую бусурма-

новъ а они, какъ начали, да начали— куда тебѣ! только иверни полетѣли! А особливо отецъ нашъ, Графъ Александръ Васильевичъ Рымнинскій, такъ онъ съ ними просто шутилъ. Подъ Кинбурхомъ было у него тысячи двѣ солдатишекъ, и то ужь такъ, кое-чего; а Турковъ пришло сто кораблей, полнехоньки народу, и вышли они на берегъ. Ему и говорятъ: «Ваше Превосходительство! Турки пришли» — а онъ говоритъ: «Хорошо!» и самъ будто спитъ. Опять говорятъ: «Ваше Превосходительство! Турки ужь баттарею построили.» А онъ говоритъ: «Хорошо!— и только себѣ. Ну, ужь еще пришли, говорятъ: » Вставайте, Ваше Превосходительство! Всѣ Турки вышли на берегъ, и корабли назадъ поотпущали; хотятъ съ чеснокомъ насъ съѣсть! « Какъ онъ вскочитъ—

ажно онъ и неспалъ — да какъ запоетъ пѣтухомъ — Турки такъ и дрогнули — и пошла писать! Да, вѣдь такъ разчесалъ, что они съ дуру-то въ море бросались, хотѣли до Царьграда въ бродъ перейдти, и достались на закуску морскимъ рыбамъ! А что было еще подъ Измаиломъ, такъ и разсказывать страшно! А подъ Очаковымъ, въ самый Николинъ день? Самъ я тамъ небылъ, а слышалъ, что тамъ ядра въ пушкахъ замерзали, огонь застывалъ, снѣгомъ стрѣляли, изъ льду лѣстницы на стѣны дѣлали.— Вотъ услышалъ Шведскій Король и говоритъ: « Матушка Государыня! не тронь моего друга, Султана Турецкаго, а не то отдай мнѣ три города! « знаете пѣсню:

Пишетъ, пишетъ Король Шведскій,
Къ Государынѣ въ Москву:

«Ты, Великая Государыня,
Отдай три города мои —
Первой Ригу, второй Ревель,
Третій славный Петербургъ;
А не отдашь ты ихъ мнѣ,
Походомъ пойду;
Развоюю твою Россію,
Тебя самое въ полонъ полоню!

Вы думаете, Государыня его и послушалась? Да, держи карманъ! И Король Шведскій разъярился, пришелъ къ самому Петербургу, и открылъ баталію на морѣ, такъ, что въ Петербургѣ окна дрожали. Адмиралъ Чичаговъ — дай Богъ ему царство небесное!—такъ отдѣлалъ его, что и самого Адмирала Шведскаго взяли. А между тѣмъ, черезъ моря далекія, черезъ Аглицкую землю, черезъ Средиземное и черезъ Бѣлое море, въ Грецкую землю пришелъ нашъ Адмиралъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ — этакой молод-

чина, чуть не въ сажень—и хотѣлъ взять самый Царьградъ. И какъ началъ палить, такъ Султанъ ужь не шутя испугался, выслалъ своихъ корабельщиковъ, говоритъ: «Идите вы, мои вѣрные корабельщики, возьмите этого Орлова живьемъ, а не то я вамъ всѣмъ головы поотрублю!» Корабельщики поклонились Султану и пошли. Но какъ увидѣли Русскіе корабли — душа въ пятки ушла—они и давай бѣжать. А Русскій Адмиралъ съ ними шутить не захотѣлъ, загналъ ихъ въ какую-то гавань, и послалъ одного хитреца, Аглицкаго Нѣмца, а того угораздило—зажечь море; всѣ Турки такъ живьемъ и сгорѣли! И такая была возня, что отъ Царяграда до земнаго пупа, да до Ерусалима, земля тряслась, а въ Италья́нскую землю отъ кораблей огарки летѣли. Тутъ

Султанъ взметался, и жены всѣ къ нему приступили; говорятъ: «Мы тебя башмаками откозыряемъ, если ты не помиришься съ Рускими!»— Онъ еще было послалъ къ Персидскому Шаху, да къ Польскому Королю, да къ Китайскому Булдыхану, просить помощи. Китайцы, знаете, тоже бусурманы, живутъ за Сибирью, къ Индѣйскому морю — народъ узкоглазый, дѣлаютъ чай, вотъ, что бара наши пьютъ по утрамъ; а впрочемъ не воинскій народъ, трусливый, и домы-то у нихъ бумажные, а пушки стеклянныя, ружья глиняныя. Булдыханъ и говоритъ Султану: «Радъ-бы я тебѣ, пріятель дорогой, помогать, да видишь: мнѣ далеко, и у меня Рускіе купцы чаю покупать не станутъ.» А Шахъ говоритъ: «Пожалуй, помогу!» И послалъ онъ войско

въ Грузію, что между Синимъ да Чернымъ, да Хвалынскимъ моремъ, гдѣ стоитъ городъ *Желѣзныя ворота;* еще, говорятъ, Александръ Македонскій его строилъ — была стѣна отъ моря до моря, да теперь развалилась. Государыня послала туда Графа Зубова, и онъ такъ пугнулъ Персіянъ, что они убѣжали за Араратскія горы, на которыхъ Ноевъ ковчегъ остановился, такія, слышь ты, горы, что какъ взглянешь на вершину, шапка свалится, и тамъ на верхушкѣ никогда снѣгъ не таетъ. Вотъ и остались у Султана только Поляки — народъ задорный, ну таки и храбрый — въ старые годы, при Царяхъ, и Москву было завоевалъ, да Русскій мясникъ одинъ собралъ мужичковъ, и дубьемъ прогналъ ихъ. Поляки и зашевелились. «*О вшистки дьяблы!*

ратдвацъ за моспана Султана! (Зарубаевъ былъ мастеръ говорить на всѣхъ языкахъ).—Государыня и думаетъ: «Хорошо — поколотили мы Турковъ, Татаръ, Шведовъ, Персіянъ; но что другіе подумаютъ? Вѣдь этакъ-дескать, кой чортъ — Рускіе бьютъ, бьютъ, да и до насъ добьются? А народу еще много бусурманскаго: Англичане, Французъ, Нѣмцы, Итальянецъ, и Богъ вѣдаетъ — какъ песка морскаго, у Бога народовъ безчисленно. Хоть и храбры мои Рускіе, да вѣдь противъ цѣлой земли Господней не станешь.» Она и послала къ Цесарцу, да къ Прусаку. А тогда въ Пруссіи былъ Король Ѳедоръ Ѳедоровичъ, невеликъ ростомъ, головка небольшая, глаза ястребиные, коса въ аршинъ, да уменъ, и такой храбрый, что семь лѣтъ дрался со всѣми сосѣдя-

ми, и ужь кое-какъ Рускіе-же пособили — всѣхъ было завоевалъ! И говоритъ ему Государыня: «Любезный братъ, Король Прусскій! пойдемъ, уймемъ Поляковъ; возьмемъ ихъ царство и раздѣлимъ.» Тотъ и радъ. Государыня послала Суворова — вотъ тогда-то было взятіе Праги, о чѣмъ я вамъ прежде разсказывалъ. И Польши нестало; и Государыня взяла себѣ сорокъ городовъ съ пригородками, двадцать четыре дала Прусскому, а четырнадцать Цесарскому Императору. Тогда видитъ Султанъ, что худо, взмолился ужь не Махмету, а Русской Императрицѣ, давай кланяться, просить мира; и съ нимъ помирились, хорошо помирились, такъ, что еслибы еще раза два этакъ помириться, то Султанское Величество маршируй черезъ море въ Эѳіопскую землю, а намъ подавай все, чѣмъ

прежде владѣли Греки. Да, вѣдь оно и праведно: Греки намъ отдали и свою вѣру православную; и послѣдняя Греческая Царевна вышла за нашего Царя Ивана; и на гробѣ Царя Константина, который съ матерью Еленою нашелъ Крестъ Животворящій — вотъ, что праздникъ Воздвиженья — написано мудрыми людьми, что нѣкогда Рускіе завладѣютъ Царяградомъ; и въ Царяградѣ есть ворота въ стѣнѣ, закладенныя Турками, сквозь которыя Рускіе пройдутъ въ Царьградъ. Эти ворота заколдованы были однимъ Нѣмцомъ; да что устоитъ противъ силы Честнаго и Животворящаго Креста Господня? Перекрестись, да штыкомъ! Посмотримъ, устоитъ-ли!»

Такъ, или похоже на это, разсказывалъ намъ Зарубаевъ, и мы

бывало сидимъ вокругъ него, и цѣлыя ночи прослушиваемъ, какъ онъ разсказываетъ. Этакой былъ солдатъ, чудо, съ каменною грудью, съ золотымъ языкомъ — златоустъ, да и только! И обо всемъ былъ мастеръ говорить. Нѣкоторые изъ насъ, новичковъ, станутъ бывало спрашивать его: « Какъ-же, Зарубаевъ, не бояться смерти? И хорошо-бы оно, пошелъ, да подрался, но вѣдь пуля-то не свой братъ; а какъ ногу, либо руку оторвутъ — больно; да и страшно смотрѣть, когда крошатъ человѣка, будто битое мясо готовятъ, а кровь черпаютъ, будто за здоровье выпить хотятъ? » — Охъ! вы трусы, дряни! — говорилъ онъ — да не все-ли равно: когда нибудь умирать надобно? Не лучше-ли умереть вдругъ, безъ боли и болѣзни, нежели изны-

вать, да кряхтѣть и чахнуть полгода? Да знаете-ли, что на ядрѣ, которымъ унесетъ васъ изъ здѣшняго міра, вы перелетите прямо въ царство Небесное? Вѣдь Церковь Святая говоритъ: «*Больше сея любви нѣтъ, еже душу свою положити за ближняго*,» и она во вѣки вѣковъ поетъ большую панниxиду за всѣхъ православныхъ воиновъ, на брани, за вѣру и отечество убіенныхъ. А слава-то какая, а честь-то какая? Командиръ скажетъ: «Ай, да молодецъ былъ!» А Государь скажетъ: «Этакихъ молодцевъ у меня осталось немного!» Такъ дождется-ли такого слова какой нибудь гарнизонная крыса, если и сбережетъ свою дурьную башку до отставки, сидя на печи въ казармѣ?—Страшно! Вишь, что выдумали! Оно, коли хотите, и страшно сначала, а

тамъ, какъ заговорятъ пушки, да затрезвонятъ барабаны — такъ и страхъ, будто съ гуся вода—такъ и лѣзешь впередъ, такъ руки и чешутся на басурмана...

Но ни объ чемъ не говаривалъ Зарубаевъ столь хорошо, какъ о Графѣ Суворовѣ, съ которымъ служилъ долго, котораго видѣлъ въ Польшѣ и въ Турещчинѣ... Но, полно пересказывать Вашему Благородію чужіе разсказы; лучше скажу о томъ, что самъ я видалъ. Вотъ изволите видѣть, прошу о вниманіи: однажды, сижу я въ Канцеляріи; слышу такой шумъ, крикъ; бѣгу, смотрю: толпой всѣ высыпали изъ казармы; офицеры обнимаются, солдаты въ кружкѣ около Зарубаева. « Что такое сдѣлалось? » — Ура! — кричитъ онъ — радуйся, Сидоръ! Давно хотѣлъ ты поню-

хать изъ пушечной табакерки солдатскаго табаку, да помѣряться лбомъ съ ядромъ, кто крѣпче — радуйся! мы идемъ въ походъ!

Тутъ узнали мы, что пріѣхалъ курьеръ, и черезъ три дня мы выступаемъ, и что батюшка нашъ Графъ Александръ Васильевичъ нами начальствуетъ. Вечеромъ Зарубаевъ уже все узналъ, и разсказалъ намъ, что мы не за себя будемъ драться, а за Цесарскаго Императора, и съ такимъ народомъ, съ которымъ еще не дирались — съ Французомъ! Не умѣлъ онъ растолковать за что дѣло стало, а только слышалъ, что Французы, не вѣсь съ чего, вдругъ разъярились, начали всѣхъ колотить, и Прусаковъ, и Англичанъ, и Цесарцевъ, такъ, что не взмилился никому бѣлый свѣтъ. И Цесарскій Императоръ взмолился на-

шему Императору: «Ой, батюшка, отецъ родной, Павелъ Петровичъ, Государь Всероссійскій! смилуйся! Еще таки управлялся я съ Французомъ, пока не было у него Генерала Бонапартѐ, а этотъ меня совсѣмъ загонялъ. А теперь Бонапартѐ уѣхалъ за море, бить Эѳіоповъ; а у тебя есть старикъ Суворовъ; пришли его, ради Христа!» Императоръ и позвалъ тотчасъ Суворова, и сказалъ: «Ну, Александръ Васильичъ! виноватаго Богъ проститъ. Поди спасай Царей! Вотъ тебѣ моя армія. Надѣешься-ли?» — Попытаюсь — отвѣчалъ старикъ — да съ такимъ Царемъ, какъ ты, по что не спасти! — Вотъ Суворовъ поклонился, велѣлъ заложить кибитку и поѣхалъ, и намъ велѣлъ идти на Французовъ, за Цесарскую страну, въ Италъянскую землю.

Не стану вамъ разсказывать, Ваше Благородіе, какъ мы радовались, какъ мы пошли, шли, шли, всю Цесарскую землю перешли. Наглядѣлся я чудесъ и диковинокъ. Города каменные, домовъ по семи, одинъ на другой настроены, улицы узкія, сивухи Русской и въ поминѣ нѣтъ, все виноградное вино, да пиво; дороги, какъ улицы, мощеныя — и грязи-то Богъ имъ не даетъ. Ну, а народъ добрый, простой — только захоти, такъ и обманешь; и все бормочутъ по своему—чудный такой языкъ! Хорошо еще, что Зарубаевъ насъ подучилъ ихъ языку, и мы такъ бывало и рѣжемъ. Скажешь: *Тринкать*, и укажешь на ротъ—и несутъ тебѣ вина; выпьешь, скажешь: *Гутъ!* а Нѣмецъ и радъ, и смѣется, и начнетъ тебѣ лепетать; а ты только подговари-

ваешь ему : *Гутъ , я* — то есть : *хорошъ я ;* да ужь если надоѣстъ очень, такъ и промолвишь : *Ты Нѣмецъ гутъ , а я Русакъ гутѣе , а Суворовъ еще гутѣе.* Тогда, бывало, Нѣмецъ сниметъ шляпу , и поклонится : *О , Субаро̀въ* — Но Итальянская земля , Ваше Благородіе , еще мудренѣе : у нихъ вмѣсто нашей березы и сосны — лимоны , да померанцы ; и зимы нѣтъ — такая земля , что не благословилъ ее Богъ снѣгомъ , и прокатиться на саняхъ нѣкогда и нѣгдѣ—и все такая теплынь , что потѣешь , потѣешь , бывало , да и тьфу ты пропасть какая ! Дѣвки у нихъ хороши, только все бусурманки , покланяются Римскому Папѣ , и противъ Русскихъ дородностью не будутъ.

Вотъ мы ждемъ не дождемся , когда встрѣтимся съ Французами ;

и попрушивали мы немного, хошь надѣялись на Бога и на Суворова. «Не знаю, ребяша,» говорилъ намъ Зарубаевъ, когда мы у него спрашивали — «нѣчего на душу грѣха брашь, не знаю, чшо за народъ, не случалось драшься. А ужь чшо они хуже Рускихъ, за шо голову прозакладую, хошь они машушку-рѣпку пой!» — Кручинило насъ и шо, чшо мы еще не видали нашего Суворова.

Будшо шеперь смопрю — было въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, черезъ шри дня послѣ Егорья, ночью подняли насъ съ лагеря. Былъ шогда у насъ Генералъ Пешръ Иванычъ Баграшіонъ; выстроилъ насъ въ ряды; самъ выѣхалъ передъ фуншъ — носъ шакой большой, голосъ рѣзкій, мужесшвенный; началъ говоришь; мы закричали: *Рады сшараться!* Самъ

онъ кликнулъ охотниковъ, и пошли мы всѣ. Ночь хоть глазъ выколи; подошли къ рѣкѣ... Какъ бишь она?.. *Ада*, *Ѣда*, забылъ... Залегли мы всѣ на берегу, и начали наши инженеры мостъ мостить. Французы и не замѣтили этого, а мы, къ свѣту, какъ грянемъ по мосту, да на нихъ... То-то пошла потѣха! Кто бѣжитъ, кто дерется, кто кричитъ: *Пардонъ!* Тутъ и страхъ пропалъ. « Эхе!» говорилъ Зарубаевъ, смотря на плѣнныхъ, «да этотъ народъ хуже Турка, а еще туда-же лѣзетъ драться съ Рускими!»

Но это было только цвѣточки. Скоро узнали мы, что Французы лихой народъ. Было это въ Маѣ мѣсяцѣ, жара такая, а вмѣсто отдыха мы ходили взадъ да впередъ, по Нѣмецки, потому, что Нѣмцы до тѣхъ поръ не бьются, пока не

выберутъ мѣста, откуда можно отступить, если сила не возьметъ — ужъ такая у нихъ повадка. Старику Суворову не нравилось это, но что дѣлать! Назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ. Наконецъ выбралась душа на свободу: слышатъ Нѣмцы, что отвсюду идетъ Французъ, испугались, а Суворовъ и началъ по Русски — повелъ насъ прямо. Тутъ въ первый разъ я видѣлъ Суворова.

Всѣ мы стояли въ строю, и я глаза проглядѣлъ — такъ хотѣлось видѣть этого отца солдатскаго, и я представлялъ его себѣ еще выше нашего Багратіонова. Вотъ и слышу, ревутъ: *Ура!* И мы крикнули, и ѣдетъ. . . Ахъ! ты, Господи Боже! изъ дивъ диво: стариченцо, худенькій, сѣденькій, маленькій, въ синей шинели, безъ кавалерій, на

Казацкой лошади; поворачивается въ сѣдлѣ на право, на лѣво, а за нимъ генеральства гибель. Но какъ онъ подъѣхалъ, какъ заговорилъ, такъ я и узналъ: отъ чего солдаты его любятъ? Все поняли мы, о чѣмъ говорилъ онъ, и такъ сладко, и такъ умильно говорилъ онъ, что когда онъ снялъ шляпу, началъ молиться Николаю Чудотворцу, мы готовы были и плакать, и смѣяться — подавай по десяти на одного! Ужь не по приказу, а отъ души кричали мы: *Ура!*

На другой день, рано утромъ, вывели насъ, молодцовъ, поставили. Солнышко только что всходило. Посмотрю кругомъ—туманъ, полки, артиллерія. Гдѣ-жь непріятель? думалъ я, и узналъ, что дѣло не то, какъ ночью мы перешли по мосту. Сперва началась жарня на лѣвой

сторонѣ, словно громъ, такъ и перекатывается. И вотъ вспыхнула деревенька на право, тамъ на лѣво; туманъ пронесло — пожаръ разгорался, пальба крѣпчала. Тутъ я, правду сказать, почуялъ пушечную лихорадку, стою и дрожу. Особливо, когда вдалекѣ пошли въ атаку, и намъ видно было, какъ одинъ изъ Русскихъ полковъ бѣжитъ, за нимъ гонятся Французскіе уланы и гусары, а другаго и не видно стало въ далекѣ—онъ, какъ печь, горѣлъ въ дыму, въ полымѣ, отъ бѣглаго огня. Тутъ поволокли мимо насъ раненныхъ, изувѣченныхъ — они стонутъ, воютъ; иной ползетъ и проситъ: « Приколите, ребята! » Наконецъ дошла очередь и до насъ; въ первый разъ услыхалъ я, какъ запѣли ядра надъ нашими головами, и насъ стало вы-

рывать цѣлыми десятками. Мы дрогнули, особливо, наша братья, небывальщина—боязно, хочется посторониться отъ нежданнаго гостя — да иной наклонится, а его и слѣду нѣтъ — кровь, мозгъ брызгали со всѣхъ сторонъ! А между тѣмъ намъ кричатъ одно: «*Держи строй! Смыкайся!*» Зарубаевъ стоялъ подлѣ меня; пальба ревѣла такъ, что ужь ничего не было ни слышно, ни видно — только, будто изъ темной тучи, впереди сверкалъ огонь, а грому отъ пушекъ потому не было слышно, что кругомъ все скаталось въ громъ — земля дрожала — свѣту преставленье! «Сидоръ!» сказалъ мнѣ Зарубаевъ — «ты дрожишь?»— Виноватъ, пріятель, дрожу! — «Дуракъ! если, на которомъ ядрѣ твоя смерть написана, отъ того ядра ты нигдѣ не спрячешься, а которое

не тебѣ назначено, такъ всегда пролетитъ мимо!» — Въ это время надъ головой загудѣло у насъ ядро — я неволей присѣлъ, а Зарубаевъ захохоталъ. «Кланяйся, посылай вѣсточку на родимую сторону; ужь оно далеко.».. Неуспѣлъ докончить онъ слова, какъ меня всего обсыпало землею, сшибло съ ногъ, я упалъ, вскочилъ, щупаю: цѣло-ли ружье — цѣло! Слышу знакомый голосъ... Зарубаевъ лежалъ подлѣ меня. Я наклонился къ нему. «Ну, Сидоръ, прощай братъ!» сказалъ онъ — «учись умирать по солдатски — видишь какъ! Твори молитву, вытянись въ послѣдній разъ, явись къ Богу молодцомъ, и какъ спросятъ на перекличкѣ у Господа, отвѣчай: «Легъ за матушку Россію и за вѣру православную... Господи помилуй!».. Кровь текла изъ не-

го, и душила его... Тушъ, видимъ, самъ Баграшіонъ нашъ выскакалъ, командуешъ: «*Впередъ!*» Все рванулось впередъ, и, не знаю какъ вамъ сказашь, Ваше Благородіе: крикъ, пальба, бѣжишь, спошыкаешься на мершваго, шопчешь живаго — барабаны, пушки, шрескъ, сшонъ — вдругъ шаркнули въ насъ каршечью; слѣва хвашили гусары — народъ валишся одинъ на другаго—я упалъ; на меня попадала цѣлая груда шоварищей—слышу, какъ ѣздяшъ черезъ насъ лошади... Но — живъ, опяшь шихо, шихо — я выкарабкался, и вижу, чшо немного нашихъ егерей сшояшъ, заряжаюшъ ружья — впереди наши Рускіе ошкрыли пушечную пальбу, шакую, чшо не приведи Господи — куда усшояшь — вѣшромъ несло дымъ на Французскую сшорону, и Французы

бѣжали къ рѣкѣ, а въ догонку ихъ провожали ядрами! Какъ одурѣлый, бросился я къ товарищамъ. Намъ тотчасъ скомандовали, примкнули насъ къ другому полку, велѣли разсѣяться, идти въ право, въ огонь, гдѣ горѣла деревня—мы бросились черезъ сады.... Что за сады такіе: лимоны, померанцы, виноградъ, все, что у насъ господа въ оранжереяхъ, да въ теплицахъ берегутъ! И повѣрите-ли: весь страхъ у меня тогда пропалъ — точно, какъ на кулачномъ бою — только допусти, Господи! до врага-собаки—у! и въ огонь и въ воду! Французы сильно стрѣляли изъ за огородовъ; мы ломали огорожи, лѣзли — Охъ! была тутъ потѣха — натѣшилась душа! Чего тратишь казенные патроны! Ближе къ дѣлу — прямо черезъ заго-

рожу, да штыкомъ.... Сробѣетъ! Вѣдь не Руской!

Но, тутъ увидѣли мы однакожъ, какъ говорили послѣ и самые старые солдаты, что Французы мастера драться. Вѣдь съ самимъ Графомъ Суворовымъ три дня тогда дрались они; а потомъ, разумѣется, побѣжали, давай Богъ ноги! Еще-бы съ Суворовымъ, да Рускому, уступить!

Таково было первое дѣло, гдѣ я попался въ самую сумашоху, и вышелъ цѣлъ. И это меня такъ ободрило, что потомъ, истинно, я не похвасталъ-бы передъ Зарубаевымъ, если-бы сказалъ, что не кланяюсь ядрамъ. Но, Зарубаева уже не было на бѣломъ свѣтѣ — жилъ славно и умеръ славно! Мы всѣ жалѣли объ немъ... О себѣ-бы лучше пожалѣть...

Что за радость теперешняя моя жизнь: съ деревяшкой маюсь, а Зарубаевъ ужь лѣтъ двадцать, какъ отслужилъ Богу и Государю, да и спокоенъ. Рвалось у меня сердце, когда потомъ поганый Французъ пришелъ къ намъ на Святую Русь; когда слышалъ я, какъ онъ заплѣнилъ Матушку-Москву, ограбилъ Соборы православные, поругался Святымъ Иконамъ—хотѣлъ было хоть въ фурлейты проситься.... Ну, и безъ меня управились. Не сдобровалъ Французъ проклятый, замерзъ въ нашихъ Русскихъ снѣгахъ! Хорошо было ему драться въ теплѣ, въ Итальянской, да въ Нѣмецкой землѣ....

Проходилъ здѣсь отставной солдатъ, поразговорились мы, и поразсказалъ онъ мнѣ обо всемъ... Эхъ! не было меня старика, какъ ба-

тюшка нашъ, Царь Александръ Павловичъ давалъ баталію подъ Липскимъ—съ горя плакать хочется! Что̀ наши Суворовскія баталіи передъ этимъ побоищемъ? Игрушки! — Вѣдь однихъ пушекъ было, Ваше Благородіе, 2000! И надобно было дать такую баталію, чтобы порѣшить этого колдуна Бонапартѐ. Не даромъ его боялись Цесарцы.

Правда-ли, Ваше Благородіе, будто теперь отправили его за море, за окіянъ, на кипучую морскую пучину? Что-то не вѣрится! Вѣдь, наше мѣсто свято, говорятъ, онъ Антихристъ, и скоро настанетъ кончина міра, и онъ опять выйдетъ? Смотрѣть на міръ и на людей, такъ, кажется это неправда: люди, каковы были, таковы и есть; и знаменій пришествія Антихристова,

о которыхъ читалъ я въ книгѣ Преосвященнаго Стефана Яворскаго, еще нѣтъ.

А знаете-ли, Ваше Благородіе, что я видѣлъ Бонапарте, ей Богу, не лгу, видѣлъ, какъ васъ теперь вижу. Извольте, я вамъ разскажу. Еслибы мнѣ стать разсказывать все, что видать случалось, гдѣ я бывалъ, что слыхалъ—ночи-то мало-бы мнѣ было, а оно и безъ того ужь не рано. Вотъ ужь и *Сохатый* на небѣ хвостъ поворотилъ, и *Кычиги* шарахнулись на утро....

Поплакали всѣ мы, солдатушки, какъ услышали потомъ о кончинѣ Графа Суворова, упокой Господи его душу! Послѣ того, полно драться—заржавѣли ружья, заплѣснѣвелъ порохъ. Лѣтъ шесть прошло, какъ воротились мы въ Россію. Наше дѣло солдатское, не намъ разсу-

ждать; но какъ слышали мы разговоры командировъ и начальниковъ, такъ иногда бывало толкуемъ между собою — такъ и рвется ретивое! Этакую вольность взяли себѣ эти Французы! Забыли, какъ бѣгали передъ Суворовымъ, и, смотри пожалуй, воротился Бонапартѐ изъ Эѳіопіи — ужъ онъ и *Императоръ*— ужъ и Цесарію взялъ за себя — и Прусака смялъ — и Италію заполонилъ! Наконецъ ударили походъ — слава тебѣ, Царю небесный, утѣшителю, Душе истинный! что внушилъ такую мысль православному Царю земному! Пошли мы по знакомой дорогѣ, въ Нѣмецкую землю, опять съ нашимъ Генераломъ Багратіоновымъ, Суворовскимъ ученичкомъ....

Вы, конечно, слышали, Ваше Благородіе, обовсемъ, что проис-

ходило и въ Цесарскую и въ Прусскую войну, до самаго замиренія подъ Тильзитовымъ? Говорятъ, будто были у Цесаря измѣнщики, а я такъ думаю, по своему дурацкому разсужденію: грѣхъ да бѣда, на кого не живетъ. Если Бонапартѐ и не Антихристъ, такъ все таки онъ колдунъ. Что онъ былъ заговоренъ отъ пули, въ этомъ ужь меня ничто не увѣритъ. Этакъ выдумали: *не заговоренъ!* Да, какъбы онъ укрылся отъ двадесяти народовъ, пока еще не покорилъ ихъ, когда каждый человѣкъ изъ этихъ народовъ цѣлилъ въ него чѣмъ попало?.. Не мое дѣло толковать объ этомъ, смѣкайте сами. А вотъ видите:

Когда нашъ Генералъ Леонтій Леонтьевичъ Бениксоновъ показалъ Бонапартѐ, что Русакъ не Пру-

сакъ, и что зимой Рускій еще лучше дерется, по пословицѣ, что Рускому здорово, то Нѣмцу смерть, и на оборотъ, Бонапартѐ радъ былъ помириться, и такой лисой прикинулся, что нашъ Великій Императоръ Александръ Павловичъ повѣрилъ ему. Любо, дорого было смотрѣть, какъ они тогда помирились. Такой диковинки долго не увидитъ другой, какую мы тогда видѣли. Народъ, который пришелъ драться и губить другъ друга, и Богъ вѣсть откуда пришелъ—тутъ было десятка полтора разныхъ народовъ—вдругъ поладилъ, помирился, обнимался. Небольшая текла тутъ рѣчушка, Нѣманъ. Александръ Павловичъ сказалъ Бонапартѐ: « Твоя сторона, Бонапартъ, будетъ лѣвая, а моя правая; ты будто тамъ хозяйничай, а я буд-

то здѣсь; ты ко мнѣ приходи въ гости, на эту сторону, а я къ тебѣ стану приходить, на ту. И коли ужъ другъ, такъ другъ: ты не бери съ собой стражи, и я не стану брать съ собой. « Бонапарте сказалъ: « Ладно, Государь Императоръ Александръ Павловичъ! изволь, будь по твоему!» — И начались такіе пиры, гулянья, что на одномъ пирѣ по двадцати Королей, да Королевъ бывало.

Нашъ полкъ славно отличился въ послѣднихъ дѣлахъ, а въ награжденіе велѣно было намъ содержать караулы у самого Государя Императора. Однажды, стою я съ товарищемъ на часахъ, у самаго входа въ ту комнату, изъ которой входятъ къ Императору. . . . Ужь, разумѣется, поджилки дрожатъ, Ваше Благородіе: Императоръ Алек-

сандръ Павловичъ былъ такой добрый до солдатъ, да вѣдь *Императоръ*, то есть, *земной Богъ*, Ваше Благородіе, не льзя не побояться, хоть разъ душу за него положишь! Смотрю: двери, что противъ меня прямо, растворились настежь; нашъ Русскій Генералъ какой-то вытянулся въ струночку, и разговариваетъ съ какимъ-то Генераломъ — ну, этотъ не нашъ, да и не Прусакъ; пріятелей Прусаковъ мы ужь по мундиру различать научились — нѣтъ! не Прусакъ, да и такой неуклюжій, плотный, невысокій; и мундиръ на немъ такой чудный: брюхо все наружѣ, безъ перетяжки, и по краямъ обложено бѣлыми, широкими выпушками; шпажища предлинная; въ рукахъ шляпенка маленькая, низенькая; сапожищи такіе страшные, за колѣно.

Поговорилъ съ Генераломъ нашимъ, да черезъ комнату къ нашей двери, скоро, скоро таково. Вижу, что особа должна быть высокая; сдѣлалъ честь ружьемъ. Онъ остановился, да на меня, прямо таково, уставилъ глаза.... Ну, повѣрите-ли, Ваше Благородіе: такъ вотъ морозомъ обдало всего—волосы подстрижены въ кружокъ, лицо такое мѣдное, а глаза. . . . Ахъ! ты Господи! дня три потомъ мерещились они мнѣ, такіе страшные, такъ и сверкаютъ, какъ будто уголь черные, красные, желтые—и Богъ знаетъ какіе! Будто кто-то шепнулъ мнѣ, и я тотчасъ подумалъ: «Вѣдь это самъ Бонапартѐ!» А онъ мнѣ, не съ того слова, указываетъ на дверь, что къ Государю-то, и говоритъ, такъ скоро, скоро, какъ будто серди-

то, или Богъ ужь его знаетъ — да и на какомъ языкѣ, Господь вѣдаетъ — онъ чай всѣ языки зналъ, а послышалось мнѣ, будто по Русски: « *Тутъ Императоръ?* » — А я таково скоро: « *Тутъ, Ваше Императорское Величество!* » Онъ усмѣхнулся, и прямо туда, подошелъ, да по тихоньку и стучитъ въ дверь. Дверь отворилась. Самъ Императоръ нашъ, Александръ Павловичъ, показался въ дверяхъ, и какъ увидѣлъ того, что пришелъ-то, будто удивился — « А! » да и заговорилъ съ нимъ по ихнему. А этотъ самъ заговорилъ—лапочетъ, лапочетъ Императору что-то, да все таково скоро — а Императоръ-то, все этакъ ему руку трясетъ, да кланяется, и оба, знаете, такъ будто улыбаются, и ушли въ кабинетъ, и дверь заперли.

Это былъ самъ Бонапартѐ.

Тутъ прибѣжало много Генеральства, и нашего, и всякаго, и начали бѣгать по залѣ, говорятъ между собой; а одинъ, съ такой звѣздищей, ко мнѣ, и говоритъ: *Лампьрёръ?* Ну! ужь я смѣкнулъ, что не можетъ выговорить хорошенько: *Императоръ*, и говорю: « Тамъ, Ваше Превосходительство, въ кабинетѣ. » — А одинъ изъ нашихъ Генераловъ подошелъ ко мнѣ, да и шепчетъ: «Дуракъ! вѣдь это Король!» А почему мнѣ было знать: тогда Королей-то собралось въ одномъ мѣстѣ не одинъ десятокъ. Всѣ они ушли опять, и двери затворили. Черезъ часъ времени этакъ, выходятъ и нашъ Императоръ и Бонапартѐ; что-то смѣются, и все говорятъ; тотъ все лапочетъ скоро, скоро, а нашъ Императоръ только подговарива-

етъ: *вуй, вуй!* И стали ходить по комнатѣ — и пошли вмѣстѣ, сѣли на лошадей и поѣхали вмѣстѣ.—Нашъ Государь, знаете, молодецъ собой, такой красивый, высокій, дородный, да и одѣтъ-то ужь какъ.... А на того посмотрю съ искоса, и думаю: «Охъ, ты, окаянный! Такъ это ты-то Бонапартѐ? Штучка не величка, да куда бойка—да какимъ ты шутомъ одѣтъ.... Право, такъ, Ваше Благородіе, право, такъ....

Послѣ того вскорѣ, намъ сказанъ былъ походъ въ Россію, только не туда, гдѣ я бывалъ до тѣхъ поръ, а все на полночь. Шли мы, шли; спрашиваемъ: «Господи! да будетъ-ли конецъ? Неуже-ли нашей Матушкѣ-Россіи и предѣла нѣтъ?» —Ваше Благородіе! бывали-ль вы туда, дальше за Петербургъ? Вотъ

ужъ сторонка! Мы шли въ эту сторону черезъ нашу Нѣмецкую землю, да черезъ Чухонскую, да черезъ Латышскую, и пришли за Балтiйское море, въ сѣверныя горы, гдѣ намъ объявили, что началась война съ Шведомъ. Зима была такая холодная, а сторона, какой я еще и не видывалъ — гора на горѣ, все каменныя; рѣка выше рѣки: течетъ, течетъ, упадетъ съ камня, да опять течетъ, будто рѣка, и опять упадетъ съ камня, и опять течетъ. Цѣлая крѣпость вырублена тамъ изъ камня, съ пушками, и съ стѣнами, и съ воротами. Дороги всѣ были занесены снѣгами, и какъ мы шли походомъ, такъ впереди лошадей сорокъ тянули передъ нами деревянный треугольникъ, а то и проходу не было — снѣгъ по груди;

лѣсъ со всѣхъ сторонъ; увидишь деревушку, такъ въ ней непріятель; руки мерзнутъ, да дѣлать нѣчего—заряжай, да работай штыкомъ, по колѣно въ снѣгу. Стойкой народъ эти Шведы; куда лихи драться—ужь не попроситъ пардона; та только на нихъ бѣда, что народу-то у нихъ мало. Кажется, наши Генералы были молодцы, Багратіоновъ, Кульневъ — а часто бывало, Кульневъ закуситъ свои длинные усищи, да только зубами скрыпитъ, а взять не льзя —жжется!

Въ этой сторонѣ паслужилъ я недолго, Ваше Благородіе, и Шведская пуля подписала мнѣ отставку. Недаромъ есть повѣрье, что ужь если кто долго служитъ, и въ полѣ бываетъ, да у него хоть немного крови не выпустятъ, такъ ему

не сдобровать: либо положитъ свою голову, либо расплатится дорого! Такъ сбылось и со мною. Хранилъ меня Богъ до тѣхъ поръ; раненъ я не былъ ни одного раза, хоть комплекта три товарищей перемѣнилъ, и иногда, бывало, посмотришь: немного, немного остается моихъ первоначальныхъ командировъ и пріятелей! А въ это время — ужь пусть-бы на сраженьи, и сердце-бы не болѣло—а то.... поди ты, устерегись, когда ужь рокъ такой придетъ — заблудящая *пуля-дура*, какъ говаривалъ нашъ батюшка Суворовъ, разжаловала меня въ инвалиды.

Шведы засѣли въ одной деревнѣ, стояли ловко; наконецъ, мы выбили ихъ штыками, раздѣлили на три отряда, и Генералъ приказалъ намъ гнать ихъ по тремъ дорогамъ, от-

нюдь не давая соединяться. Съ утра до вечера наша рота преслѣдовала одинъ отрядъ; изморились мы до смерти. Шутка-ли: верстъ десять, что шагъ, то остановка; что пригородокъ, то стрѣлокъ; что дерево, то пуля; что загородка, то работа штыку! Наступила ночь. Мы остановились ночевать въ маленькомъ селеніи, оттуда всѣ жители убѣжали; распорядились мы по своему— развели огни; кто варилъ и ѣлъ, что найдти успѣли; другіе стояли на отводныхъ караулахъ, на ведетахъ; третьи повалились, кто гдѣ смогъ; непріятеля не было нигдѣ вблизи, но намъ не велѣно было раздѣваться. Прошло, не знаю сколько времени—вдругъ—тарара! тарара! заговорилъ барабанъ—вставай! Непріятель! Все поднялось, схватилось за ружье; слышимъ въ

просонкахъ—пили-пафъ , пили-пафъ! Перестрѣлка. Мы выбѣжали изъ избы, гдѣ спали — ночь темна , какъ вороново крыло - бросаемся на улицу, глядимъ — сверкаетъ огонь изъ за огородки , ужь въ самой деревнѣ— и тамъ , и тутъ , и здѣсь ! Какъ прошелъ, откуда взялся непріятель? У страха глаза велики , да , спасибо , Русскій солдатъ страха-то въ глаза не видывалъ—только первую дурь надобно было намъ стряхнуть. — «Ребята !» — закричалъ Капитанъ — «не стрѣлять ! Засвѣтите деревню—не трать пороху— штыками очищать , гдѣ засѣлъ непріятель — вздоръ ! Это забѣглый народъ какой нибудь !» Тотчасъ затеплилась деревня , будто свѣчка восковая , мы пошли на выстрѣлы—стрѣльба умолкала, утихала— при свѣтѣ пожара, увидѣли мы,

что въ разныя стороны бѣгутъ, тамъ Шведъ, тамъ другой—скоро вся рота наша выступила изъ деревни — свѣтло было, хоть деньги считай.... И въ самомъ дѣлѣ оказалось, что это десятка два Шведовъ, сбились съ дороги, дѣваться имъ было нѣкуда, и они рѣшились, въ расплохъ, схватить насъ — такіе сорванцы! И успѣли-бы, да не на тѣхъ напали. Казаки бывшіе при ротѣ, пустились за бѣгущими. Но я ужь не видалъ, какъ расплачивались товарищи съ забіяками, за нечаянную тревогу.

Когда бросились мы на выстрѣлы, вижу, съ полдесятка Шведовъ: за заборомъ, полуразломаннымъ, стояли они и мѣтили вдоль улицы; огонь измѣнилъ имъ, и отъ пожара протянулись длинныя тѣни ихъ по снѣгу. Туда, на заборъ,

черезъ заборъ — бацъ! пули засвистали — чувствую, что-то тепло въ ногѣ, хоть и не больно—штыкомъ повалилъ я одного Шведа, но другой хватилъ меня прикладомъ по головѣ—я упалъ, и тутъ только увидѣлъ, что сапогъ у меня полонъ крови, и снѣгъ весь покраснѣлъ подо мною; товарищи бѣжали по двору за бѣгущими. Я хотѣлъ подняться, не могъ, упалъ, а въ это время съ обѣихъ сторонъ жарко загорѣлись строенія; бревна падали; заборъ пылалъ. Я хотѣлъ кричать, но ничего не было слышно, отъ треска огня, барабаннаго бою, пальбы, и—наконецъ все затихло — ничего нестало слышно — огонь окружалъ меня со всѣхъ сторонъ—снѣгъ таялъ подо мною отъ жара — я ползъ на рукахъ, волоча ногу за собою, и скользилъ въ кро-

ви и снѣгу. Наконецъ перетащился я черезъ огарки, и бросился на улицѣ въ груду снѣга, чтобы затушить шинель свою. Думаю: «Вотъ тебѣ—подстрѣлили, да еще и изжарить хотятъ, собачьи дѣти!» Тутъ стало мнѣ холодно; я дрожалъ, и наконецъ потерялъ память....

Когда я опомнился, то увидѣлъ, что уже день; что насъ трое лежатъ въ Чухонскихъ саняхъ; Чухонецъ погоняетъ лошадь, а Казакъ погоняетъ и его и лошадь. Весь я былъ какъ разбитый; санишки такія тѣсныя, длинныя, словно гробъ, и мнѣ привелось лежать въ самомъ низу, товарищъ мой сверху былъ такой тяжелый, что я не могъ пошевелиться; чувствовалъ, какъ пальцы у меня захватывало морозомъ, а простреленная нога горѣла, буд-

що головешка. Кое какъ вытащилъ я руку, ощупалъ верхняго товарища — онъ охолодѣлый, мертвый. Я началъ кричать Казаку и Чухнѣ, чтобы выкинуть этого тяжелаго товарища. Чухна оглянулся и неотвѣчалъ ничего; а Казакъ кричалъ только: «Молчи! Недалеко!»

— Ну, Сидоръ! терпи, будь молодцомъ! Вѣдь ужь, что сдѣлалось, того не воротишь. Умереть все равно. Читай-ка: *Отче нашъ*, да *Вѣрую*.

Насъ привезли въ полкъ и сдали въ Гошпиталь.

— Какъ? Еще! — вскричалъ Лекарь, когда меня втащили въ комнату и положили на кровать.

— Этакъ ихъ ночью-то перетятнали! — Онъ закурилъ трубку, подлилъ изъ бутылки въ стаканъ свой,

стоявшій передъ нимъ не столикѣ, хватилъ добрую, и сперва подошелъ къ одному изъ привезенныхъ со мною.

— Ну! съ этимъ толковать нѣчего — ему надобенъ не я, а надобно царство небесное! Эй! неси попъ!

— Ну! ты что? — Онъ подошелъ къ другому.

— Ба! это Шведъ—погоди, пріятель, дай сперва пособить своему....

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Что у тебя?

« Нога, Ваше Благородіе —

— Только-бы не голова, а ногу приставимъ. Да у тебя обѣ ноги цѣлы?

« Въ лѣвой, кажись, пуля—смертно болитъ!

— Еще солдатъ не безъ-чего, а хнычешь!

« Больно, Ваше Благородіе!

Лекарь осмотрѣлъ мою ногу, поднялъ голову, крякнулъ, оборотился къ помощнику. « Эй! инструментъ, бинтовъ!» закричалъ онъ.

— Ваше Благородіе!

« Что ты?

— Аль хотите отрѣзать?

« Разумѣется. Видишь, какъ ты надурилъ: вѣдь нога-то твоя ни къ чорту негодится!

— Помилуйте, Ваше Благородіе! Заставьте вѣчно Богу молить: вылечите такъ.

« Трусишь?

— Не трушу, но какой я безъ ноги Царскій слуга—вылечите такъ!

« Садись! Что много калякать!— Онъ засучилъ рукава. — « Эй! инструменты!»

Ужъ если-бъ можно было, далъ-бы я этому живодеру оплеуху, да силъ-то не было. Я рѣшился, въ послѣдній разъ, показать себя молодцомъ. Куда больно было: словно жилы тянули изъ меня; а какъ начала пила скрыпѣть по кости, всякій волосокъ у меня становился дыбомъ на головѣ, будто плясать собирался.

Бухъ! Нога отвалилась. — Прощай! поминай, какъ звали.

Нашъ Полковникъ вошелъ въ это время.

— Еще операція? — вскричалъ онъ, сердито смотря на лекаря. — Слушайте: вы будете отвѣчать мнѣ за вашу охоту рѣзать руки и ноги безъ толку.... Да, что это? Ты, Сидоровъ?

« Я, Ваше Высокоблагородіе!

— Эхъ, жаль, братъ, жаль тебя, жаль молодца!

«Жаль, Ваше Высокоблагородіе, того, что не удалось умереть молодцомъ.

Полковникъ поцѣловалъ меня въ голову, отвернулся, вынялъ червонецъ и отдалъ мнѣ.

Какъ было не порадоваться, видя такую честь?

IV.

Съ полгода провалялся я въ гошпитали, и, вмѣсто двухъ ногъ, вышелъ изъ него съ полутора-ногой, да съ деревяшкой въ придачу.

На даровыхъ подводахъ привезли нашу братію, калѣкъ, въ Петербургъ. Мнѣ предложили мѣсто инвалидное въ Петербургѣ, но я просилъ отпуска на родину. И вотъ

подписали мнѣ указъ: бороду брить, милостыни не просить. Первое-то такъ, а второе-то какъ Богъ велитъ.

Видите, Ваше Благородіе —пока лежалъ я въ гошпиталѣ, дѣлать-то было мнѣ нѣчего, я раздумывалъ все про старое, и все вспоминалъ, что со мной бывало съ самаго ребячества. Вспомнилъ я родину, мать, брата, Дуняшу; вспомнилъ, что ужъ лѣтъ дюжину и въ голову мнѣ не приходило—вся эта старая дрянь вдругъ полѣзла мнѣ въ помышленіе, и такъ захотѣлось мнѣ повидать родное пепелище, и показалось мнѣ, будто Дуняша моя еще жива, и обрадуется мнѣ, и мать жива, и братъ живъ. Шшыкомъ работать нѣтъ способа, а за сохой ходить еще смогу, хоть на моихъ полуthора ногахъ. Долгъ исполненъ; вѣрою и правдою отслужилъ Сидоръ

Государю и Отечеству; можно ему отдохнуть.

Милостивые Командиры надавали мнѣ денегъ, такъ, что купилъ я себѣ лошаденку съ телѣгой, и отправился домой.

Долго ѣхалъ я, ѣхалъ—видѣлъ и Москву. Наконецъ, однажды подъ вечеръ, завидѣлъ вдали деревнишку родную, остановился, сталъ оглядываться. Какъ будто я и не выѣзжалъ; какъ будто лѣтъ пятнадцать, которые прошатался я по бѣлу свѣту, только вчера совершились! Также солнышко садилось за дальній лѣсокъ; также ночь подымалась съ лѣва черною тучею; также вечерняя птичка щебетала, словно прежде. Деревня наша была прежняя: тѣ-же домы, та-же грязь, тотъ-же питейный домъ съ елками, и такъ-же толпится подлѣ него

народъ, какъ прежде! Мнѣ сильно захотѣлось повидаться со всѣми поскорѣе, поздороваться со знакомыми, спросить о своихъ, и я прямо привернулъ къ питейному.

— Здорово, ребята! — вскричалъ я.

« Здорово, служивый! » отвѣчали мнѣ. — Я посмотрѣлъ на народъ — кой чортъ! ни кого не узнаю: все новыя рожи! Я и забылъ, что прошло пятнадцать, двадцать лѣтъ. Кто былъ въ мое время старикъ — того уже не было на свѣтѣ; кто былъ молодецъ — тотъ посѣдѣлъ и состарѣлся, кто бѣгалъ мальчишкой — тотъ уже давно былъ женатъ, и у него бѣгали мальчишки.

— Что ты смотришъ, служивый? — спросили у меня.

« Да, смотрю: нѣтъ-ли изъ васъ знакомыхъ?

— Знакомыхъ? А ты откуда? Изъ Корочи что-ль?

« Нѣтъ, подальше.

— Аль изъ Курска?

« Нѣтъ, еще подальше.

— Куда-жь ты плетешься?

« Домой.

— А гдѣ твой домъ?

« Да, гдѣ найду добрыхъ людей, а родина моя здѣсь.

— Здѣсь? Какъ такъ? — Меня окружили.

« Тьфу пропасть! ни одного стараго знакомаго. Аль всѣ перемерли?

— Да, ты кто такой?

« Сидоръ, бывалъ, Карпушкинъ сынъ.

— Сидоръ! будто это ты? — вскричалъ какой-то сѣдой старикъ.

« Да, я. А ты кто? »

— Эвося! Не узналъ Ѳомки Облѣпихина!

« Будто это ты, Ѳомка, лихачъ, кулачникъ, забіяка?

Будто это ты, Сидорка, разбойникъ, плясунъ, пѣсенникъ?

Мы глядѣли другъ на друга.

— Такъ ты воротился домой?

« Да, вотъ видишь—плясать ужь не смогу; проплясалъ, братъ, ногу!

— Да, ты старъ старъемъ — этакіе усищи сѣдые; да и калѣка....

Сѣли мы на лавочку:

— Ну! что: жива мать?

« Нѣтъ, братъ! черезъ годъ послѣ тебя скончалась.

— А братъ Василій?

« Нѣтъ, братъ—прибралъ Богъ!

— А дѣтишки его? Чай ужь теперь мужичье стали?

« Да, какія дѣтишки?

— Какъ: какіе? Ихъ было у несъ косой десятокъ.

« Парней никого нѣтъ. Дѣвки замужъ выданы.

— Кто-жь теперь въ нашемъ домѣ живетъ?

« Кто? Да, на постоѣ лѣтомъ ласточка, а зимой вьюга гоститъ.»

У меня долго не доставало силъ: спросить о Дуняшѣ моей. — « Ну, а гдѣ-жь моя Дуня?

— Какая Дуня?

« Да, жена моя, дуралей!

— Какъ ты все это помнишь, Сидоръ! Да, вѣдь она умерла, кажется, еще при тебѣ? Что-то не пригадаю я хорошенько.

Пока мы разговаривали, всѣ другіе отошли отъ насъ, и никому до меня дѣла не было.

— Пойдемъ ко мнѣ. У меня баба все тебѣ припомнитъ и разскажетъ. Имъ вѣдь, отъ нѣчего дѣлать, балясы точить — а много, братъ, времени прошло—куда много!

Мы отправились съ Ѳомой. Старуха его все припомнила и разсказала.

Я узналъ, что Дуняша моя едва могла воротиться домой, и скончалась на рукахъ моей матери. «Умирая - то, все еще говорила она, будто тебя не въ очередь въ рекруты отдали, и все еще толковала, какъ она пойдетъ просить за тебя Губернатора — да и отправилась съ этимъ въ дорогу немного подальше Курска.»

Тутъ, словно напущенное обрушилось на нашу семью: вскорѣ умерла мать; Василій худѣлъ, бѣднялъ, заливалъ горе зеленымъ виномъ, наконецъ таскался по міру съ ребятишками, и умеръ подъ тыномъ у питейнаго дома; дѣвокъ побрали добрые люди по рукамъ и повыдавали за мужь, а ребятишки, кто умеръ съ худобы, кто разбрелся, Богъ вѣсть куда, такъ, что и слуху нѣтъ; избушка, гдѣ мы жили, развалилась. Скоро сказка сказывается, а нескоро дѣло дѣлается, однакожъ, въ двадцать лѣтъ успѣетъ много его надѣлаться. Вся почти деревня перемѣнила хозяевъ, раза два горѣла, строилась, но опять была она по прежнему, и хозяева такіе-же, какъ прежде, только не тѣ, что прежде были.

Напрасно старался я узнать: нѣтъ-ли хоть кого нибудь изъ племянниковъ въ живыхъ, и куда они раздѣвались.... У мужика память коротка: что за недѣлю сдѣлалось, онъ не помнитъ—а двадцать лѣтъ? Куда тебѣ! Коли хозяинъ дома умеръ подъ заборомъ — о домочадцахъ не спрашивай. «Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе труждается зиждущій, и аще не Господь хранитъ градъ, всуе бдитъ стрегій!»

— Варвара! — говорилъ я женѣ Ѳомкиной — не можешъ-ли ты указать мнѣ на кладбищѣ могилы Дуняшиной?

«А!» отвѣчала Варвара — «какой ты затѣйникъ, Сидоръ—будто ты вчера ушелъ изъ нашей деревни: спрашиваешь о томъ, что за 20-ть лѣтъ дѣлалось, будто это

за недѣлю было! Ну, кто теперь изъ тѣхъ, кто твою Дуняшу помнитъ, остался въ деревнѣ? А кто и остался, куда припомнить: гдѣ ее положили? На кладбищѣ—говорить нѣчего объ этомъ—а чтобы найдти могилу, такъ разсуди ты самъ: сколько послѣ того похоронено народу — чай раза три перерывали его сплошь отъ одного конца до другаго....

Тутъ почувствовалъ я, что на концахъ усовъ моихъ что-то мокро—схватилъ рукой—слезы капали изъ глазъ моихъ, и падали на мои сѣдые усы.

Хозяева поужинали и ложились спать. Я сказалъ имъ, что залягу въ своей тѣлежонкѣ; но я не легъ спать, а пошелъ бродить по деревнѣ.

Ночь была свѣтлая, ясная; всѣ

звѣздочки небесныя высыпали, какъ солдаты на генеральный смотръ. На землѣ было тихо, такъ что листочекъ не шелохнется, а на небѣ еще тише; люди спали мертвымъ сномъ, и мнѣ казалось, что я пришелъ изъ могилы, съ того свѣта выходецъ, лѣтъ черезъ сотню, не нахожу ужь ни родныхъ, ни привѣта. И всѣ умерли въ моей родинѣ, умерли всѣ, кого зналъ я прежде—умерли дѣти ихъ, умерли внуки; я бродилъ по опустѣлому домовищу, гдѣ когда-то жилъ я, жили и другіе со мною.

Прибрелъ я наконецъ и къ домишку своему. Да, видно было, что онъ былъ теперь ужь не *мой*, и не *нашъ*, а *Божій*. Пустырь съ полынью, крапивой, лапушникомъ; и на немъ избушка, кровля провалилась, оконъ нѣтъ, вся покри-

вилась, держится на гнилыхъ бревнахъ, избоченясь, будто смѣется и плясать хочетъ.

Такъ грустно стало мнѣ... Пойду лучше туда, гдѣ есть знакомые жильцы! Здорово, родные! Шевелись, лѣнивый народъ! выходи на свиданье! вставай, узнавай Сидора, Ѳедя! Дуня! мать! братъ!»

Но они нешевелились и молчали. До Страшнаго Суда опредѣлено было имъ, единожды навсегда, молчать. Тутъ и горе, и радость, все тутъ, все присмирѣло и улеглось. Садись на могилу, думай, и толкуй себѣ, что хочешь.

Варвара правду мнѣ говорила, что кладбища я не узнаю. И мертвые, какъ живые будто, провели это время въ суетѣ мірской: все у нихъ было взрыто, перерыто,

будто другъ у друга отнимали они домы; старые кресты сваливались, новые ставились.

На другой день отслужилъ я панихиду, подалъ по душѣ матери, брата, жены, сына, и сталъ думать, что мнѣ съ собой дѣлать?

Мнѣ только оставалось *дожить*. Калѣка безногой! не мнѣ ужъ было, одинокому сиротѣ, думать о томъ, *какъ* дожить!

Участокъ поля, который нѣкогда принадлежалъ намъ, былъ проданъ, давнымъ давно, братомъ Васильемъ за штофъ вина. Заводить тяжбу съ земляками—солдатское-ли дѣло? Да, и къ чему мнѣ участокъ? Да, и каково станутъ смотрѣть послѣ того на меня? Ну — да и чѣмъ мнѣ выиграть тяжбу, коли правду сказать?

По милости Царской, хлѣбъ насущный у меня былъ. Подумалъ, подумалъ я....

Когда, на другой день, расходился я по деревнѣ, таково грустлило стало мнѣ....

Ну, и то, Ваше Благородіе, какъ увидѣлъ я, что за народъ мои земляки! Никто ничего не слушалъ, что я имъ разсказывалъ; никто не слыхалъ ни о батюшкѣ Суворовѣ, ни о Бонапартѣ, ни о Финляндіи, ни объ Нѣмецкой землѣ.... Пропадите вы, собачьи дѣти! — И я запрягъ свою лошадь, и поѣхалъ къ тестю.

Его давно ужь не было на бѣломъ свѣтѣ. Дуняшины сестры были такія старухи....

И бродилъ я потомъ по чужбинѣ, пока нашелъ пріютъ здѣсь, далеко отъ своей родины. А такимъ, из-

волите видѣть, образомъ нашелъ я его, что нечаянно встрѣтилъ полковаго нашего Священника; а ему пріятель былъ священникъ ближняго села; и этотъ священникъ принялъ меня, видя, что я бѣгло разбираю Церковныя книги. Началъ я звонить на колокольнѣ, читать Апостолъ въ церкви, пѣть на клиросѣ. За что взъѣлся на меня Дьячокъ — хоть я не отнималъ у него ни кутьи, ни хлѣба. А будто въ церкви Божіей пѣть, да читать запрещено всякому, кто хочетъ? Священникъ радъ былъ мнѣ пособить — да ему не ссориться-же за меня съ Дьячкомъ? Тогда открылось мѣсто писаря въ Становой. Спасибо, отецъ Алексѣй постарался; меня опредѣлили, и поселился я здѣсь, между добряками Хохлацкими. Право, хорошій народъ, Ва-

ше Благородіе. И такъ вотъ усердно слушаютъ, когда что нибудь имъ разсказываешь. Здѣсь теперь рѣдкій мальчишко не знаетъ о Суворовѣ. А это все я имъ поразсказалъ!

Иногда мнѣ кажется, будто нога у меня еще цѣла, будто я могу пошевелить ея пальцами, подымать, двигать ее. Такъ иногда мнѣ кажется, будто все, что бывало со мною на бѣломъ свѣтѣ, былъ сонъ, что я все еще по прежнему мужикъ, и со мною Дуняша, и Ѳедя, и мать.... Иногда мнѣ кажется, будто все еще я солдатъ, съ батюшкою Суворовымъ въ Цесарской землѣ, либо съ Петромъ Ивановичемъ Багратіоновымъ въ Прусской сторонѣ, либо съ Генераломъ Кульневымъ въ этой снѣговой, Чухонской сторонѣ, кото-

рую поглядѣлъ я, да расплатился за то ногой....

Вотъ и Петра Иваныча Багратіонова нѣтъ; и стараго Генерала Розембергова нѣтъ—какіе были молодцы—и Генерала Кульнева нѣтъ—царство имъ небесное, вѣчная память! Отцы были солдатскіе!...

А ужъ жаль, что эта окаянная деревяшка не дала мнѣ воли итти подъ Матушку-Москву....

Однакожъ, поздно, Ваше Благородіе! Заговорилъ я васъ. Спокойной ночи желаемъ, и здравія желаемъ — отвелъ я съ вами душу —поговорилъ....

И онъ заковылялъ на своей деревяшкѣ; вдали раздавался голосъ его; онъ пѣлъ: « *Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею,*

къ тихому пристанищу притекъ, вопію ти»....

Голосъ умолкъ. Все затихло. Еще долго сидѣлъ я на томъ мѣстѣ, гдѣ слышалъ его разсказы — мнѣ было такъ грустно.... Но, въ двадцать лѣтъ грусть непродолжительна — это легкій вѣтерокъ, который рябитъ прозрачное лоно водъ, и черезъ мгновеніе разлетается подъ небесами пѣсенкой птички....

Конецъ IV-й части.

СОДЕРЖАНІЕ

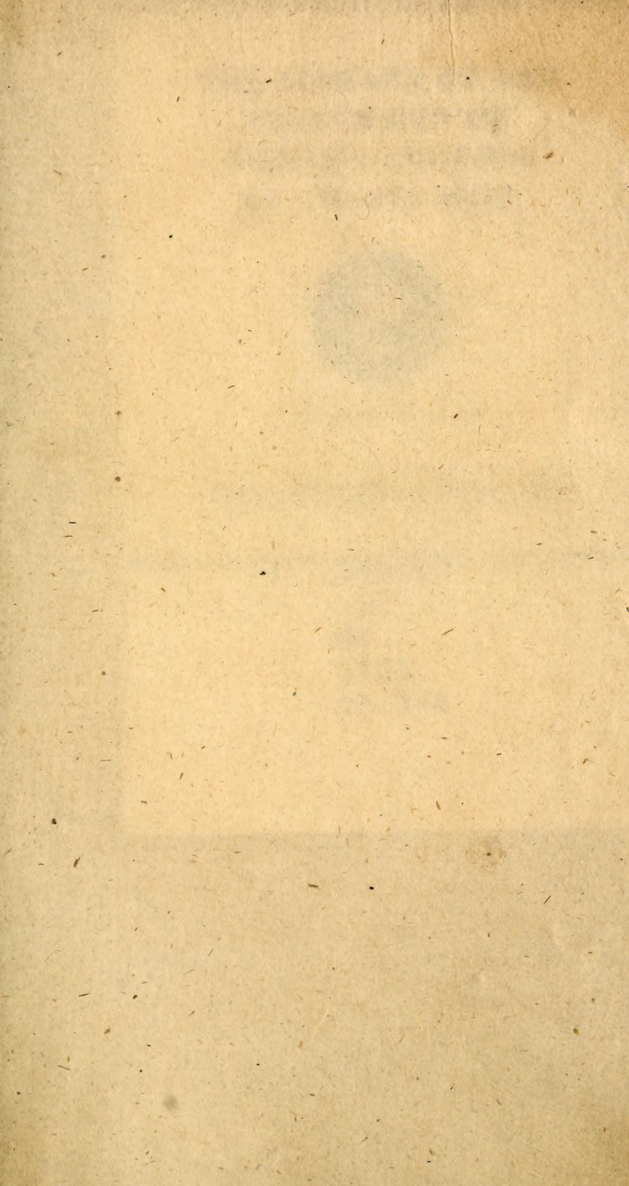
ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЕЙ.

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.

ЧАСТЬ III.

ЧАСТЬ IV.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3337
.P6
M4
1833
ch.3-4

